

Российская Академия Наук
Институт философии

В.Г. Буров

**МОДЕРНИЗАЦИЯ
ТАЙВАНЬСКОГО ОБЩЕСТВА**

Москва
1998

ББК 63.3(5)

Б 91

Рецензенты:

доктор филос. наук *В.В.Денисов*

доктор филос. наук *А.С.Панарин*

канд. филос. наук *В.Л.Терин*

Б 91

Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. — М., 1998. — 238 с.

В монографии рассматривается процесс экономической и политической модернизации тайваньского общества, начиная с 1950 года. В этой связи подробно анализируется идейно-политическая доктрина Гомиьндана, изложенная в работах Сунь Ятсена и Чан Кайши, выступлениях Цзян Цзинго и Ли Дэнхуэя. Большое место уделено демократическим преобразованиям, происходящим на острове в течение последних десяти лет, дается изложение программных документов Демократической прогрессивной партии и Новой партии. Особое внимание уделено показу роли культурных традиций, прежде всего конфуцианства в процессе модернизации.

ISBN 5-201-01971-4

©В.Г.Буров, 1998

©ИФРАН, 1998

Введение

Возрождение России, обновление российского общества немислимы без использования опыта других стран и регионов. В период “перестройки”, а также после августовских событий 1991 г. внимание советских, а затем и российских политиков и ученых было обращено всецело на изучение и использование опыта США и в какой-то степени стран Западной Европы. Оказался **совершенно невостребованным** опыт модернизации стран и районов дальневосточного региона, достигших к середине восьмидесятих годов очевидных успехов в социально-экономической области. Мы имеем в виду Японию, Южную Корею, КНР, Сингапур, а также Тайвань. Все они в той или иной степени в своей политической истории прошли тот этап социального развития, на котором находился Советский Союз к началу 1985 г., — независимо от существования принципиальных различий в идеологических основах. За исключением КНР во всех остальных странах и районах господствовал антикоммунизм.

В настоящее время существует двойкий подход к опыту стран и районов азиатско-тихоокеанского региона. Одни ученые и политики утверждают, что хотя сам по себе их опыт развития и представляет интерес, он

совершенно неприемлем для российских условий (достаточно назвать высказывания Г.Явлинского о китайском опыте). Другие, выражая сожаление по поводу не востребованности опыта азиатских стран, в то же время полагают, что поскольку Россия в последние годы избрала западную (точнее американскую) модель развития, путь этих стран для нее уже исключен.

Безотносительно от того, справедливы или нет подобного рода утверждения, изучение опыта модернизации азиатских стран имеет немаловажное практическое значение для развития России, прежде всего в методологическом плане.

Теория модернизации начала разрабатываться в 50-60-ые годы XX в. на примере или опыте западных обществ. Концептуальный арсенал этой теории, а также конкурирующей с ней теории “зависимого развития” используется для изучения социальных и культурных изменений в обществах “третьего мира”¹.

По мнению многих авторов, модернизация носит цивилизационный, социокультурный характер, другими словами она обнимает собой все сферы общественных отношений, хотя ее влияние на них далеко неравномерно. По словам Б.С.Старостина, “цель и смысл модернизации – не только экономический рост, но и достижение определенного уровня развития социальной культуры”, которая включает в себя технологическую, управленческую, политическую и цивилизационную культуры”².

Модернизация в значительной степени представляет собой ответ на вызов развитых стран, поиск форм цивилизационного существования в условиях новых мировых реалий. Когда говорят о модернизации, то “большинство предпочитает судить о современности той или иной страны по степени ее приближения или вхождения в мир западной цивилизации, причем последняя выступает как общая мера цивилизованности вообще.

Быть современным — значит быть Западом, считается страной западного типа”³. В российской научной литературе высказывается мнение, что “модернизация в современном мире есть движение к утверждению в обществе культуры, социальных отношений, типа воспроизводства либерального общества”⁴.

Когда говорят о “модернизации”, то обычно имеют в виду не столько рост промышленного и сельскохозяйственного производства, сколько развитие современных отраслей народного хозяйства, использование в производстве последних достижений науки и техники. Однако, по мнению тайваньских ученых, было бы неправильно сводить модернизацию к этим — чисто “техническим” параметрам. Это гораздо более сложное социальное явление, имеющее следующие двенадцать признаков.

Первый. Уровень урбанизации.

Современное государство не может иметь только несколько крупных городов, должно существовать определенное, рациональное соотношение между городскими и сельскими районами страны, с тем чтобы не было заметных различий между городом и деревней.

Второй. Уровень грамотности и наличие системы профессионального образования.

Основой современного общества является широкое распространение образования, в том числе профессионального. Это значит, что в нем практически не должно быть неграмотных, кроме того, любой человек должен иметь возможность получить обучение той специальности, которую он избрал.

Третий. Количество газет, находящихся в обращении.

Уровень модернизации любого государства определяется количеством выпускаемых в нем газет, ибо это свидетельствует не только о культурном уровне гражд-

дан, но и об интересе к делам общества. Естественно, что количество находящихся в обращении газет, напрямую зависит от свободы печати.

Четвертый. Политическая демократизация.

Ее признаками являются существование оппозиционных партий, предоставление всем политическим силам одинаковых условий для своей деятельности, возможность тайного голосования на выборах.

Пятый. Гарантия свободы предпринимательства.

Этот признак является основополагающим для характеристики модернизации, ибо он составляет каркас свободы, демократии и управления с помощью законов.

Шестой. Признание общества секуляризованным организмом.

Самое большое различие современного общества от традиционного состоит в том, что в нем нет различий по наследственным и социальным признакам.

Седьмой. Увеличение скорости социальной мобильности людей.

Происходит быстрое перемещение людей из деревни в город, одной профессиональной группы в другую. У членов общества появляется гораздо больше возможностей для проявления своих способностей и знаний.

Восьмой. Дифференциация профессий.

В результате научно-технического прогресса общество перестало быть чисто аграрным либо чисто индустриальным, значительный удельный вес в нем занимает сфера обслуживания, произошла дифференциация профессий – количество их быстро возросло.

Девятый. Непрерывное появление самодеятельных общественных организаций.

Дифференциация и усложнение производства и общественной жизни приводит к появлению большого количества самодеятельных общественных организаций,

каждая из которых защищает интересы определенного конкретного социального слоя или профессиональной группы людей.

Десятый. Осознание гражданами государства своей принадлежности к одному и тому же обществу.

В современном обществе его члены избегают насильственных или вооруженных методов при решении назревших проблем, все социальные установления и нормы изменяются с соблюдением законных демократических процедур. Это тем более относится к руководителям государства, они не должны применять силу в качестве орудия управления.

Одиннадцатый. Существование независимой судебной системы.

При принятии решений суды должны быть независимы от влияния каких-либо партий и органов государственного управления любого уровня.

Двенадцатый. Полная духовная свобода, отсутствие каких-либо идеологических запретов.

В современном обществе нет какой-либо одной официальной идеологии и одной официальной политической организации. Идеологические и политические пристрастия людей меняются в зависимости от изменения объективных и субъективных условий⁵.

Модернизация предполагает изменение всей структуры общества, всей системы общественных отношений и что еще более важно — самого человека. Модернизация это не только улучшение материального уровня жизни, но и изменение представлений людей, их интеллекта. Жить в современных квартирах, иметь в личном пользовании автомобиль, употреблять западную пищу, носить западную одежду — всех этих условий еще недостаточно для того, чтобы говорить о модернизации. Применительно только к человеку модернизация означает — обладает ли он современными знаниями и представлениями, соответствуют ли его действия совре-

менным нормам. Применительно ко всему обществу следует говорить о правовом государстве, о тенденции к справедливости, разумности и согласию.

По мнению китайских ученых, было бы неправильно полагать, что модернизация означает полный разрыв со всем предшествующим социальным или культурным опытом. Например, проф. Петер У из Тайваньского национального университета, считает, что модернизация ни в коем случае не есть антитрадиционное или нетрадиционное движение, она имеет преемственную связь с традицией в историческом континууме⁶.

Очевидно, что процесс модернизации немислим без политической модернизации. В течение последних десятилетий данная проблема активно обсуждается политической наукой. Г.Алмонд и Д.Коллман описывают политическую модернизацию как изменение структуры и функций политической системы в связи с ее увеличивающейся дифференциацией, рационализацией и влиянием⁷. К.Дейч, З.Бжезинский, С.Хантингтон, Д.Эйптер и др. как существенные особенности политической модернизации рассматривают увеличение возможностей и приспособляемости политической системы⁸. По мнению того же С.Хантингтона, политическая модернизация включает в себя легитимацию и рационализацию политических институтов для облегчения политического участия и управления. Г.Алмонд и С.Верба полагают, что “политическая модернизация означает изменение политической культуры, когда ее характерным признаком становится участие масс в политической деятельности”⁹.

Независимо от расхождений по отдельным вопросам авторы различных концепций политической модернизации едины в следующем. Во-первых, западный тип демократии рассматривается как центральный пункт политической модернизации. Ее суть состоит в демок-

ратизации – осуществлении власти большинства, представительного правления и прав человека. Во-вторых, необходимо постоянное политическое участие всех граждан, а не только отдельных слоев населения в политической деятельности; т.е. вовлечение в политику низших слоев общества. В-третьих, происходит изменение функций правительства. Раньше они сводились лишь к властным полномочиям, которые состояли в обеспечении контроля над тем, кто находился в его подчинении. Правительство отвечало за обеспечение судопроизводства, внутреннего и внешнего мира, сбор налогов. Теперь у правительства появилась еще одна функция – ответственность за развитие экономики и социальной сферы.

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть опыт модернизации тайваньского общества за последние сорок с лишним лет, который до сих пор практически остается неизвестным российскому читателю. Ряд вопросов социально-экономического развития Тайваня является предметом обсуждения в книге И.А.Шин¹⁰. В девяностые годы появилось несколько брошюр ознакомительного характера о Тайване¹¹. Единственное исключение представляет опубликованная в 1994 году книга “Современный Тайвань”¹², в ней рассматриваются различные стороны экономической, политической и культурной жизни современного тайваньского общества, однако и в ней, в сущности, мало затрагивается опыт его модернизации.

В 1997 г. появилась работа Л.М.Гудошников и К.А.Кокарева “Политическая система Тайваня”, в которой содержится структурно-функциональный анализ основных институтов политической системы Тайваня и их эволюции с конца 40-х гг. до настоящего времени.

К началу 1949 года Гоминьдан (ГМД) еще контролировал большую часть территории Китая, за исключением Северо-Востока страны (Маньчжурии). Однако к

концу 1949 г. ГМД потерпел сокрушительное военнополитическое поражение в соперничестве с Коммунистической партией Китая (КПК). Он утратил контроль над территорией материкового Китая, в его руках остался только остров Тайвань и группа мелких островов вблизи восточно-китайской провинции Фуцзянь, из которых наиболее крупными были два – Куэмой и Мацзу.

1 октября 1949 г. в Пекине Мао Цзэ-дун провозгласил создание Китайской Народной Республики.

Внутренними факторами поражения ГМД были следующие:

- неэффективная экономическая политика, сопровождавшаяся сильной инфляцией,
- ужасающих размеров коррупция,
- некомпетентность военного командования,
- недальновидная политика в области образования, которая отчуждала от режима молодежь и интеллигенцию,
- неспособность ГМД стать партией, которой бы доверяли и элита и простые люди.

Существовали и внешнеполитические факторы:

- нежелание США идти на вооруженную конфронтацию с китайскими коммунистами,
- активная материальная поддержка КПК со стороны Советского Союза.

Остатки гоминьдановской армии вместе с наиболее активными членами и сторонниками ГМД пересекли Тайваньский пролив и прибыли на остров. Их общее число равнялось приблизительно 1 300 000 человек, из которых военные и гражданские лица составляли примерно равные части. По отношению к жителям Тайваня¹³ это было около 15%. Их морально-политический дух был весьма низким, доминировали пораженческие настроения. Существовала постоянная угроза вооруженного вторжения с материка, однако гоминьдановские войска находились в плачевном состоянии.

К моменту прибытия на Тайвань гоминьдановского правительства остров представлял одну из отсталых провинций Китая. Почти 50 лет он находился под японским правлением и был освобожден только незадолго до этого — в 1945 году. Мероприятия японского правительства по развитию тайваньской экономики были односторонними, имея чисто военно-прикладной характер. В сущности, экономическая база Тайваня находилась в зачаточном состоянии. 28 февраля 1947 г. состоялись трагические события, навсегда вошедшие черной страницей в историю Тайваня и всего Китая. В этот день местные жители выступили с требованием политических реформ, ориентированных на участие тайваньцев в управлении островом. Гоминьдановцы ответили на это выступление кровавыми репрессиями¹⁴.

В тогдашних условиях политический режим ГМД могли спасти только широко масштабные социально-экономические реформы, другими словами модернизация тайваньского общества.

В середине 1950 года в благоприятную для ГМД сторону изменились внешнеполитические условия. Корейская война позволила Тайваню решить вопрос защиты от вооруженного нападения КПК. США взяли на себя роль гаранта безопасности острова. Одновременно с военной помощью они стали предоставлять Тайваню и экономические субсидии. Однако сотрудничество с США никоим образом не могло заменить усилий самих жителей Тайваня. В каких бы размерах не предоставлялась американская экономическая помощь она могла служить лишь дополнительным, но не главным, не основным фактором.

Немаловажным обстоятельством, сыгравшим огромную роль в процессе модернизации, сыграл личный фактор — политические амбиции руководителя этого процесса Чан Кайши или как принято говорить на Тайване Цзян Чжунь-чжэня. Для него, являвшегося одновременно и председателем ГМД и президентом

страны — Китайской Республики¹⁵, вопрос модернизации тайваньского общества был вопросом жизни и смерти, ибо, во-первых, она позволяла в какой-то степени решить проблему внешней угрозы, хотя, конечно, в военном отношении силы ГМД и КПК были несопоставимы; и во-вторых, что было не менее важным, модернизация тайваньского общества позволила бы поставить точку в продолжавшемся уже почти тридцать лет идейно-политическом споре между двумя ведущими политическими силами страны и тем самым доказать, чей опыт и доктрина более соответствуют условиям Китая.

В этой связи представляется целесообразным анализу самого процесса модернизации тайваньского общества предпослать рассмотрение идейно-теоретической программы ГМД.

Данное монографическое исследование явилось не только результатом изучения работ тайваньских, западных и российских ученых. Его появление стало возможным благодаря личному знакомству автора с опытом тайваньской модернизации во время трех его поездок на остров — на рубеже 1991/1992 гг., 1994/1995 гг., а также в 1995 г. и состоявшимся там беседам с тайваньскими учеными и политическими деятелями. Автор выражает свою признательность за предоставленные справочные материалы сотрудникам Представительства в Москве Тайбэйско-московской комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству.

Глава I

ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГОМИНЬДАНА

1.1. Политическое учение Сунь Ятсена

Вплоть до настоящего времени официальной идеологией ГМД являются три народных принципа Сунь Ятсена – национализм, народовластие и народное благосостояние. Естественно, что с момента смерти их создателя – а с этого времени прошло уже более семидесяти лет – их интерпретация руководством ГМД и его официальными идеологами претерпела определенные изменения.

Политическое учение Сунь Ятсена, в основе которого лежит принцип народовластия, формировалось под влиянием как китайской, так и западной политической мысли, оно является как бы своеобразным мостом между ними. В десятих-двадцатых годах – период своего выдвигения – идеи Сунь Ятсена являлись новым словом на фоне программных установок тогдашних китайских общественных движений и политических групп.

В китайских источниках в течение многих столетий господствовала точка зрения о легитимности монархической власти. Об этом говорили еще мудрецы древности. По словам Конфуция, “Если в течение трех месяцев не будет правителя, то порядок исчезает”¹⁶. Древнекитайский мыслитель Хань Фэйцзы в сохранении социальной иерархической системы видел основу

могущества государства: “Министр повинуется правителю, сын повинуется отцу, жена повинуется мужу. Если соблюдаются эти три отношения, то в Поднебесной существует порядок, если нарушаются эти три отношения, то в Поднебесной возникает беспорядок. Таков постоянный закон Поднебесной и его не могут изменить ни мудрый правитель, ни умный министр. И даже если правитель не является хорошим, министр не вправе вмешиваться”¹⁷.

Вместе с тем, в истории китайской политической мысли можно было найти немало высказываний о важной роли народа в общественно-политической жизни, которые могли быть интерпретированы как зародыш демократических идей. Приведем несколько таких высказываний: “Народ является основой государства, если основа крепкая, то в государстве царит спокойствие”¹⁸; “То, что любит народ — следует любить, то, что ненавидит народ — следует ненавидеть”¹⁹; “Из политики известно, что народ не может не быть основой, государство считает его основой, правитель считает его основой, чиновник считает его основой, поэтому государство благодаря народу различает спокойствие и опасность, правитель благодаря народу различает, что внушает уважение, а что внушает презрение, чиновник благодаря народу различает, что является драгоценным, а что не имеет ценности, это и означает, что народ не может не быть основой”²⁰, “Небо порождает народ, но не в этом замысел Неба, Небо ставит государя, чтобы управлять народом. Поэтому Оно дает ему добродетельные качества, которые приносят народу спокойствие и радость и отбирает у него дурные наклонности, которые приносят народу вред и ущерб”²¹.

В истории китайской политической мысли есть высказывания относительно того, что государь, осуществляющий негуманное, жестокое правление теряет право на “Мандат Неба” и может быть свергнут. Об

этом, в частности, говорил Мэн-цзы. Некоторые его идеи можно интерпретировать как демократические или даже революционные. По мнению Мэн-цзы, если правитель не является добродетельным государем, его министры имеют право на его критику, если же он не воспринимает ее, то они должны подать в отставку. Когда же деятельность правителя наносит серьезный ущерб общественным интересам, то он может быть отстранен от должности и даже наказан. Взгляды Мэн-цзы были типичными для конфуцианства. Согласно конфуцианской концепции исправления имен “имя” (т.е. титул, должность, звание) должно соответствовать реальной практике, когда имя и практика не соответствуют друг другу, следует принимать соответствующие меры. Правитель, политика которого не соответствует добродетели, уже не может быть правителем, поэтому правитель, который хочет, чтобы его практика соответствовала его “имени”, т.е. титулу, должен поступать так, как должен поступать правитель. Если правитель поступает как тиран, его можно свергнуть, поскольку его действия не соответствуют имени “правитель”, но на этом основании нельзя упразднить сам пост правителя.

Мэн-цзы также считал, что народ обладает большей ценностью, чем руководители или правитель. “Народ является главным в государстве, за ним следуют духи земли и зерна, а государь занимает последнее место”²². Такой же позиции еще раньше придерживался Конфуций. Его принято считать консерватором и в этом есть своя доля истины, поскольку он с большим уважением относился к культурной традиции. Однако, по большому счету, по своим политическим взглядам он не был консерватором. Он выступал с критикой существующих порядков, поэтому он не смог получить должного признания со стороны власть предержащих, из-за чего всю свою жизнь ему пришлось провести в странствованиях.

Мыслитель XVII в. Хуан Цзунси в своем знаменитом трактате “Мин и дай фаньлу” (План для наследника престола) утверждал, что борьба за обладание престолом императора ведет к постоянным конфликтам и войнам. Многие из тех, кто на протяжении столетий были правителями, руководствовались эгоистическими интересами, поэтому вред, причиненный ими народу, трудно описать словами.

Естественно, однако, что в истории китайской политической мысли не могли сложиться какие-либо законченные теории или концепции демократии. Поэтому система централизованной монархии, диктаторского режима просуществовала в Китае в течение двух с лишним тысяч лет.

Только Сунь Ятсен еще в конце XIX в. впервые в истории Китая со всей определенностью поставил вопрос о ликвидации монархии и республиканской форме правления. При этом он подчеркивал связь демократических идеалов с национальными традициями. В этой связи делались ссылки на следующий отрывок из главы “Ли юнь” древнекитайского трактата “Ли цзи”: “Когда осуществлялось Великое дао, Поднебесная принадлежала всем. Для управления Поднебесной избирались мудрые и способные люди. Между людьми царили доверие и дружелюбие. Поэтому люди считали близкими себе не только одних своих родителей и по-отечески относились не к одним только своим детям. Престарелые люди могли спокойно доживать свой век, взрослые люди находили применение своим способностям, а малолетние получали возможность спокойно подрастать. Все одинокие, вдовы, сироты, бездетные, калеки и больные были окружены заботой; мужчины выполняли свой долг, женщины обладали самостоятельностью, богатства не выбрасывались понапрасну, так же как и не скапливались у отдельных лиц; способности людей использовались полностью и не служили выгоде отдель-

ных лиц. Тогда не было предательства, лжи, интриги, не было грабежей, краж, смут и люди, уходя из дому, не запирали дверей. Это было общество датун”²³. “Датун” – в переводе с китайского означает “великое единение”. Стремление возродить подобное общество было идеалом многих китайских мыслителей и политиков. Теперь этот лозунг взяло на вооружение руководство ГМД. По словам Сунь Ятсена, общество “датун” – “Поднебесная принадлежала всем...”, существовавшее, по его словам, в период правления трех династий – Ся, Шан, Чжоу, легендарных правителей Яо и Шуня, т.е. в глубокой древности, являлось зародышем республиканской формы правления. Отвлекаясь от того, насколько это утверждение имело основание в реальной исторической действительности Китая, оно играло важную политическую революционизирующую роль, поскольку из него напрашивался вывод о том, что демократия является порождением отечественной, а не зарубежной политической истории, что было весьма немаловажно в тогдашних условиях Китая.

По мнению Сунь Ятсена, при абсолютистском режиме, китайцы якобы пользовались определенной свободой, правительство следило лишь за своевременной уплатой налогов, соблюдением законов и почитанием правителя, при решении остальных вопросов китайцы якобы были автономны в своих действиях. Об этом свидетельствовали поговорки типа: “Небо высоко, а до императора далеко”, “Какое отношение ко мне имеет могущество императора?” и т.п.

В то же время Сунь Ятсен сознавал, что в традициях китайцев было характерно отсутствие чувства ответственности за судьбы государства, они привыкли подчиняться чьей-либо власти, а не следовать своему мнению, принимать самостоятельные решения. В китайской политической культуре бытовали следующие представления – “благородные мужи не примыкают к кому-либо,

а простолюдины не высказывают своих мнений”, т.е. те, кто не занимает должностей, не размышляет о политике, в результате чего правительственные решения принимаются без обсуждения²⁴.

Сунь Ятсен осуждал традиции подобной политической культуры: “Допустим, что благородные мужи не рассуждают о политике; студенты не рассуждают о политике; те, кто занимается сельским хозяйством, не рассуждают о политике; те, кто работает в промышленности и торговле, не рассуждают о политике, то тогда остается спросить, кому же принадлежит Китайская Республика? Если люди не проявляют чувства ответственности, то разве можно создать государство? Мудрые философы Греции говорили, что человек – это политическое животное, человечество возникает тогда, когда появляются те, кто обладает политическим мышлением и политическими действиями, именно этим человек отличается от других животных. Поэтому тот, кто не рассуждает о политике, не является человеком, человек не может быть отделен от государства, а следовательно, не может быть оторван от политики”²⁵. Следовательно, Сунь Ятсен считал, что политическое участие является непременным атрибутом функционирования демократического общества. Политика является уделом масс, вне их участия нельзя вообще говорить о каких-либо политических решениях.

Демократия тождественна понятию “республика”. Одним из препятствий на пути установления республиканской формы правления Сунь Ятсен считал присутствие в умах людей монархических, “царистских” настроений. Подчеркивая важность их преодоления, он говорил, что после создания республики “императором станет весь китайский народ”.

Идеи установления в стране республиканской формы правления как средства осуществления демократических преобразований и в конечном счете модернизации

ции китайского общества возникли у Сунь Ятсена уже в самом начале его революционной деятельности — в девяностых годах прошлого столетия, когда в большинстве европейских стран еще существовал монархический строй. И затем на протяжении всей своей политической деятельности он не отказывался от замены монархии республикой. Это стало главным содержанием принципа “народовластия”. Его понимание сложилось главным образом под влиянием знакомства с зарубежной литературой, хотя, как уже отмечалось выше, было навеяно также идеями, развивавшимися китайской политической мыслью. В годы своей вынужденной эмиграции Сунь Ятсен проштудировал (в том числе, в Англии, в Британском музее) большое количество книг известных западноевропейских и американских мыслителей. В этом ему помогло знание английского языка, приобретенное во время учебы в английском медицинском колледже в Гонконге. Им были основательно проработаны труды Милля “О свободе”, Кропоткина “О взаимопомощи”, Дарвина “О естественном отборе”, Маркса “Капитал”, Руссо “Теория общественного договора”, Монтескье “О духе законов”, Бисмарка “Государственный социализм” и др., ему были известны также идеи Линкольна, Генри Джорджа. Одновременно Сунь Ятсен знакомился и с теми работами, в частности, с книгой английского ученого Ликни “Демократия и свобода”, в которых подвергались критике идеи демократии и свободы, а также демократические институты в США, Англии, Франции. Позднее он писал, что это помогло ему утвердиться в правильности своих позиций.

В результате знакомства с литературой по вопросам демократии и свободы, а также практикой осуществления идей либерализма Сунь Ятсен создает оригинальную политическую теорию, в которой в переработанном виде содержались идеи западных и китайских

мыслителей. Эта теория находит свое воплощение в принципе “народовластия”. Согласно ему, необходимо различать права и власть, народу принадлежат права, правительству принадлежит власть, тем самым оно как бы получало мандат на управление страной.

Сунь Ятсен имел свою точку зрения на проблемы свободы, равенства и прав человека. Он рассматривал их как неотъемлемые атрибуты китайской политической демократии XX века, ибо они создают возможность для проявления индивидом своих способностей, развития творческих сил общества и расцвета государства. Исторические причины появления в Европе идей свободы он связывал с длительным господством абсолютизма и связанным с этим ущемлением прав человека: “В тот период народ испытывал притеснения, существовало много несвобод, самые главные из них — несвобода мысли, несвобода высказываний, несвобода действий. В настоящее время три несвободы в Европе как будто бы уже в прошлом, какова же ситуация существует ныне? Мы отсюда не можем видеть, однако несвобода действий еще существует..., поэтому в Европе люди еще испытывают в этом отношении притеснения, ситуация здесь крайне серьезная и как только раздаются призывы к свободе, люди сразу подхватывают их, именно в этом заключаются причины революционного подъема в Европе”²⁶.

Однако практика революционной борьбы оказалась совсем не такой, какой представляли ее себе идеологи свободы и равенства, отмечал Сунь Ятсен, революции выплеснули на поверхность большое количество крайностей, в ходе их обнаружили произвол и своеволие революционных масс, которые не считались ни с какими ограничениями. Особенно ярко это проявилось в период Французской революции. “После ее победы свобода и равенство, завоеванные народом, оказались чрезмерными, простые люди стали использовать свободу и

равенство безо всяких ограничений, осуществлять свободу и равенство сверх допустимого, в результате правительством оказалось не в состоянии осуществлять свои функции, получилось так, что хотя в государстве и есть правительство, фактически его не оказалось. Наибольшее препятствие для осуществления прав народа представляли те, кто требовал полного их осуществления. Например, в период Французской революции, когда народ получил все свои права, ему оказались не нужны руководители и много знающих и компетентных руководителей было убито, осталась лишь группа дельцов, которые не представляли себе как вести дела и поэтому их легко могли использовать другие; поскольку у людей не было настоящего кругозора, возникали такие случаи, когда они не могли разобраться в том, кто прав — кто виноват, если кто-либо выступал с каким-либо призывом, бездумно присоединялись к нему. Подобные явления очень опасны”²⁷.

Злоупотребления свободой, говорил Сунь Ятсен, имеют место не только в Европе, но и в Китае. Он называет это “болезнью чрезмерной свободы”, когда она “переливается через край”, т.е. когда ее слишком много. Однако осуждая крайности революции, заявляя, что неограниченная свобода ведет к произволу, беспорядкам и анархии, он в то же время отнюдь не выступал против самой идеи свободы. Он выступал лишь за разумное ограничение в использовании личной свободы, ссылаясь в этой связи на мнение Дж.Милля: “В Англии есть ученый, фамилия которого Милль, он говорит, что только та свобода является подлинной свободой, которая не нарушает свободу другого человека, если же она нарушает ее, то это не есть свобода. Раньше в Европе, Америке говорили о свободе, неограниченной никакими пределами, только Милль установил пределы свободы, раз появились пределы, то следовательно исчезло понимание беспредельной свободы. Поэтому

ученые стали понимать, что свобода не есть нечто священное, что нельзя нарушить и что необходимы определенные пределы для ограничения свободы”²⁸.

Сунь Ятсен выступал за разумное **сочетание индивидуальной свободы и государственной свободы**, под которой он понимал совокупность общественных интересов, обеспечивающих нормальное функционирование государственного механизма. “Свобода государства” может противоречить свободе отдельного индивида, однако поскольку от нее зависит существование и развитие общества, она имеет приоритетное значение, — в том смысле, что с ее помощью может происходить и происходит “умиротворение” свобод отдельных индивидов. Высказывания Сунь Ятсена были направлены против крайнего индивидуализма, положений нищезанства, анархических идей, получивших в то время в Китае широкое распространение. Он был солидарен с Руссо в том, что заключение общественного договора и подчинение индивида общей воле или закону не наносит ущерба самой природе свободы. Свобода, говорил он, должна находиться в рамках справедливых норм. Впоследствии Чан Кайши назвал это “свободой, регулируемой определенными правилами”.

Вместе с тем Сунь Ятсен полагал, что в тогдашних условиях Китая, в силу особенностей его политической культуры, нет условий для осуществления идей Локка и Руссо о свободе, что поэтому в китайском обществе они скорее носят характер идеала.

Сунь Ятсена интересовали также проблемы социального и политического равенства, которые он рассматривал в тесной связи с проблемой свободы. В определенной степени он испытал на себе влияние Руссо (Локка, Дж.Милля). Как известно, Руссо считал, что свобода и равенство присущи человеку с рождения, они являются его неотъемлемыми атрибутами, на которые

никто не может посягнуть. По его словам, революция происходит потому, что свобода и равенство “оказываются в путах”.

В первый период своей политической деятельности Сунь Ятсен под влиянием знакомства с произведениями западноевропейских и американских мыслителей XVIII-XIX вв., а также французской и американской конституций полагал, что естественные права человека никому не позволено узурпировать и за них необходимо бороться с оружием в руках. Однако позднее он постепенно приходит к выводу, что естественная свобода и равенство существуют лишь в первобытном состоянии человечества, однако по мере его развития подобное равенство невозможно. Неравенство существует в природном мире, еще Мэн-цзы говорил, что неравенство вещей является их сущностью. Тем более трудно говорить о равенстве применительно к человечеству. Среди людей, отмечал Сунь Ятсен, есть люди мудрые, умные, талантливые, знающие, заурядные, обычные, тупые, низкие и т.д. По своим интеллектуальным и физическим возможностям люди делятся на три категории — “сразу способных к размышлению и восприятию”, “не сразу способных к размышлению и восприятию” и “неспособных к размышлению и восприятию”. В одной из своих лекций о народовластии Сунь Ятсен подчеркивал: “Если говорить о равенстве социальных статусов, то только вначале существует равенство статусов, а затем на основе своих природных интеллектуальных способностей каждый сам занимается своим развитием. Поскольку полученные каждым человеком от рождения интеллектуальные способности неодинаковы, достигнутые ими результаты естественно неравны. Только при таком понимании можно говорить о подлинном равенстве. Если не принимать в расчет интеллектуальных способностей, полученных людьми от рождения, а того, кто

сумел достичь высокого статуса, опускаться до равного с другими статуса, в мире не будет прогресса, человечество будет переживать регресс. Поэтому мы должны говорить о равенстве прав людей, а также добиваться прогресса общества, т.е. чтобы люди **имели равенство в своем политическом статусе**, так как равенство создается людьми, и не даруется природой, создаваемое людьми равенство — это всего лишь равенство в их политическом статусе (выделено нами — В.Б.)”²⁹.

Конечно, суждения Сунь Ятсена относительно существующих различий в интеллектуальных способностях людей — градация их на три категории — нельзя считать научными, однако смысл его высказываний был понятен. Он бился над проблемой как практически реализовать равенство людей в условиях существования неравенства их интеллектуальных и физических способностей. Сунь Ятсен отчетливо сознавал, что абстрактного или абсолютного равенства нет и быть не может, поэтому в обществе неизбежно неравенство людей в их социальном и имущественном положении. Возможна ли ликвидация неравенства вообще? Нет, отвечал он. Возможно смягчение этого неравенства, достижение равенства в **основном**, таков был его ответ. Для разрешения данной проблемы необходимо использовать два пути — политический и нравственный. Политический путь — это использование революционных методов для ликвидации неравенства в различных сферах. Нравственный путь состоит в воспитании в людях **идеи** служения обществу и другим людям. Осознав, что она является высшей добродетелью, они должны сделать ее сущностью своей жизни. Необходимо, говорил он, установить дух согласия между тремя категориями людей — различающимися между собой по способностям к размышлению и восприятию, а это возможно

только в том случае, если каждый проявит “дух служения”, т.е. отдаст обществу все свои способности. Только в таком случае в обществе может установиться подлинное равенство.

На формирование политических взглядов Сунь Ятсена и позднее Чан Кайши большое влияние оказала интеллектуальная атмосфера китайского общества конца XIX в. и первых десятилетий XX вв. В этот период многие известные мыслители и политики размышляли о будущем Китая, развитии в стране атрибутов демократии. Деятель реформаторского движения конца XIX в. Лян Цичао, например, писал: “Американец Линкольн, говоря о политике, обобщенно выразил ее тремя предложениями — **of** the people, **by** the people and **for** the people (принадлежит народу, народом управляется и для народа существует). Нашими учеными подробно объяснялись принципы **of** и **for** (принадлежит народу и существует для народа), только о принципе **by** (управляется народом) не было известно... Ученые говорили, что народ является основой государства, политика заключается в заботе о народе, однако ее исходный пункт, ее власть находились вне народа, поэтому каков же эффект такого принципа, который народ считает основой, но не допускает его участия в политической власти?”³⁰. Специалист по восточной культуре и философии, профессор Пекинского университета Лян Шумин писал: “Хотя в Китае очень рано стали развивать политические принципы “Принадлежит народу и существует для народа”, но в течение двух-трех тысяч лет не было видно режима демократической политики. Позвольте спросить, если его не позволяли установить, то кто думал, как его осуществить? Три принципа (т.е. принадлежит народу, управляется народом, существует для народа) не были связаны, много говорили о двух

принципах (первом и третьем – В.Б.) – начиная от Мэн-цзы и кончая Хуан Ли-чжоу, а второй принцип и не думали осуществлять в течение нескольких тысяч лет, разве это не странно?”³¹

Сунь Ятсен поэтому настаивал на взаимосвязи всех трех принципов: “Три народных принципа, которые я пропагандирую, по-существу представляют собой учение, собравшее вместе китайские и зарубежные идеи, соответствующие мировым стандартам. Это – кристаллизация всего достигнутого мной в политическом смысле, фактически это совпадает со словами Линкольна **“of the people, by the people and for the people”**, пропагандируемые им идеи “принадлежит народу, управляется народом и существует для народа, это то же самое, что и пропагандируемые мной три принципа – национализм, народовластие и народное благосостояние”³².

Конечно, три народных принципа далеко не совпадали с идеями Линкольна, однако определенная преемственная связь между ними существовала, самое главное заключалось в том, что идеи американского либерализма получали право на хождение в китайском обществе, что безусловно имело революционизирующее значение.

В период представления трех народных принципов на суд китайской общественности Сунь Ятсен всецело находился под влиянием идей европейской и особенно американской политической мысли и практики. В одном из своих выступлений перед студентами он выступал за полное западничество китайского общества, не только призывал их изо всех сил учиться у Америки, но и прямо требовал “превратить Китай в Америку”, он хотел, чтобы Китай мог иметь такие же демократические свободы и материальные достижения, какие тогда имели США. В лекции “Народное благосостояние и

государственный социализм” Сунь Ятсен говорил: “Три власти при республиканской форме правления существуют раздельно, каждая имеет свою сферу функционирования. Из этих трех властей наиболее важным является законодательный орган, он представляет собой народное собрание. Для того, чтобы иметь совершенное государство, необходимо прежде иметь совершенный парламент и совершенные политические партии”³³.

Однако по мере знакомства с американской и европейской политической жизнью, а также приобретения политического опыта Сунь Ятсен не мог не увидеть значительного расхождения между целями демократической политики и практикой ее осуществления. Постепенно у него складывается точка зрения, что нельзя копировать нормы европейской и американской политической системы, необходимо учитывать не только мировые стандарты, но и традиции китайской политической культуры и китайского национального духа. Только в таком случае возможно осуществление демократии в Китае.

Созданная Сунь Ятсеном к концу жизни теория политической власти включала шесть пунктов:

Первый. Разделение прав и власти.

Народ имеет следующие права: право избирать, право отзыва, право вносить законопроекты и право референдума. Что касается власти правительства, то ее у него пять: законодательная, административная, юридическая, экзаменационная и контрольная. Поскольку у народа есть права, он имеет возможность контролировать правительство, поскольку правительство имеет власть, оно имеет возможность выполнять свои функции. Разделение прав и власти позволяет создать эффективное и работоспособное правительство. Сунь Ятсен считал, что благодаря такому разделению отноше-

ния между народом и правительством будут носить гармоничный характер, хотя верховным сувереном в государстве выступает народ, ему принадлежит верховенство, суверенитет во всех делах, он не препятствует правительству управлять страной.

Второй. Режим разделения власти между Центром и местами.

Этот пункт имел важное значение для Китая, учитывая роль в политической жизни страны региональных клик, которая особенно возросла в десятилетия нынешнего столетия, после свержения Циньской династии, неурегулированность отношений центральных властей с этими кликами угрожала единству и целостности Китая.

По мнению Сунь Ятсена, отношения между Центром и регионами должны быть гармоничными и сбалансированными, ни Центр, ни регионы не должны иметь чрезмерно большой административной власти. Следует избегать двух тенденций – своеволия Центра и регионализма, сепаратизма, добиваться разумного разграничения власти между Центром и регионами, с тем чтобы каждый выполнял те функции, которые ему свойственны. Центральное правительство выполняет функции общегосударственного характера, местные правительства получают от него соответствующие указания и те полномочия, которые ему необходимы при решении своих дел. Центр не имеет права вмешиваться в прерогативы местных органов власти, в то же время последние не имеют права проводить политику, отвечающую только местным интересам. Благодаря сосредоточению власти в руках центрального правительства можно обеспечить единую административную политику на территории всей страны, в результате чего повышается эффективность управления. Однако в этом слу-

чае возможно появление диктата Центра, что будет препятствовать развитию регионов. Наличие определенных прав у местных органов власти позволяет им проводить политику в интересах населения своих территорий, единственное, что может возникнуть, так это – стремление к самостоятельности. Чтобы избежать противоречий и конфликтов между Центром и местными органами власти он предлагал следовать конфуцианскому принципу “золотой середины” – разделение власти, когда общегосударственные вопросы решает Центр, а вопросы местного значения – органы власти в регионах. Четкое разделение, разграничение властных функций между Центром и регионами должно быть зафиксировано в Конституции и других основных законоположениях.

Третий. Конституция пяти властей.

Сунь Ятсен считал, что три ветви власти не могут обеспечить нормальное функционирование государственного механизма. Поэтому их необходимо дополнить еще двумя институтами, которые в какой-то форме уже существовали в политической истории Китая – контрольным и экзаменационным органами. Он, в частности, ссылаясь на мнение американского политолога Джона Бюргисса, который в своей работе “Примирение правительства и свободы” (1915 г.) отмечал, что существующее в Китае право подачи жалоб (на действия правительственных учреждений и чиновников) является наилучшим способом примирения отношений свободы с властью (правительством). Что касается экзаменационного органа, то, по словам Сунь Ятсена, он может стать “образцом для всех государств”, и хотя подобных учреждений в западных странах раньше не было, однако появившиеся вначале в Англии, а затем и во Франции ведомство гражданских чинов явно заим-

ствованы в Китае³⁴. По мнению Сунь Ятсена, создание двух новых органов позволит преодолеть противостояние трех ветвей власти, в результате вся система государственных органов будет работать как единый механизм.

Четвертый. Местное самоуправление.

В местном самоуправлении Сунь Ятсен видел фундамент демократии. Еще в 1898 году он рассматривал “самоуправление масс как высший политический принцип”. Незрелость системы местного самоуправления ослабляло государство. Он ссылаясь в этой связи на опыт Соединенных Штатов Америки. Пункт о местном самоуправлении органично вписывался в его идею о непосредственной власти народа, поскольку местное самоуправление связано с участием граждан в решении повседневных дел, в процессе его осуществления они приобретают опыт в управлении государством.

Пятый. Деятельность политических партий.

Важное место в политической структуре будущего китайского общества Сунь Ятсен отводил политическим партиям. Он видел в них организации, которые аккумулируют мнение большого количества людей, направляют их энергию на участие в политической жизни. Их существование является гарантией недопущения диктатуры и сохранения республиканского строя. По его мнению, оптимальным является существование двух политических партий, которые, соперничая друг с другом, как бы взаимно контролируют друг друга, и тем самым способствуют развитию демократического процесса.

Шестой. Период политической опеки.

По мнению Сунь Ятсена, немедленное осуществление в Китае политической демократии невозможно, ее необходимо вводить постепенно. Процесс полити-

ческого переустройства страны для реализации в полном объеме “Конституции пяти властей” он разбивал на три периода – “военной власти”, “политической опеки” и “конституционного правления”. Наиболее важным, ключевым объявлялся период “политической опеки”, ибо в этот период предполагалось научить народ демократическим ценностям, основам демократии, пониманию целей и характера политики государства, политическому участию, умению осуществлять власть и управлять страной. Сунь Ятсен ссылаясь в этой связи на исторический опыт Китая. Еще в глубокой древности, во втором тысячелетии до нашей эры мудрые советники помогали правителям, только что взошедшим на престол, обрести необходимый политический опыт и стать настоящими руководителями государства. Время их политического возмужания и было периодом политической опеки. Теперь нет необходимости в таких советниках, ибо существует революционная партия – ГМД. При этом для осуществления целей данного периода возможно использование насильственных, революционных методов. В 1920 г. он говорил, что “в Китае в течение нескольких тысяч лет существовал рабовладельческий строй, поэтому хотя Китайская Республика существует всего девять лет, обычные люди еще не осознают того факта, что они стали хозяевами государства. У нас нет сейчас других методов, кроме принуждения, чтобы заставить их стать хозяевами, учить их практиковаться в этом отношении. Именно такой смысл я вкладываю в понятие “политическая опека”.

Концепция Сунь Ятсена о трех периодах перехода Китая к демократическим институтам вызвала оживленную дискуссию в кругах китайской и зарубежной общественности. Многие называли ее антидемократичной, особенно из-за периода “политической опеки”.

В тот период в Китае выступал с лекциями американский философ Дьюи, он говорил о ненужности данного периода, поскольку де народ сможет научиться применению демократии в ходе самого процесса осуществления демократической политики. Однако многие китайские мыслители, хорошо знавшие реалии китайской политической жизни, поддерживали точку зрения Сунь Ятсена. Так, получивший образование в США, видный философ Ху Ши писал: “Искренне говоря, человек, который учится плавать, прежде должен прыгнуть в воду, человек, который учится играть на лютне, прежде должен иметь самую лютню; политическая опека есть наилучшая тренировка для конституционного правления”³⁵. Некоторые американские ученые упрекали Сунь Ятсена в том, что в виде “политической опеки” он предлагает еще один вариант коммунистической диктатуры, существовавший тогда в Советском Союзе. Между тем для подобных суждений вряд ли были основания. Несмотря на растущие по политическим причинам, в последние годы жизни симпатии Сунь Ятсена к Советскому Союзу, он никогда не был сторонником коммунистической доктрины. Период “политической опеки” рассматривался им не как цель, а как **средство** успешного перехода к подлинно демократическому обществу. И продиктован он был спецификой китайской политической культуры, особенностями политической истории Китая, выразившимися, прежде всего, в отсутствии демократических традиций. Сунь Ятсен считал, что и в Китае возможно создание гражданского общества, но путь к нему лежит через длительный политический процесс. Нельзя механически копировать зарубежный опыт, тем более демократических стран Запада, ибо он не подходит к существующим в Китае условиям. Его некритическое применение может привести к анархии,

явлениям дезинтеграции и тем самым поставить вопрос о самой возможности применения в Китае институтов политической демократии.

С учетом мирового политического опыта за последние семьдесят с лишним лет — со времени выдвижения Сунь Ятсеном своей концепции — можно без преувеличения сказать, что во многом его предсказания оказались пророческими. Бездумное перенесение на национальную почву политических традиций Запада, без их предварительного адаптирования к местным условиям, привело во многих странах Азии, Африки и даже Европы к появлению социальных и экономических конфликтов, межэтнических распрей и т.п., в результате чего в целом ряде из них пришлось пойти на введение своего рода режима “политической опеки” со стороны или ООН, или НАТО, или США.

1.2. Идеологические установки Чан Кайши

После смерти Сунь Ятсена интерпретацией трех народных принципов занимались многие руководители ГМД (Дай Цзитао, Чэнь Лифу и др.), однако главная роль принадлежала здесь Чан Кайши, что можно объяснить его ролью в партии и государстве. Его теоретическое наследие составляет несколько десятков томов, однако в данной работе с учетом ее характера в основном использованы работы Чан Кайши тайваньского периода.

В изложении трех народных принципов Чан Кайши подчеркивал преемственную связь своего понимания с идеями Сунь Ятсена. Он усматривал цель их осуществления в том, чтобы сделать китайскую нацию независимой и суверенной. Что касается “нового

китайского политического строя”, то он должен основываться на соединении принципов западной демократии с конституцией 5-ти властей, предложенной Сунь Ятсеном. Новая экономическая система должна включать в себя эффективные государственные меры, предусматривающие перераспределение и уравнивание прав на земельную собственность, привлечение инвестиций для развития инфраструктуры и производства, руководство рынком для предотвращения появления неравенства в доходах.

Как и Сунь Ятсен, Чан Кайши зачастую преподносил три народных принципа в конфуцианской оболочке, подчеркивая их неразрывную связь со всей предшествующей историей Китая. По его словам, это учение является наследием великих предшественников, основой китайской политической философии и этики. Оно говорит нам о том, что руководить революцией и управлять государством можно только опираясь на китайский дух³⁶. Он называл три народных принципа источником идеологии, веры и жизненных сил ГМД и всей китайской нации, средством борьбы против коммунизма. Чан Кайши считал их панацеей от всех зол и бедствий, обрушившихся на Китай, они были выстраданы на протяжении всей истории Китая, поэтому “члены революционной партии (ГМД — В.Б.) должны стать настоящими приверженцами трех народных принципов и революционных вождей, они **должны верить в них, как верующие верят в свою религию** (под. нами — В.Б.)...”³⁷. Если коммунисты утверждали, что XX век будет веком победы коммунизма, то Чан Кайши называл его веком торжества трех народных принципов³⁸.

Выражением принципа “национализм” являлся “национальный дух”, который интерпретировался Чан Кайши как чувство национального достоинства, борь-

ба против внешней агрессии и одновременно неучастие в агрессивных действиях против других государств, отказ от них. Принцип национализма исключал шовинизм, означал требование равноправия в отношениях между государствами, равенство всех национальностей, живущих на территории Китая; поэтому пропаганда принципа национализма преследовала, по его словам, цель воспитания среди китайцев патриотических чувств. Сохранение китайской нации, ее способность защитить себя от внешней агрессии было связано, по мнению Чан Кайши, с сохранением и развитием этических принципов конфуцианства.

В интерпретации Чан Кайши принцип народовластия имел достаточно широкое содержание — от выяснения сущности демократии до характеристики местного самоуправления, от определения прав и обязанностей граждан до утверждения роли законов.

Трактовка Чан Кайши принципа народовластия шла в русле идей Сунь Ятсена. Он неоднократно подчеркивал важность этого принципа, заявляя, что без его осуществления невозможно построение в Китае демократического общества, его суть состоит в том, что народу принадлежит ответственность за судьбы государства, за решение государственных дел. Конкретизируя свою точку зрения, Чан Кайши говорил: “Что такое народовластие? Во-первых, это право предлагать законопроекты, т.е. если у людей есть какое-то мнение или соображение, они имеют право в соответствии с законом собираться вместе и предлагать на рассмотрение парламента свои предложения, а после одобрения парламентом осуществлять их на практике. Тем самым каждый китаец получает возможность реализовать свою свободу и дух независимости. Право референдума состоит в том, что если люди считают какой-либо закон

неподходящим — несмотря на то, что раньше он был уже одобрен — они вновь могут его обсудить, это право служит как бы дополнением к праву вносить законопроект. Однако имея два этих права еще нельзя говорить о том, что принцип народовластия полностью реализован. Необходимо добавить еще одно право, а именно — право отзыва. Народ имеет право отзываться всех парламентариев и чиновников, которые не соблюдают закон. В настоящее время народ обладает только правом избирать, а три других права он не имеет. Таково простое объяснение принципа народовластия”³⁹.

Как и Сунь Ятсен, Чан Кайши много говорил о важности местного самоуправления. Речь шла о том, что все политические и экономические вопросы местного значения должны решаться на местах.

Политическая модернизация, подчеркивал Чан Кайши, невозможна без развития демократии. В этой связи следует заметить, что одной из важнейших целей развернутого в последние годы жизни Чан Кайши движения по возрождению китайской культуры было развитие демократии духа, содержащегося, по его словам, в китайской культурной традиции.

Сущностными признаками демократии Чан Кайши считал равенство и свободу. Он был сторонником регулируемой демократии — “следует избегать односторонности в применении демократии и ошибок в использовании свободы, необходимо пропагандировать и осуществлять организованную демократию и связанную с дисциплиной свободу”⁴⁰. Рамки демократии охватывают не одного, а всех людей, она предполагает равенство между людьми, т.е. каждый должен смотреть на другого так, как будто он смотрит на себя, именно так оценивать других и их интересы. Чтобы демократия функционировала нормально, необходимо соблюдение членами общества законов.

Чан Кайши весьма резко отзывался о попытках отдельных политиков манипулировать лозунгом демократии: “Всем гражданам государства принадлежат права демократии и свободы, но на эти права не могут ссылаться небольшие группы людей для нарушения законов и совершения зла, они не могут оправдывать ими свои преступления, тем более эти права не могут служить оправданием для клеветы на репутацию правительства, подрыва интересов государства, с тем чтобы произносить незаконные речи и совершать незаконные поступки. Так называемая демократия и так называемая свобода этих людей есть демократия и свобода банды разбойников”⁴¹. Говоря о банде разбойников, Чан Кайши имел в виду коммунистов, которые, по его словам, “рассуждая о демократии, имеют в виду диктатуру, ибо их демократия носит классовый характер”. В то же время демократия, отстаиваемая ГМД, есть демократия для всего народа, включающая в себя демократическое управление.

Чан Кайши неоднократно говорил о взаимосвязи свободы отдельного человека и свободы всех членов общества, отдавая приоритет последней. “...Та свобода, которую мы пропагандируем не есть свобода отдельного человека, а великая свобода всего государства, не есть абсолютная неограниченная свобода, а есть ограниченная, разумная свобода”⁴². Свобода государства имеет неизмеримо большее значение, чем свобода отдельного человека, поэтому возникают обстоятельства, когда ради свободы всех людей, т.е. общегосударственных интересов, необходимо ограничивать свободу индивидов, жертвовать личной свободой. Более того, он отказывал в праве на свободу правительственным чиновникам, поскольку они являются слугами народа, они не могут иметь свободы, — заявлял он⁴³.

Чан Кайши не рассматривал свободу как нечто самодовлеющее, а как структурную часть определенной системы политических отношений, где одно зависит от другого и наоборот: «Права и долг, власть и ответственность практически являются двумя сторонами одного и того же, они находятся между собой в равных отношениях. Находясь в демократическом обществе, индивид пользуется правами и одновременно с этим на него возлагается долг перед обществом, индивид получает власть и одновременно с этим на него возлагается обязанность. Сколько у него прав, столько же у него долга перед обществом, сколько у него власти, столько же у него обязанностей»⁴⁴.

Для Чан Кайши свобода была неразрывно связана с законами. Дух демократии, говорил он, заключен в дисциплине, а ее — демократии конкретный смысл — это управление на основе законов⁴⁵. По словам Чан Кайши, прежде чем выступать с требованием свободы необходимо уяснить себе сущность свободы, нельзя требовать лишь свободу для себя и нарушать свободу других людей. Он подчеркивал неразрывную взаимосвязь свободы и управления на основе законов: «Свобода и управление на основе законов неотделимы друг от друга, свобода должна быть в рамках установленного законом. Если же свобода выходит за рамки установленного законом, то появляются распущенность, своеволие вплоть до того, что сильные обманывают слабых, а большинство притесняет меньшинство. Только в том случае, когда человек соблюдает рамки, установленные законом, можно достичь того, что все люди будут обладать свободой»⁴⁶. Соблюдение законов со стороны граждан и правительства есть характерная черта политической жизни любого демократического общества. С этой целью необходимо воспитывать в обществе уважение к законам.

Что касается Чан Кайши, то он фактически интерпретировал равенство общественного и политического положения, статуса как равенство перед законом. Не только граждане государства, но и правительство обладает перед законом равными правами: “В условиях существования принципов демократии индивид имеет соответствующие права и свободы. В условиях, когда управление основывается на законе, народ и правительство одинаково находятся под контролем законов, перед лицом законов все люди равны”⁴⁷ и далее: “В условиях демократии существует равенство, поэтому люди должны смотреть на других как на самих себя, оценивать других как самих себя, соблюдать права других людей, считая их как бы расширением своих собственных прав”⁴⁸.

Следует отметить, что подчас назойливое подчеркивание Чан Кайши взаимосвязи свободы и законов, приоритет свободы государства перед свободой индивида, его выступления против “безбрежной свободы”, против превращения демократии в беспорядок, в анархию было обусловлено ситуацией, существовавшей в тайваньском обществе 50-60-х годов. С одной стороны, в гоминьдановском лагере первоначально царили настроения разброда и шатаний, с другой стороны, — среди местных жителей постепенно начали набирать силу оппозиционные силы, выступавшие под лозунгами “демократии” и “свободы”.

Говоря о свободе и равенстве, Чан Кайши, как и Сунь Ятсен, затрагивал проблему прав человека, однако он не проводил четкого различия между понятиями “свобода” и “права человека”. Вместе с тем, следует иметь в виду, что соотношение свободы, равенства, прав человека, с одной стороны, и законом, с другой, имело для руководителей ГМД, и прежде всего для Чан Кай-

ши, больше идеологическое, чем политическое, практическое звучание. Любое государство существует в определенном социально-историческом контексте, что не может не отражаться на деятельности правительственной администрации. После переезда гоминьдановского правительства на Тайвань проблемы свободы и прав человека не могли иметь для него первостепенного значения, поэтому оно пошло на целый ряд ограничений демократических свобод. Мы отвлекаемся сейчас от того факта, что подобные меры были продиктованы реалиями тогдашней исторической обстановки.

Чан Кайши считал необходимым указывать на неразрывную связь учения Сунь Ятсена или “Отца нации”, как его принято называть в гоминьдановском Китае, его трех народных принципов с китайской политической и философской традицией. По его словам, схема общественного устройства управления государством, предложенная Сунь Ятсеном, имеет в своей основе китайские этические принципы, принципы общества “датун”.

Сам Чан Кайши интерпретировал общество “датун” в традиционном духе. Он рассматривал его как идеальное общество, ставя одновременно знак равенства между существующими в нем экономическими отношениями и экономическим строем, который предусмотрен принципом народного благосостояния. Ибо и в том и в другом случае речь идет о том, что основой экономики является сотрудничество, а ее цель — служение обществу⁴⁹.

Обращает на себя внимание традиционалистское обрамление социальных и политических лозунгов и программ китайских лидеров независимо от их идеологической и мировоззренческой ориентации. Если и Сунь Ятсен и Чан Кайши для пропаганды своих идей ис-

пользуют понятие “общество датун”, то гораздо позднее, в середине 80-х годов их политический оппонент, коммунист Дэн Сяопин выдвигает понятие общество “сяокан” (общество среднего достатка) как цель усилий населения материкового Китая в ближайшие пятьдесят-шестьдесят лет.

Необходимо отметить, что Чан Кайши выступает сторонником общечеловеческих нравственных принципов. На первое место среди нравственных принципов, которым должен следовать человек, он ставит “сыновнюю почтительность”, “наша нация является нацией, которая уважает мораль, а дух создания государства заключен в двух словах — сыновняя почтительность”⁵⁰, ибо “если не быть почтительным и к родителям, то нельзя любить других людей и быть преданным государству”⁵¹. Центральной идеей китайской философии является идея “гуманности и любви”, отсюда вытекает идея самопожертвования и всеобщей любви. “Революция осуществляется во имя людей, а не во имя себя, любить людей, а не вредить им, это и означает всеобщую любовь и осуществление гуманности”⁵². Сунь Ятсен, по его словам, смог внести свой вклад в создание нового Китая именно потому, что он следовал этим принципам. Важным нравственным качеством Чан Кайши считал “преданность делу”: “Обычно человек рассматривает брак как важнейшее событие всей своей жизни, я считаю, клятва, которую дает человек, вступая в партию, в особенности клятву ответственности перед революцией, тем более является настоящим важнейшим событием всей жизни, ибо это есть свидетельство твоей ответственности перед революцией, доказательство веры в ее успех”⁵³.

Важнейшим нравственным принципом китайской нации Чан Кайши считал “любовь к миру”. Интерпретируя в одном из своих выступлений значение “мира” в тогдашних условиях, он говорил: “В настоящее время

необходимо стремиться к мирному объединению внутри страны (т.е. материкового Китая и Тайваня — В.Б.), в условиях мира обеспечить прогресс общества, расцвет экономики и строительство государства, только в этом случае мы сможем достигнуть цели независимого существования китайской нации, осуществить идеал мирного сосуществования всего человечества”⁵⁴.

По мнению Чан Кайши, принципы “сыновней почитательности”, “любви и гуманности”, “преданности делу” и “мира” осуществимы только при наличии у человека четырех конфуцианских добродетелей: “вежливости”, “чувства долга”, “умеренности” и “стыдливости”. “Вежливость” интерпретируется им как соблюдение определенных правил поведения, т.е. совокупность норм человеческого общежития, отношений с другими людьми, старших с младшими и наоборот, руководителей с подчиненными и т.д. “Чувство долга” означает совершение в нужный момент надлежащих действий, “умеренность” — умение распознать истинное, а “стыдливость” — как чувство осознания своих поступков. В совокупности эти принципы и добродетели составляют квинтэссенцию китайской национальной культуры.

Чан Кайши постоянно подчеркивал, что только человек, имеющий в жизни определенную благородную цель, может считаться настоящим человеком. Если кто-либо думает лишь о пище и одежде, то такая жизнь не может считаться жизнью человека, ибо в таком случае она ничем не отличается от жизни животного. Человек должен служить государству, нации, всему человечеству, — восклицал он. Жизнь отдельного человека коротка, однако его творческий труд является частью общего труда многих поколений. Обращаясь к молодежи, военным, чиновникам, он требовал закалять свой ха-

ракти, быть твердым, решительным, настойчивым в осуществлении своих целей, заниматься нравственным самосовершенствованием. В своих выступлениях Чан Кайши призывал к постоянному самоанализу, самопроверке и очищению себя от своекорыстных помыслов и зловредных намерений, и тем более не стремиться в поступках других людей искать оправдание для себя. Одновременно он призывал быть терпимым к другим людям, стремиться понять причины тех или иных их поступков.

Для Чан Кайши интересы государства были превыше всего, ибо только при условии процветания государства и нации, можно обеспечить прогресс и развитие отдельного человека. Поэтому каждый гражданин должен отдать все свои силы делу государственного строительства. Ради этого предлагалось жертвовать своими личными интересами во имя общих интересов всего народа, другими словами, культивировался дух самопожертвования. Важную роль в этом процессе он отводил семье: “Если мы хотим управлять государством, то вначале необходимо научиться управлять семьей, семья — это не только семья в узком смысле этого слова, если, например, говорить об организациях, существующих в обществе, то о любом коллективе, учебном заведении можно говорить как о большой семье. Необходимо сделать так, чтобы все эти существующие в “государстве” организации — семьи, коллективы, учебные заведения, учреждения привести в порядок, сделать едиными, только тогда, когда “семья” упорядочена, можно будет говорить об управлении государством”⁵⁵. К числу положительных, “прекрасных” качеств китайской семьи — несмотря на все изменения в обществе — Чан Кайши относил сохранение сыновних чувств к родителям, заботу о них со стороны детей, одновременно

он говорил о необходимости сохранять и развивать такие присущие китайской семье этические нормы, как ответственность родителей за детей, взаимная любовь и уважение между братьями и сестрами, уважение и почитание учителей и старших по возрасту. Чан Кайши призывал во всей воспитательной работе проводить мысль о том, что основа государства заложена в семье. Подчеркивая роль семьи как фундамента государства, он говорил, что с нее начинается политическая и общественная жизнь любого взрослого человека, точно также как становление любого молодого человека в качестве гражданина независимого свободного государства.

То, что говорил и писал Чан Кайши, не было каким-либо теоретическим открытием, в его статьях и выступлениях содержались обычные, зачастую банальные вещи, однако эффект их воздействия был достаточно велик, они были обращены не столько к разуму, сколько к чувствам слушателей и читателей, сокровенным глубинам их души. Чан Кайши говорил на понятном для всех языке — языке китайской традиции, культуры. Поэтому его слова ложились на благодатную почву. Он говорил то, что члены ГМД, его сторонники, хотели услышать в тот момент — самый трагический период в истории партии: “Да, мы потерпели сокрушительное поражение, но еще не все потеряно, для этого есть необходимые условия (в частности, поддержка союзников и прежде всего США), но главное из них — китайские национальные традиции, конфуцианские этические принципы, славный опыт политических деятелей предшествующих эпох”. Он часто обращался к деятельности лидеров “движения за самоусиление Китая” в XIX в. — Цзэн Гофаня, Цзо Цзунтана, Ху Линъи. Путь к возрождению Китая они видели в соединении

западной науки и техники с китайскими национальными традициями. Чан Кайши был христианином, однако это не мешало ему давать высокую оценку стремлению политиков XIX в. восстановить в период проходившего под христианскими лозунгами тайпинского движения конфуцианские этические нормы. Их персональные качества он ставил в пример членам партии⁵⁶.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ТАЙВАНЬСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1. Реформа Гоминьдана и формирование авторитарного режима

В 1949-50 гг. Чан Кайши осуществляет самокритичный анализ деятельности ГМД и правительства. В своих выступлениях того периода он подверг решительной критике неэффективность командования вооруженными силами со стороны генералитета. Одновременно он осудил утрату членами партии “революционного духа”, их отход от трех народных принципов Сунь Ятсена. Чан Кайши признал, что значительная доля вины за поражение ГМД лежит на нем самом. Во время обучения в военном училище он приобрел такие качества, как решительность, стойкость, умение идти до конца. Будучи военным человеком Чан Кайши требовал от окружающих его людей безусловного подчинения, верности. В то же время, как и Сунь Ятсен он опирался на людей, лично преданных ему, часто связанных с ним родственными узами, что объективно создавало почву для групповщины, семейственности, клановости. Положение ГМД как правящей партии способствовало проникновению в партию карьеристов, нечистоплотных людей. К примеру, вступление в партию помещиков и богатых крестьян привело фактически к срыву на материке аграрной реформы и тем самым к сужению социальной базы ГМД и соответственно завоеванию КПК симпа-

тий среди крестьян. Антияпонская война тяжелым бременем легла на бюджет страны, привела к обнищанию значительной части населения, усилила имущественную дифференциацию. Одновременно массовым явлением стали разложение и коррупция должностных лиц партии и правительства, в том числе высших чинов. Несмотря на неоднократное обсуждение данного вопроса на различных политических форумах положение не менялось. Причиной тому были элементы коррумпированности на самом высоком уровне⁵⁷.

Уже с января 1949 г. Чан Кайши начинает разрабатывать программу модернизации китайского (тайваньского) общества и прежде всего ГМД как руководящей силы этого процесса. Фактически модернизация тайваньского общества началась с создания на острове авторитарного режима – однопартийной диктатуры ГМД⁵⁸, которую некоторые ученые называют режимом партии – государства. По мнению американских политологов, существует два типа авторитарных, диктаторских строя – жесткий (hard) и мягкий (soft). Второй тип отличается от первого тем, что при нем разрешены выборы, ограниченная свобода печати и свобода слова. Они ссылаются в этой связи на опыт политического развития Мексики в последние годы.

Чан Кайши неоднократно подчеркивал, что реформирование общества **возможно при наличии руководящей политической силы**, а такой силой может быть только ГМД. По его словам, именно на него ложится историческая миссия обновления тайваньского общества в целях противостояния угрозы коммунизма. Поэтому центральной задачей в первый период модернизации явилась реформа ГМД. Ее цель состояла в том, чтобы сделать партию мобильной организацией, способной решать задачи обновления общества.

Цель движения по реорганизации ГМД состояла в искоренении коррупции, предательства, неэффективности в работе и разобщенности в рядах партии, привитии ее членам духа прагматизма и научного подхода, умения трудиться и эффективного стиля работы, товарищеских отношений. Позднее движение было названо “искоренением пораженчества, фракционизма и бюрократизма”. Цели движения вырабатывались постепенно, начиная с января 1948 г., когда ГМД функционировал на материке, но ее поражение фактически уже стало свершившимся фактом.

В своем выступлении 14 августа 1950 г. Чан Кайши говорил следующее: “В настоящее время победа или поражение нашей революции, возрождение нации или утрата ей своего духа всецело зависит от нас. Поэтому единственно приемлемый путь состоит в том, чтобы отбросить тенденцию к групповщине и уклонам, привычки к склокам и с новой решимостью преобразовать партию... Необходимо решительно ликвидировать отрицательные явления — разложение и коррупцию среди членов партии, реакционные спекуляции, попрание законов, нарушение дисциплины, эгоистические замашки — с тем, чтобы возродить революционный дух ГМД. Что касается положительных моментов, то здесь следует искренне сотрудничать со всеми добродетельными и имеющими благородные помыслы людьми внутри и вне страны, с тем чтобы расширить круг сторонников революции”⁵⁹.

Руководство ГМД и прежде всего сам Чан Кайши неоднократно подчеркивали, что организационная слабость ГМД, выражавшаяся во фракционности, групповщине, недисциплинированности членов партии явилась одной из главных причин ее поражения на материке. Тайвань рассматривался как база для возвращения на материк, поэтому от находящихся здесь членов ГМД

требовалась решительная борьба за развитие лучших традиций китайской нации, ибо только в этом случае Тайвань смог стать базой возрождения Китая.

Руководство ГМД акцентировало внимание на **национальной специфике** своей политической программы и идеологической доктрины и одновременно подчеркивало **иностраный, заимствованный характер** коммунистического учения и соответственно политики КПК. Коммунизм объявлялся политической и идеологической системой, чуждой китайскому национальному духу, многовековым историческим традициям Китая. Антикоммунизм являлся важнейшим мировоззренческим принципом партии. Реформа партии как и реформирование всего тайваньского общества осуществлялись под лозунгом борьбы с мировым коммунизмом, который в лице КПК угрожал самому существованию китайской нации. Пропаганда ГМД неизменно подчеркивала решимость партии участвовать в борьбе “свободного мира” против китайского коммунизма и советской агрессии, примером чего объявлялось нападение Северной Кореи на Южную в 1950 г. Холодная война не могла не оказывать своего влияния на морально-политический климат, царивший тогда в кругах ГМД и всей политической элиты. В тогдашних условиях последняя не могла не видеть в США и Западе своих естественных союзников. Поскольку цель коммунистов состояла в установлении в Китае “тоталитарного режима” Чан Кайши призывал развернуть против них **народную войну**: “Политические и экономические действия коммунистов полностью основываются на методах “борьбы” в обществе. Быть антикоммунистом значит вести народную демократическую войну, но успех или поражение в этой войне будет определяться не только военной силой и военной политикой, но и социальными и культурными методами. Социальная борьба, которую ведут сегодня коммунисты, преследуют цель уничтожить наше обще-

ство целиком. Их работа в области культуры преследует цель уничтожить нашу историческую культуру. Их деятельность противоречит нашим социальным и культурным традициям. Поэтому цель реформы партии должна состоять в пересмотре организационной структуры нашей партии, определении ее социальных основ и планировании ее культурной работы. Мы хотим сделать организационную структуру партии продуктом нашего общества. Все члены партии должны работать в интересах народа и должны быть организованы в целях выполнения партийных задач. Мы должны сделать это в целях осуществления Великих Принципов жизни народа и для разрешения существующих ныне социальных и экономических проблем, также как для осуществления нашей миссии по реформированию общества (подч. нами — В.Б.)”⁶⁰. Каждый член партии должен был стать “солдатом” по спасению китайской нации, созданию на Тайване нового морального порядка, “невиданного до сих пор в мире”.

Чан Кайши сыграл важную роль в осуществлении модернизации тайваньского общества. Пример тайваньского общества со всей очевидностью показывает роль политического лидера в осуществлении намеченных реформ, его умение действовать решительно и последовательно во имя поставленной цели. Выступления Чан Кайши, который и в тот период и позднее много говорил о задачах, стоящих перед членами ГМД, всеми жителями Тайваня, имели большой резонанс. Они неоднократно переиздавались, впоследствии наиболее важные из них были собраны в книгу под названием “Прекрасные изречения президента Чана”⁶¹, состоявшую из трех частей. В первую часть входили высказывания Чан Кайши по вопросам морали, а также философии и науки, во вторую — по вопросам государственного и культурного строительства, в третью — по вопросам военного строительства и отношений Китая с внешним

миром. Рефреном всех высказываний Чан Кайши относительно модернизации тайваньского общества было обращение и к китайским национальным традициям и к трем народным принципам. Именно эти ценности он призывал защитить и восстановить, с тем чтобы превратить Китай в современное государство. Чан Кайши в его политической деятельности помогало то, что у него было убеждение в своей мессианской роли, которую ему предназначала история. По словам английского исследователя Стива Цзана, Чан Кайши искренне полагал, что он является подлинным наследником великого дела революции, начатой Сунь Ятсеном. Он считал себя настоящим революционером, хотя “в действительности часто вел себя как милосердный патерналистский диктатор в традиционном китайском смысле или как основатель новой династии, чем как современный революционер”⁶².

В центре реформы ГМД было две задачи:

– нравственное воспитание членов партии, обновление их нравственных принципов, “привитие им новой морали”,

– воспитание новой дисциплины и на этой основе создание новой организационной структуры партии.

В целях успешного осуществления партийной реформы по предложению Чан Кайши, а фактически по его решению, функции высшего партийного органа взял на себя созданный 26 июля 1950 г. Комитет по реформе партии, в который вошло 16 человек, отобранных лично Чан Кайши. Это были более молодые лица, чем члены тогдашнего Центрального Исполнительного Комитета, их возраст колебался в пределах 40-50 лет – энергичные, инициативные, трудолюбивые и лично ему преданные. К этому Комитету фактически перешли функции ЦИК ГМД, который продолжал существовать, но утратил свою прежнюю верховную роль.

Воспользовавшись движением за реформу партии, Чан Кайши удалил с руководящих постов представителей военных клик, которые в прошлом на материке оказывали существенное влияние на политику партии и правительства, привнося в нее негативные моменты. Одновременно утратили свои руководящие посты лица, в прошлом близкие к Чан Кайши, в том числе и связанные с ним родственными узами, но показавшие себя некомпетентными либо нечистоплотными руководителями. Благодаря движению за реформу партии Чан Кайши получил полный контроль над ней, которого у него не было раньше. Следует иметь в виду, что в двадцатые годы и позже он не имел такого политического авторитета, как Сунь Ятсен, ибо всегда находились другие политические лидеры, претендовавшие на первую роль. И даже после того как он стал формально во главе ГМД и правительства, его лидерство постоянно подвергалось испытаниям со стороны других лиц.

Воспитание новой морали, “нового революционного духа” в конечном счете должно было привести к “созданию совершенного морального общества”, в котором не будет места для эгоизма. Последний объявлялся причиной многих бедствий, выпавших на долю китайского народа. Новая мораль, которую предполагалось сделать основой отношений в обществе, включала в качестве своего существенного элемента нравственные ценности конфуцианства, которые требовали от человека жить добродетельной жизнью. Эти ценности включали в себя такие качества, как добродетельность, искренность, умеренность в желаниях, терпимость, взаимное уважение. Предполагалось создать совершенный моральный порядок (“общество “датун””), который в свое время мудрецы древности объявляли образцом для Китая.

Важное место в выступлениях Чан Кайши начала 50-х годов занимают вопросы реформы партии, ее организационного, политического и идеологического строительства. Прежде всего он неизменно подчеркивал революционный характер партии, он часто называл ее “наша революционная партия”, “живая революционная организация”, “боевой организм”, вся ее деятельность должна строиться на основах строжайшей дисциплины, каждый член партии должен отвечать за определенный участок работы, тесно взаимодействовать с другими ее членами, составляя вместе единый механизм, а не беспорядочное скопление людей. Чан Кайши любил подчеркивать, что каждый член партии должен быть активным борцом за дело партии, а не пассивным созерцателем событий. В одном из своих выступлений он говорил: “Нашу революционную партию можно уподобить компании, созданной членами революционной партии. Способности, кровь и пот, права, вплоть до тела каждого члена партии являются капиталом компании. Чтобы эта компания смогла заниматься торговлей в больших размерах и хорошо подзарабатывать (т.е. реализовывать на практике три народных принципа, осуществить революцию) акционеры компании (т.е. члены революционной партии) должны отдать весь свой капитал”⁶³.

Члены партии должны строго соблюдать партийную дисциплину, что требует от “каждого товарища отказаться от присущих ему частных интересов и частных подходов, не нарушать клятву, данную им при вступлении в партию...”⁶⁴. Разъясняя смысл слова “товарищ”, которое использовали члены ГМД при обращении друг к другу. Чан Кайши говорил: “Это означает единство воли и действий... Для всех членов партии главным становятся три народных принципа, они действуют во имя их реализации...”⁶⁵. Партия вбирает в себя лучшие элементы общества, членство в ней есть

не только символ доверия, но и показатель человеческих качеств. В партии должен царить двух равноправия, справедливости. Вступая в партию, человек отдает ей все свои силы, права и даже жизнь. Требование строжайшей дисциплины в партии объяснялось тем, что политическая жизнь была производной от военной структуры. Жизнь, говорил Чан Кайши, это борьба, а раз так, то все сферы общественной жизни, включая партийную, не могут не носить военного характера. Партия должна быть реорганизована с помощью военных методов. Подчеркивая первостепенную роль партии в переустройстве общества он говорил даже так: “Партия должна быть авангардом вооруженных сил и одновременно быть их арьергардом...”⁶⁶.

Идея служить общему партийному делу, участие членов партии в коллективных усилиях по спасению нации, т.е. в деятельности партии — такими лозунгами были наполнены выступления партийных лидеров, страницы партийной печати. От каждого члена партии требовалась активная жизненная позиция, другими словами, активное участие в общественных делах, чувствам пессимизма и отчаяния не должно было быть места в рядах партии. Те, кто уклонялись от своих партийных обязанностей, рисковали быть обвиненными в предательстве партийных интересов. От членов партии требовалось быть милосердными и готовыми прийти на помощь другим людям — и все это во имя общей цели. Партийная печать фактически ставила знак равенства между нравственным совершенствованием отдельного человека, прежде всего члена партии, и спасением китайской нации и превращением тайваньского общества в некий совершенный моральный организм. По словам Чан Кайши, цель всех усилий членов партии должна состоять в создании свободного, независимого, процветающего государства.

С начала 50-х годов Комитет по реформе партии стал издавать серию брошюр, которые представляли собой биографии тех членов ГМД, которые отдали свои жизни во имя дела партии, а значит и китайской нации. В этих брошюрах особый акцент делался на присущие этим “героическим личностям” в истории ГМД высокие моральные качества, благородство и дух самопожертвования⁶⁷. Партийная печать, руководители партии подчеркивали необходимость решительно искоренять дух пораженчества, который в тот период охватил значительную часть партии. Пропагандировалась мысль о том, что несмотря на поражение, которое ГМД потерпел на материке в борьбе с КПК, партия имеет в своей истории славные страницы, которые позволяют ее членам испытывать чувство гордости.

В ходе реформы партии была осуществлена перерегистрация ее членов. Для подготовки партийных кадров была создана трехуровневая система – в Центре, уездах и по месту жительства. Слушатели изучали следующие дисциплины: три народных принципа, произведения Чан Кайши, историю ГМД, историю Китая, международные отношения и т.д. Три народных принципа все члены партии должны были изучать в обязательном порядке. Они были включены также в программу обучения на всех уровнях образования – начиная от средней школы и кончая высшими учебными заведениями, их знание фактически требовалось от каждого гражданина. Такая практика существовала в течение десятилетий⁶⁸.

В Тайбэе была создана партийная академия, которую к концу 1952 г. окончило более 3-х тысяч человек. С мая 1951 г. в уездах стали организовываться двухмесячные курсы, которые к концу 1952 г. закончило более 8000 человек. Наконец, по месту жительства устраивались летние и зимние семинары, в основном для молодых людей. Также к концу 1952 г. их окончило более

1100 человек. Всего за два года систему подготовки в системе партийного просвещения прошло приблизительно 13000 человек или 11% от тогдашнего состава партии.

Цель данной системы подготовки партийных кадров состояла в создании новой политической элиты, способной решать задачи модернизации тайваньского общества. Чтобы предотвратить появление внутренней групповщины и фракционизма от слушателей прежде всего требовалась строжайшая дисциплина. Кроме того, они должны были обладать определенными организаторскими способностями, трудолюбием и способностью работать в любых условиях, не теряясь при возникновении трудностей. Что касается их мировоззренческих принципов, то все они были должны “исповедовать” антикоммунизм.

Организационным принципом построения ГМД был территориально-производственный. В министерствах, армии, службе безопасности существовали партийные организации. В каждом уезде имелись секции, группы и ячейки, последние были первичной партийной структурой. Каждая ячейка состояла из 8-15 человек, которые собирались ежемесячно в обстановке строжайшей секретности. Подобные условия деятельности ГМД в тот период объяснялись обстановкой холодной войны, противостоянием с КПК. По словам одного из членов ГМД, “мощь и сила партии заключается в ее организации. Партия принадлежит ее членам. Только они знают об источниках мощи партии. Если бы организационная структура партии была открытой, наша сила была бы обнаружена и это могло нанести ущерб организации. Партия никогда не должна дать возможность врагу узнать о ее силе”⁶⁹.

Обстановка секретности, существовавшая в 50-60-е года в ГМД, имела свои истоки в истории Китая. Члены тайных обществ давали клятву верности своему руко-

водителю и сохраняли абсолютную секретность относительно своего членства в обществе и своей деятельности. Поддерживая дух секретности в партийных ячейках, руководство ГМД одновременно требовало создания атмосферы товарищеского обсуждения на их заседаниях.

Организационные принципы ГМД были подтверждены на VII съезде партии, состоявшемся в октябре 1952 г. Он подвел итоги реформы, реорганизации партии и одновременно обсудил первые результаты начавшейся модернизации тайваньского общества. Выступая на Съезде, Чан Кайши говорил, что “каждый знает, что наша партия является революционно-демократической. На партию возложена двойная миссия — защита демократической, конституционной политики и осуществление революционными средствами спасения и реконструкции нашей нации. В этот период организационная структура нашей партии должна отвечать всем требованиям, могущим обеспечить достижение вышеуказанных целей. Мы должны использовать демократические средства для мобилизации членов нашей партии”⁷⁰. Под демократическими методами подразумевалось свободное обсуждение в партии всех проблем, честная и справедливая оценка взглядов товарищей по партии, стремление к диалогу и достижению консенсуса, согласия в случае наличия разногласий, что исключало зависимость политики партий от какой-либо группы или фракции. Для определения характера организационных принципов ГМД Чан Кайши в том же выступлении на VII съезде партии использовал возвышенный стиль: “Организация власти есть “тело” нашей партии, а наши революционный дух и убеждения есть ее “душа”. Чтобы создать в нашей партии новую жизнь, мы должны объединить тело и душу”⁷¹.

Само определение ГМД как революционно-демократической партии содержало известное противоречие. С одной стороны, будучи демократической она должна была придерживаться нормальных принципов демократической политики, участвовать в выборах на всех уровнях и бороться за голоса электората как обычная партия в демократической стране. Однако подобное развитие политического процесса было невозможно, ибо ГМД создал систему, которую, как мы уже отмечали, некоторые политологи не без оснований называют системой “партия-государство”.

С другой стороны, ГМД, будучи революционной партией, должен был бороться за удержание Тайваня, его модернизацию, а в обозримом будущем – за возвращение материкового Китая – так во всяком случае ставили в те годы вопрос Чан Кайши и его окружение. Для достижения подобных целей требовалось превращение ГМД в мощную революционную организацию с крепкой дисциплиной ее членов и их готовностью отдать все свои силы, а если понадобится и жизнь, борьбе против коммунистов. Естественно, что в своей практической деятельности Чан Кайши делал акцент на первом элементе слова “революционно-демократическая партия”, он был для него более важен, чем второй элемент. Поэтому ГМД не был демократической в общепринятом смысле этого слова партией. Он скорее был организацией революционеров.

На аналогичных с ГМД организационных принципах строилась молодежная организация партии – национальный корпус спасения молодых китайских антикоммунистов.

В армии был введен Институт политических комиссаров, для подготовки которых были созданы специальные училища, за политработу в армии отвечал сын Чан Кайши – Цзян Цзинго, учившийся в двадцатые годы в Военно-политическом институте им. Толмачева

и проведенный в Советском Союзе в общей сложности двенадцать лет. Чан Кайши требовал от армейских политработников быть “коллективной душой армии, родителями для солдат, мостом между партией и вооруженными силами”⁷². В свою очередь Цзянь Цзинго призывал офицеров, политработников полностью следовать трем народным принципам — беспрекословно подчиняться руководителю, т.е. Чан Кайши, быть преданным ему во всем; “они должны подчинить свои жизни делу партии, жертвовать ради этого своими жизнями, строго придерживаться ее доктрины, выполнять ее приказы”⁷³.

В сущности ГМД стал орудием авторитарного режима, который был создан на Тайване “во имя возрождения китайской нации” и создания современного общества. Ниже мы особо остановимся на вопросе, почему Чан Кайши удалось избежать “печального опыта” КПСС и коммунистических партий восточно-европейских, азиатских стран и Кубы и действительно добиться превращения тайваньского общества в современное и процветающее общество. Сейчас же продолжим разговор о реформе ГМД.

Организационные принципы построения ГМД фактически были заимствованы у компартий, что не скрывали сами ее руководители. ГМД чисто номинально был в те годы демократической партией, в действительности он был ядром авторитарного режима, поэтому и принципы его построения были соответствующими, использование организационных принципов компартий было продиктовано чисто прагматическими соображениями. Будучи убежденным антикоммунистом, Чан Кайши тем не менее не мог не понимать, что причина победы КПК не в последнюю очередь объясняется ее лучшей организацией, более совершенной системой подготовки кадров, наличием единых идеологических и политических принципов. “Если мы хотим победить коммунист-

тических бандитов, — говорил Чан Кайши — мы должны научиться всем их методам и использовать их технические приемы”⁷⁴. Поэтому он подчеркивал важность создания небольших, но работоспособных партийных ячеек, безусловного подчинения членов партии руководителям и организации стройной системы внутрипартийной информации. Фактически ГМД принял на вооружение коммунистический принцип “демократического централизма”.

В научной литературе существуют различные точки зрения относительно характера ГМД как политической партии. Есть ученые, которые считают ее партией ленинского типа, во многом похожей на КПСС (ВКП(б)) и КПК. Сторонники данной точки зрения ссылаются на следующие сходные моменты:

- революция как конечная цель политического процесса;
- принцип демократического централизма как основа организационной структуры;
- сращивание партии с государством;
- проникновение партии в различные сферы общественной жизни;
- контроль партии над армией и силами безопасности.

По мнению американских исследователей Л.Чжао и Р.Майерса в пятидесятые годы ГМД являлся больше политической сектой, чем политической партией. Члены партии словно верующие испытывали благоговение перед своим руководителем. Он постоянно призывал их вспомнить великую сагу своей партии, настроить свои мысли на будущую победу и быть настойчивыми и последовательными в своей великой миссии по спасению Китая и его народа. Когда Чан Кайши требовал от них воспринять дух полного самопожертвования, он казался им святым, указывающим путь к индивидуальному спасению на основе доброжелательного поведе-

ния и стремления к счастью⁷⁵. Членам партии был присущ дух жертвенности — общее партийное дело было более важным, чем личные амбиции и семейные заботы.

Одновременно культивировался дух абсолютного подчинения вождю. Один из членов парламента писал тогда следующее: “Если уподобить партию организму, то председатель должен смотреть на своих коллег по партии, как на руки и ноги, а они на него — как на голову; не может быть рук и ног, не подчиняющихся голове, точно также не может быть членов партии, не подчиняющихся председателю”⁷⁶.

Тем не менее оба ученых не считают возможным рассматривать ГМД начала 50-х годов как партию ленинского типа. В обоснование своей точки зрения они ссылаются главным образом на различие **идеологических** принципов, в частности, в отличие от ГМД коммунисты преследовали цель построить социалистическое общество, экономической основой которого являлась общественная собственность.

По мнению английского ученого Стива Цзана, между ГМД и КПК существует чисто внешнее сходство. Во-первых, несмотря на участие партии в деятельности правительства проникновение ГМД в область экономики и особенно руководство им этой областью было более поверхностным, чем в странах, где правящими партиями были партии ленинского типа; во-вторых, в отличие от КПК ГМД были присущи определенные гуманистические черты, “это была скорее партия лидера, чем партия партии”; в-третьих, в реорганизованном ГМД борьба концентрировалась вокруг личностей, в то время как в КПК вокруг “линий”, платформ; в-четвертых, несмотря на ужесточение партийной дисциплины, она не была столь строгой и жесткой, как в компартии Китая, наконец, в-пятых, что наиболее важно, существовало различие идеологических основ.

Нельзя не согласиться с тем, что между ГМД и компартиями существовали серьезные различия в идеологии. Тот факт, что ГМД признавал рыночную экономику и частную собственность, более того, считал ее важным компонентом экономических отношений общества, коренным образом менял роль партии в экономике. Она не вмешивалась в конкретные вопросы деятельности промышленных предприятий, сельскохозяйственных ферм, банков, торговых фирм и т.д. Тем не менее ГМД не был обычной парламентской партией. Он брал на себя ответственность за общее руководство страной, в том числе и экономикой, поэтому в документах партии, выступлениях ее руководителей (в 50-70-ые годы) много говорилось о целях и задачах экономического строительства. В те годы ЦИК ГМД разрабатывал общую стратегию развития экономики, вырабатывал перспективные планы строительства промышленных и транспортных объектов. По инициативе, под руководством и при участии партии была проведена, в частности, аграрная реформа.

Именно данное обстоятельство позволило ГМД избежать трагических ошибок КПСС и КПК, которые создали (последняя до 1978 г.) неспособный к саморазвитию социально-экономический строй.

Вместе с тем, фактическое принятие демократического централизма в качестве основополагающего организационного принципа ГМД неизбежно вело к жесткой централизации и строгой иерархической системе власти в партии, а с учетом ее роли в обществе – соответственно в государстве. В течение десятилетий во всяком случае в 50-80-ые годы, ГМД осуществлял полный контроль над всеми правительственными учреждениями, парламентом, средствами массовой информации, поскольку большинство чиновников являлось членами ГМД. Следует учитывать, что выполнение партийных решений было строго обязательным для всех членов

партии. Во всех представительных органах — в центре и на местах, исключение составляли судебные и контрольные органы, создавались партийные группы и комитеты, которые отвечали за осуществление партийных решений. Культ Чан Кайши на Тайване ничем особенно не отличался от культа Сталина или Мао Цзэ-дуна.

Взаимоотношения между партией и правительством постоянно обсуждались на съездах ГМД, пленумах ее ЦИК, заседаниях Исполкома. Подобная практика ничем не отличалась от положения, существовавшего в КПК и КПСС. Различие состояло лишь в том, что на Тайване существовали одобренные руководством ГМД определенные правовые нормы, регулирующие деятельность членов партии в правительственных учреждениях. В одной из статей “Программы реорганизации партии” говорилось: “Во-первых, ГМД проводит свою деятельность в рамках Конституции, ее принцип — определять политику на основе трех народных принципов, на основе политики решать кадровые вопросы, с тем чтобы лучше организовать управление членами партии; во-вторых, партия — это орган, определяющий политику, однако партийные органы не могут непосредственно передавать политические решения правительственным учреждениям, ответственность за это ложится на членов партии и партийные собрания, которые законным путем должны превратить их в распоряжения и постановления, с тем чтобы правительственные учреждения претворяли последние в практику; в-третьих, выполнение членами партии обязанностей чиновников правительственных учреждений должно получить одобрение или согласие партии. Собрания по отбору членов партии на должности должны проводиться партийными комитетами на основе определенных правил, а их отбор проходить на основе принципа консультаций; в-четвертых, партия имеет право руководить, контролировать и отзываться членов партии, ра-

ботающих в правительственных и общественных учреждениях, однако следует руководить, исходя из общих принципов, а не вмешиваться в их обязанности, установленные законом”⁷⁷.

Тем не менее нельзя не видеть, что организационные принципы построения ГМД были не только похожи на структуру КПСС (и КПК), но даже были слепком с нее. И это шло от Сунь Ятсена, который на 1 съезде партии в 1924 г. фактически призывал заимствовать опыт КПСС – в смысле установления в стране однопартийной системы и ликвидации в партии любых фракций. Другое дело, что конкретная организационная деятельность ГМД в силу китайской специфики зачастую имела иные формы и методы чем те, которые применяли КПСС и КПК.

В ходе движения по реформе партии было подготовлено большое количество профессиональных администраторов, шел процесс сокращения штатов правительственных учреждений и аппарата Президента. Были достигнуты серьезные успехи в преодолении коррупции, многие представители высшего эшелона власти открыто исповедовали свою приверженность конфуцианским принципам, вели подчеркнуто скромный образ жизни, давая тем самым понять, что все их помыслы сосредоточены на работе во имя “спасения нации”. Среди них были премьер-министр, министр обороны и сын самого Чан Кайши. Не в пример тому, что было раньше, в рядах ГМД на этот раз не было оппозиции. Несмотря на наличие расхождений по отдельным вопросам тактики, руководство партии вначале в целом было едино в понимании задач и направления общего стратегического курса реформ. Успеху модернизации способствовало и то, что население Тайваня получило лучшее правительство, которое когда-либо существовало в условиях Китая. Лучшее – в смысле эффектив-

ности управления страной и отсутствия коррумпированности, что помогало обеспечивать политическую стабильность.

И хотя условия жизни в тайваньском обществе напоминали атмосферу полицейского государства, подавляющее большинство тайваньцев мало соприкасалось с силами безопасности, поскольку последних интересовали главным образом агенты и сторонники компартии и лица, выступавшие за независимость Тайваня⁷⁸.

Результатом движения по реорганизации партии стало не только обновление партии, учитывая роль ГМД в обществе, произошло обновление всей системы общественных отношений, армии, системы безопасности, правительственных органов.

По мнению известного тайваньского политолога, профессора Тайваньского национального университета Ху Фу, политический процесс на Тайване можно разделить на пять этапов: *первый (1949-1952 гг.)* — создание авторитарного режима, *второй (1952-1971 гг.)* — его консолидация, *третий (1972-1979 гг.)* — его существование и трансформация, *четвертый (1980-1986 гг.)* — переход от авторитарного режима к демократии, *пятый (1986 г.)* — утверждение демократии.

Проф. Ху Фу сравнивает авторитарный режим ГМД с развернутым зонтиком, в центре всей социальной структуры находился вождь, который выступал как бы в роли ручки зонта, осуществляя персонифицированный контроль над партийным аппаратом, являвшийся опорой режима. Партия, в свою очередь, контролировала гражданское общество и правящий класс. В этом и состоит суть современного авторитаризма, который отличается от традиционного авторитаризма тем, что в нем присутствует мощный контрольный механизм — в лице партии — над обществом. В то же время в отличие от тоталитарного режима, в современном авторитаризме партия не существует независимо от своего высшего

лидера⁷⁹. Авторитарный режим ГМД не охватывал все общество снизу доверху, он сочетался с многообразием нравов, отсутствием давящего нормативизма.

Утверждению авторитарного режима способствовали как международные, так и внутренние факторы. В этой связи следует заметить, что в период японского колониального господства не существовало политических партий, местная элита могла участвовать лишь в выборах консультативных органов. В структуре тайваньского общества в тот период отсутствовали какие-либо условия для плюрализма.

Реформирование партии сопровождалось другими важными социально-экономическими мероприятиями — аграрной реформой, выборами в местные органы власти, реформой системы образования.

В начале 50-х годов Тайвань был аграрной страной, в 1952 г. 57% населения было занято в сельском хозяйстве, поэтому проблемы местного самоуправления имели очень важное значение, тем более, что незадолго до этого произошли события 28-го февраля 1947 года.

В 1946 г., а затем в 1950 г. были опубликованы постановления правительства о выборах в уездные, городские, поселковые и деревенские ассамблеи. Первые выборы в местные органы власти состоялись в 1951 г., а в ассамблею провинции Тайвань в 1954 г. Выборы проводились на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, хотя носили, конечно, ограниченный характер. Кандидатами в депутаты были представители ГМД и ее союзников, что позволяло манипулировать ими. Тем не менее руководство ГМД придавало этим выборам большое значение. По его собственному признанию, партия не занималась на материке вопросами местного самоуправления, поэтому для него было важно выяснить умонастроения местного населения, подобрать сторонников среди местной политической эли-

ты, нейтрализовать действия оппозиционных лидеров и в конечном счете создать социальную опору своему режиму.

В целях обеспечения необходимых результатов выборов, они проводились в различных территориальных единицах не в один день, а в разное время, с тем чтобы можно было учесть уже имеющийся опыт и сделать соответствующие выводы.

Как уже отмечалось, политическая доктрина Сунь Ятсена говорила о трех периодах перехода Китая к политической демократии, каждый из которых предусматривал особый политический режим. После победы над милитаристскими кликами и объединения страны под властью гоминьдановского правительства предполагался переход от “военной власти” к “политической опеке”. Второй период должен был занять шесть лет — с 1929 по 1935 год. Однако из-за возникших трудностей, связанных с японской агрессией и конфронтацией с КПК, его осуществление затянулось на многие годы.

Тем не менее в 1932 г. законодательная палата (по-китайски — юань) создала Комитет по выработке Конституции Китайской Республики; для всеобщего сведения были обнародованы 25 принципов ее построения. После нескольких лет работы 5 мая 1936 г. был опубликован первый проект Конституции, получивший название Конституция “двух пятерок”⁸⁰. В ноябре 1937 г. предполагалось созвать конференцию для ее принятия, после чего на рубеже 1937-38 гг. должен был начаться третий период — “конституционное правление”.

Однако вооруженная агрессия Японии не позволила осуществить намеченное. Поскольку и в период антияпонской войны поступали поправки и дополнения к проекту “Конституции двух пятерок” в середине 1945 г. по решению 6-го съезда ГМД был создан специальный комитет, в функции которого входило обобщение всех высказанных мнений. После перехода от политики кон-

фронтации к политике сотрудничества с КПК в проект “Конституции двух пятерок” были внесены значительные исправления, которые получили название “12 пунктов”, они были одобрены в январе 1946 г. Политическим консультативным совещанием с участием представителей КПК, других партий и беспартийных.

В ноябре 1946 г. в Нанкине состоялась конференция по принятию Новой Конституции. Коммунисты не приняли в нем участие, хотя их замечания и поправки были учтены в новом проекте. Конституция была принята 25 декабря. Было принято решение ввести ее в действие 25 декабря 1947 г. и одновременно окончить период “политической опеки” и начать осуществление “конституционного правления”. Конституция была опубликована 1 января 1947 г. В течение 1947 г., несмотря на начавшиеся со стороны КПК вооруженные действия, на всей территории Китая, контролируемой ГМД, были проведены выборы в Национальное собрание, Законодательную и Контрольную палаты. На территории, где власть принадлежала КПК, выборы не проводились. Был избран 2961 депутат Национального собрания (было необходимо избрать 3045), 760 членов Законодательной палаты (было необходимо избрать 776), 180 членов Контрольной палаты (было необходимо избрать 223 члена). 29 марта 1948 г. в Нанкине открылась первая сессия Национального собрания, на которой Чан Кайши был избран Президентом Китайской Республики⁸¹.

В своей инаугурационной речи он подчеркнул важность соблюдения Конституции, необходимость решительной борьбы за единство страны против раскольников. Осуществление в Китае подлинной демократии он поставил в прямую зависимость от уничтожения “коммунистических бандитов”. Вскоре национальным собранием были одобрены “Временные положения, действующие в период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа”, которые пре-

доставляли Президенту чрезвычайные полномочия на этот период. Его действия в этот период в силу чрезвычайных обстоятельств не подвергались ограничениям со стороны статей Конституции. ГМД объяснял это необходимостью обеспечить порядок в стране и безопасность граждан. В 1950 г. был одобрен Декрет о чрезвычайном положении. Вторая сессия Национального собрания, состоявшаяся уже на Тайване в феврале 1954 г. продлила действие “Временных положений”. Впоследствии срок их действия продлевался еще несколько раз. Естественно, что процесс демократизации был прерван, ответственность за что была возложена гоминьдановцами на коммунистов. В течение многих лет ограничения демократии объяснялись на Тайване опасностью коммунистического вторжения.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, в течение всего периода действий “Временных положений” функционировали выборные местные органы власти. Исключение составляли должности губернатора провинции Тайваня, мэров гг. Тайбэя и Гаосюня. В течение сорока с лишним лет лица, занимавшие эти посты, назначались, а не избирались. К участию в выборах в местные органы власти допускались лишь представители официально разрешенных партий, т.е. ГМД, и выступавших в блоке с ним двух-трех мелких партий, которые были очень малочисленными. Срок полномочий депутатов Национального собрания неоднократно продлевался, в результате подавляющее большинство из них к концу 80-х гг. достигло преклонного возраста.

2.2. Переход от авторитарного режима к демократическому обществу

Господство ГМД в общественной жизни в качестве фактически единственной политической силы, запрет других политических партий, значительная роль орга-

нов безопасности, отсутствие парламентских выборов и т.п. не могло не вызывать недовольства в различных слоях тайваньского общества, прежде всего среди уроженцев острова. Периодически начинают происходить выступления и акции политического характера, которые постепенно перерастают в организационно оформленное движение оппозиции. Это движение, играя роль своего рода “контролера” по отношению к правительству, способствовало развитию на Тайване демократического процесса.

Первой такой акцией стало создание журнала под названием “Свободный Китай”, в котором пропагандировались идеи либерализма и западной демократии, а также подвергались критике деятельность правительства и отдельных ее членов. Парадоксальным может быть названо то обстоятельство, что формированию и развитию оппозиционного движения объективно способствовало тесное политическое сотрудничество с США. В 50-ые годы многие тайваньцы, в том числе и уроженцы острова, получали образование в США; знакомство с политической системой и политической культурой этой страны естественно не могло не приводить их к невыгодным сравнениям с политической системой, существовавшей на Тайване. Они не хотели принимать во внимание тезисы гоминьдановской пропаганды о неизбежности ограничения демократии в силу существования постоянной угрозы вторжения со стороны коммунистов. Руководство ГМД утверждало, что введение принципов западной демократии, проведение выборов в парламент может привести к беспорядкам и анархии, что не позволит создать сильное в экономическом и военном отношении государство, в результате чего Тайвань окажется беззащитным перед материковым Китаем.

В конце 50-х годов видный в прошлом гоминьдановец Лэй Чжэн и несколько членов местных органов власти — Гао Юйшу, Ли Ванцзю, Го Гоцзи и другие

проводят симпозиум, посвященный улучшению системы местных органов власти, который 15 июня 1960 г. создает соответствующий комитет из 55 человек. В сущности, этот комитет был политической организацией, поскольку он опубликовал “Заявление об основных вопросах государственной политики”, где выразил решимость организовать оппозиционную политическую партию: “Для всесторонней реформы китайской политики, укрепления базы борьбы против коммунистов, за возрождение государства и содействия осуществлению демократической политики, мы решили объединить демократических деятелей внутри и вне страны и при этом в согласии с Китайской партией демократического социализма и Младокитайской партией⁸², провести работу по созданию новой политической партии, с тем чтобы бороться за подлинную демократию и добиться навсегда **исчезновения из Китая диктатуры одной партии**” (подч. нами – В.Б.).

Создание оппозиционной партии под названием “Китайская демократическая партия” было провозглашено в сентябре 1960 г. Через несколько дней Лэй Чжэн и еще несколько руководителей вновь созданной партии – Лю Цзыин, Фу Чжэн и др. были арестованы органами безопасности по подозрению в “организации мятежа”, а журнал “Свободный Китай” закрыт. Лэй Чжэн был осужден на десять лет тюремного заключения, освобожден только в 1970 г. после полного отбытия срока; в 1979 г. он умер от болезни.

Столь суровые меры, предпринятые ГМД против оппозиционного движения, объяснялись в пропаганде следующими обстоятельствами. Существовавшая в период нахождения партии на материке многопартийная система представляла для КПК возможность проводить свою антигоминьдановскую деятельность. Организационная структура КПК, ее связь с мировым комдвижением, Советским Союзом позволяли китайским коммунистам вести подпольную работу в районах, контро-

лируемых ГМД, в то время как последний не имел таких возможностей в районах, где власть принадлежала коммунистам. Опыт политического процесса 30-40-х годов убеждал лидеров ГМД в том, что демократизация китайского общества на Тайване, при отсутствии таковой на материке, будет наруку коммунистам, позволит им и их невольным союзникам, а таковыми считались все оппозиционные деятели — вопреки даже желаниям последних — дестабилизировать политическую обстановку на острове. Опасаясь повторения событий 40-х годов и стремясь удержать власть, ГМД прибегал к суровым репрессиям против оппозиционно настроенных деятелей, используя для этого “Временные правила”. Такое отношение к оппозиционным настроениям существовало на Тайване в течение длительного периода времени, вплоть до конца 70-х годов.

Социальные и экономические достижения, с одной стороны, способствовали укреплению авторитета режима, а, с другой стороны, росту экономического влияния китайцев — уроженцев острова, которые стали настаивать на расширении своего политического участия в делах государства. В семидесятые годы последовала полоса дипломатического признания Китайской Народной Республики со стороны зарубежных государств, в том числе США, Японии, Канады. Соответственно, происходит резкое ослабление внешнеполитических позиций Тайваня. Подавляющее большинство стран мира разрывает дипломатические отношения с гоминдановским Китаем⁸³, он уходит из ООН. Это автоматически влечет за собой исчезновение той “благородной цели” — возвращение на материк, вокруг которой руководство ГМД объединяло население Тайваня. Позднее на политический процесс на Тайване начинают оказывать воздействие изменения в международной обстановке — уменьшение напряженности в мире, а затем и окончание холодной войны.

В умонастроениях жителей Тайваня происходят серьезные перемены. Если ранее гоминьдановское правительство могло претендовать на представительство всего Китая, то теперь с подобными внешнеполитическими амбициями было покончено, правительство, находившееся на Тайване, — независимо от того, что оно продолжало называть себя правительством Китайской Республики могло представлять только население острова. Это коренным образом меняет внутривнутриполитическую ситуацию на Тайване. В центр политических дискуссий выдвигается вопрос о будущем статусе Тайваня, перспективах его политического развития, его месте в мировом сообществе⁸⁴. Встает вопрос о переориентации политического курса, выработке новой стратегии социального развития. Политическая элита, состоявшая в большинстве своем из уроженцев материка, начинает постепенно подвергаться давлению со стороны влиятельных китайцев, родившихся на острове. Именно они составляли большинство городских средних слоев, численность которых росла в эти годы очень быстро. Эти слои и их представители — молодые интеллектуалы требовали тайванизации центральной и местной администрации. Ослаблению позиций ГМД способствовал уход из жизни Чан Кайши, авторитет которого в последние годы был непререкаем⁸⁵. У его сына Цзян Цзинго и его окружения не было такого престижа и опыта, каким обладал Чан Кайши.

Оппозиционное движение постепенно набирает силу, причем в основном его инициаторами и руководителями выступают уроженцы острова. Возникает целый ряд изданий оппозиционного характера таких, как “Университетский журнал”, “Тайваньская публицистика”, “Прекрасный остров”, “Авангард” и др. Они являлись рупором той части интеллигенции, которая настаивая на большом участии уроженцев острова в политической жизни государства, требовала не только внесения

определенных изменений в политическую систему, но и самого ее реформирования. В этот период со всей остротой встает вопрос о том, что именно китайцы — уроженцы острова должны иметь решающее влияние при выработке государственной политики, а не китайцы, появившиеся на острове после 1949 г. Подобная точка зрения аргументировалась тем, что “пришельцы с материка”⁸⁶ не могут хорошо представлять себе ситуацию на Тайване, да и не собираются серьезно заниматься решением проблем острова, поскольку их помыслы, в основном, обращены к матерiku, к поиску методов, могущих позволить им вернуться туда. Впервые прозвучали лозунги о необходимости создания на острове независимого китайского государства по примеру Сингапура. Сторонники независимости говорили о том, что жителей Тайваня и материкового Китая связывает лишь этническая общность, в то время как их историческое и политическое развитие очень сильно отличаются друг от друга.

Большинство оппозиционных деятелей не входили в состав ГМД или других партий, как правило, свое образование они получили в США; некоторым из них в результате выборов удалось попасть в состав местных ассамблей. Участие в представительных органах власти позволяет им выступать с законодательными инициативами, вносить различные социальные проекты. Оппозиция становится серьезной политической силой. Важным этапом в становлении политической демократии на Тайване явился 1986 год, когда была образована Демократическая прогрессивная партия и правительство не запретило ее. В декабре того же года партия приняла участие в выборах членов Законодательной палаты и получила 22% всех голосов избирателей. Тем самым был нанесен удар по монополии ГМД на власть, фактически на Тайване появились первые контуры двухпартийной (многопартийной) системы.

Руководство ГМД, режим в целом начинают ощущать трудности в привлечении новых членов в политическую элиту. В современных авторитарных режимах она состоит обычно из двух частей — первую составляют те, кто разделяет политические идеалы, которые исповедуют лидеры режима, и одновременно политические средства, к которым они прибегают. Во вторую входят технократы, у которых отсутствуют какие-либо политические чувства и убеждения. Обычно в политическую элиту не допускаются мыслящие современно, открытые и прогрессивные люди. Вторая слабость современного авторитарного режима состоит в периодически повторяющемся кризисе власти, связанным с упадком физических сил стареющего высшего лидера. В то же время, со временем происходит снижение профессионального уровня руководства, его способностей управлять страной. Для режима становится все более трудно, с одной стороны, противостоять растущим вызовам как изнутри, так извне страны, а с другой стороны, реализовывать существующую политическую программу или выдвигать новую. Когда режим уже не может вести общество к ясной цели, происходит разложение морали и дисциплины и появляется коррупция.

Успешное выполнение программы развития десяти главных экономических проектов (о них речь пойдет в следующей главе) оказало существенное влияние на социальную структуру тайваньского общества, оно стало более открытым и мобильным, появилось много людей, желающих проявить себя в политической деятельности.

Однако только выборы являлись тем институциональным механизмом, который позволял новым экономическим и социальным силам стать частью существующей политической системы, одновременно они служили средством проявления политических возможностей местной элиты. Такой демократический меха-

низм как выборы стал играть большую роль в изменении состава политической элиты в сторону ее тайванизации. В условиях авторитарного режима выборы были своего рода “праздником демократии”, ибо на период их проведения временно прекращалось действие многих репрессивных законов. Выборы служили своего рода отдушиной, играя важную роль в стимулировании демократических тенденций в политической жизни. Поэтому все больше и больше людей, стремящихся к политическим постам и экономическим привилегиям, стало принимать участие в электоральном процессе, поскольку успех на выборах мог принести серьезный политический авторитет и значительные экономические выгоды. По мере расширения возможностей тайваньской экономики ставки в электоральном процессе неизмеримо повышаются. Чем больше социальных сил вовлекаются в процесс выборов, тем более они становятся институционализированными. Выборы постепенно превращаются в институт, в котором местная политическая элита находит свою самоидентичность, а местные властные структуры приобретают стабильность. По мере увеличения числа голосов, поданных за оппозицию на выборах, институционализированный периодически повторяющийся процесс постепенно ослабляет авторитарный режим и открывает дорогу к его возможному падению.

Одновременно для самого Гоминьдана выборы становятся необходимым средством легитимации. Дело в том, что выборы влекут за собой появление в политической системе политической оппозиции, чье присутствие подтверждает легитимность электорального процесса. Прежде оппозиция использовала только радикальные методы для того, чтобы заставить правящий режим изменить свою политику. Речь идет о различных формах социальных движений — подаче гражданами

петиций, демонстраций, неразрешенных властями забастовках, кампаниях гражданского неповиновения и др. Их число со 175 в 1983 г. возросло до 1172 в 1988 г.⁸⁷.

Теперь же оппозиция нашла выборы эффективным средством мобилизации населения для оказания давления на власть предрержащих с тем, чтобы они пошли на демократизацию общества. Благодаря признанию обоими сторонами авторитета выборов стало возможным избежать конфронтации между двумя центрами политического спектра, и даже наладить нечто вроде сотрудничества между ними. В конце концов, правящая элита поняла, что она не только не может обойтись без выборов, но более того, с их помощью в состоянии справляться с растущим давлением как внутри ГМД, так и вне его. Регулировка электорального механизма, с внесением в него необходимых изменений, сделало возможным мирный переход от авторитарного режима. По словам проф. Ху Фу “этот переход также может быть представлен как процесс реинституализации и возобновления легитимации”⁸⁸.

Водоразделом в трансформации тайваньского общества от авторитарного режима к демократическому было решение Цзян Цзинго разрешить деятельность Демократической прогрессивной партии, отменить чрезвычайное положение и многие политические запреты. Был целый ряд причин для такого решения, имевшего историческое значение. Во-первых, он мог посчитать процесс тайванизации и демократизации необратимым. Во-вторых, возможно он хотел начать при своей жизни серию политических реформ, которые помогли бы избежать после его смерти глубокого кризиса. Становилось все более очевидным, что режим все больше и больше утрачивает свою первоначальную цель, теряет свою жизнеспособность и нет средств для восстановления его прежних властных полномочий. Решение, принятое Цзян Цзинго, нанесло по авторитарному режиму реша-

ющие удары. Начавшийся после этого процесс политической реинституализации сопровождался либерализацией и демократизацией.

Во второй половине 80-х годов руководство ГМД осуществляет ряд мер, направленных на развитие политической демократии. В июле 1987 г. был отменен Закон о чрезвычайном положении, просуществовавший тридцать семь лет, были расширены возможности для высказывания мнений, проведения собраний, создания различных обществ. В конце 1987 г. были отменены ограничения на издание новых газет, в результате чего количество газет с 31, выходящих во время действия декрета о чрезвычайном положении, уже к середине 1992 г., увеличилось до 246, а в декабре 1996 г. — до 371. Общий тираж газет, выходящих в настоящее время на Тайване ежедневно, достигает шести с лишним миллионов экземпляров, с учетом того, что население Тайваня составляет около 22 миллионов человек, это выдвигает его на одно из первых мест в мире по количеству выходящих ежедневно газет на душу населения⁸⁹.

1 января 1987 г. был отменен запрет на создание новых партий. Юридические лица получили право на создание политических организаций, в результате число зарегистрированных партий достигло 82, однако подавляющее большинство из них являются партиями номинально, их организаторы представляют лишь самих себя, у этих партий нет какой-либо политической программы, каких-либо своих особых мнений по проблемам развития Тайваня, многие из них не ведут какой-либо серьезной политической деятельности, не участвуют в выборах и поэтому не представлены в органах власти. Крупных партий всего лишь три — Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия, а также появившаяся недавно “Новая партия”. Очень незначителен

удельный вес в политической жизни двух партий — союзников ГМД — Китайской партии демократического социализма и Младокитайской партии.

Учитывая внутривнутриполитическую ситуацию руководство ГМД не могло не пойти на “тайванизацию” своей политической элиты. Если прежде все основные политические и правительственные посты принадлежали выходцам с материка, то теперь постепенно стал увеличиваться удельный вес уроженцев острова, более того Цзян Цзинго выбрал на роль своего преемника — тайваньца по происхождению Ли Дэнхуэя, который в 1988 г. после смерти своего предшественника стал Президентом Тайваня.

В центре конституционной реформы и всей политической жизни в 80-ые годы был вопрос о полномочиях членов Национального собрания, Законодательной и Контрольной палат, точнее о правомочности их функций. Все они были избраны еще на материке в 1947 г. Однако в результате утраты ГМД континентального Китая новые выборы этих трех органов провести было невозможно; хотя территория Китайской республики сократилась до размеров одной провинции — Тайваня и еще нескольких мелких островов, руководство ГМД продолжало претендовать на право представлять весь Китай. Поэтому полномочия членов Национального собрания несколько раз продлевались, изменения его состава касались лишь увеличения числа депутатов от территории, фактически находившейся под контролем ГМД. Однако подобные косметические изменения не могли иметь принципиального значения. Национальное собрание, как впрочем Законодательная и Контрольная палаты, не имели представительного характера, их состав не был связан с населением Тайваня, т.е. территории, на которых они функционировали как высшие представительные органы государства. Такое положение еще имело какое-то значение, причем в боль-

шей степени политическое в первый период после переезда гоминьдановской администрации на Тайвань. Однако постепенно становится очевидным, что политические амбиции Гоминьдана, связанные с его надеждой возвращения на материк, не имеют под собой оснований. Естественно, что юридические акты, обосновывающие эти амбиции, становятся анахронизмом. Отсюда и отмена Декрета о чрезвычайном положении и “Временных положений на период национальной мобилизации для борьбы против коммунистического мятежа”. Тем самым была создана юридическая основа для установления контактов между Тайванем и материковым Китаем, жителям Тайваня, за исключением государственных служащих, офицеров, находящихся на действительной службе, было разрешено посещать материковый Китай, в то же время стали возможными визиты на Тайвань деятелей науки, образования и культуры с материка, однако их количество строго регламентировано — по политическим, военным и экономическим причинам, в частности, один из аргументов, постоянно повторяемым тайваньскими официальными лицами состоит в следующем — остров не в состоянии “переварить” большое количество визитов с материка. Самое главное состояло в том, что объективно была признана необходимость соответствующих конституционных и политических реформ. 21-го июня 1990 г. Совещание высших судей приняло постановление о том, что полномочия всех членов Национального собрания, Законодательной и Контрольной палат заканчиваются 31 декабря 1991 г. При этом в соответствии с китайскими традициями уходящим в отставку членам национального Собрания предоставлялись высокие пенсии и они были включены в состав специального совета по вопросам объединения страны. В развитие этого постановления правительство приняло решение о проведении выборов в Национальное собрание по новым прави-

лам. Согласно им теперь его депутаты избирались самими тайваньцами. Первые выборы нового Национального собрания состоялись в декабре 1991 г. Кроме участия в выборах по территориальным округам партии, добившиеся в них успеха, имели право на определенное количество мест в общенациональном списке согласно результатам, полученным им на выборах. Тем самым выходцы с материка получали возможность быть представленными в новом парламенте.

В первой половине 90-х годов в Конституцию неоднократно вносились изменения и дополнения. Наиболее важными среди них были следующие:

– Выборы президента и вице-президента Китайской Республики непосредственно населением Тайваня, срок его полномочий установлен в четыре года. В результате длительного и бурного обсуждения была отвергнута американская система с коллегией выборщиков и решено избирать президента и вице-президента прямым голосованием. Подобное решение имеет чрезвычайно важное значение для политической истории Китая, ибо до сих пор ни один президент Китая не избирался прямым голосованием, в том числе и Сунь Ятсен, все они, как в коммунистическом, так и гоминьдановском Китае избирались парламентами;

– Национальное собрание имеет право на утверждение кандидатур, предоставляемых президентом;

– Губернатор провинции Тайвань и мэры городов провинциального подчинения – Тайбэй и Гаосюнь отныне избираются прямым голосованием всем населением провинции и этих городов.

В течение пяти лет (1990-1994 гг.) конституционная реформа была завершена – была окончательно сформирована система местного самоуправления; разрешена деятельность политических партий, граждане получили реальную возможность осуществлять свои права и свободы. Тем самым был завершен, начатый

еще на материке, многолетний процесс создания в Китае — пусть даже на небольшой части его территории — демократического общества. 14 октября 1994 г. на встрече с молодыми писателями Ли Дэнхуэй сказал, что, начиная с 1996 г., после прямых выборов Президента, никто, занимающийся политикой, не сможет “сам называть себя выдающимся”. По его словам, после проведения один за другим различных выборов все политические деятели должны будут зависеть от избирательных бюллетеней, их судьбу будет определять народ, народ-господин, а все политические деятели — слуги народа, в политической жизни, конечно, не бывает так называемых героев, самым драгоценным является народ, в этом и состоит сущность демократической политики.

После отмены Декрета о Чрезвычайном положении гражданское общество на Тайване расширило сферу своей автономии и свободы. Новый президент Тайваня и новый председатель ГМД Ли Дэнхуэй осуществил ряд фундаментальных изменений в партии. Прежде всего, сохранив в основном партийную структуру без изменений, он ускорил процесс тайванизации руководства партии, большинство партийных руководителей среднего и высшего звена было заменено на уроженцев острова. В течение пяти лет произошла смена трех премьер-министров, которые были уроженцами материка. В 1993 г. четыре из пяти высших государственных должностей, в том числе премьер-министра, уже занимали тайваньцы. После XIV съезда ГМД тайваньская по происхождению элита получает абсолютное большинство мест в Центральном Комитете и Исполкоме. Сама партия по своему этническому составу стала преимущественно тайваньской. Если в 1976 г. число тайваньцев в партии составляло 15 процентов, в 1988 году — 35 процентов, в 1993 году — 54 процента, то в настоящее время уже около восьмидесяти процентов.

Далее, произошло принципиальное изменение во внешнеполитическом курсе по отношению к Китайской Народной Республике. Была выдвинута политика “двойного признания”, что означает де-факто, если не де-юре признание принципа “Один Китай, два правительства”. Таким образом, была отброшена цель возвращения материка под юрисдикцию Китайской Республики.

Новый курс Ли Дэнхуэя вызвал оживленные дебаты внутри ГМД и появление в ней двух фракций – основной и неосновной. В 1993 г. ряд членов Законодательного Собрания, принадлежавшие к неосновной фракции, вышли из ГМД и создали Новую партию. Эти бывшие члены ГМД, недовольны существующими в нем порядками, фактами коррупции и разложения в его рядах. Раскол в правящей партии привел к расширению рядов оппозиции, способствовал дальнейшему формированию на Тайване гражданского общества.

Во время проходивших в течение последних пяти лет выборов происходит неуклонное снижение голосов, поданных за правящую партию. Так, на выборах в Законодательную палату в 1992 г. число голосов, поданных за ГМД, составило 53.02% (для сравнения с 1980 г. – 73.64%). За тот же период число голосов, поданных за ДПП, увеличилось с 8.28% до 31.03%. Одновременно произошло изменение в политических ориентациях тайваньцев. По подсчетам проф. Ху Фу число граждан, выступающих за сохранение авторитарного режима, снизилось с 23.5% в 1983 г. до 11.1% в 1989 г., в то же время процент тех, кто придерживается принципов либеральной демократии, возрос за тот же период с 12.8% до 20.7%⁹⁰. Открытая критика правящей партии, ее лидеров в средствах массовой информации, а также поражение многих ее кандидатов на выборах в местные,

провинциальные и центральные органы власти можно считать свидетельством демократизации политической жизни Тайваня.

По мнению проф. Ху Фу, идя на либерализацию и демократизацию в отдельных секторах политической жизни, правящая элита в то же время пытается сохранить саму суть авторитарного режима, это проявляется в ее попытках возродить сильную президентскую власть — верхушку старой структуры путем внесения соответствующих поправок в Конституцию. Хотя формально ГМД ушел из учебных заведений и армии, он по-прежнему пытается сохранить в них свое влияние.

В настоящее время ГМД уже не может претендовать на выражение политических интересов всех классов и слоев. Если раньше она представляла блок государственной элиты — выходцев с материка и второстепенных местных политиков, то теперь в нем объединились представители консервативно настроенной государственной элиты, местных фракций и большого бизнеса⁹¹.

Подчеркивая приверженность ГМД развитию политической демократии, его руководство открыто противопоставляет свой курс политике КПК, которую оно характеризует как антидемократическую. При этом руководство ГМД заявляет о том, что не сойдет с избранного им пути, несмотря даже на то, что свободные выборы и обеспечение прав и свобод граждан отнюдь не гарантирует партии спокойную жизнь.

Состав депутатов за последние годы претерпел серьезные изменения, во-первых, произошло его резкое омоложение, много депутатов в возрасте 30-40 лет, во-вторых, увеличилось число женщин, в-третьих, кардинальным образом изменился их образовательный и профессиональный уровень, если раньше это были выпускники средней школы или китайских вузов на материке (до 1949 г.), то теперь многие из них имеют дипломы

об окончании американских университетов или об ученых степенях магистра и доктора наук; в-четвертых, значительное число их принадлежит к кругам университетской интеллигенции.

За последние пять лет тайваньцы пять раз, т.е. ежегодно участвуют в выборах. Следует подчеркнуть, что они проходят с соблюдением демократических процедур. Автору этих строк довелось лично наблюдать выборы 3 декабря 1994 г. После регистрации кандидаты получили возможность вести предвыборную кампанию, организовывать агитационные участки, устраивать собрания, издавать пропагандистскую литературу. Многие методы избирательной кампании несомненно были заимствованы из западного, прежде всего, американского опыта: рекламные поездки агитмашин с кандидатами и без них, устройство бесплатных концертов, рассылка агитационных материалов по домашним адресам избирателей — в их почтовые ящики, расклейка плакатов, запуск воздушных шаров с изображением кандидатов или их фамилиями и т.п. В издаваемых ими буклетах кандидаты в депутаты не только излагали свою политическую программу и конкретные мероприятия, которые они собираются осуществлять в случае их избрания. Большое место уделялось их прошлой общественной деятельности, подробно рассказывалось об их семейном положении, зачастую помещались фотографии жен и детей, родителей.

Многие кандидаты — в духе “демократических традиций” — не упускали возможности подвергнуть критике своих оппонентов и их программы, далеко не всегда полемика велась в корректном тоне, допускались оскорбительные высказывания, некоторые кандидаты обыгрывали свое тайваньское происхождение. Например, в одном из избирательных округов Тайбэя, одна из кандидатов, член ГМД, чувствуя по-видимому, что у нее нет больших шансов быть избранной, поскольку

партия не включила ее в список своих официальных кандидатов, в последние дни кампании стала делать упор на то, что она — единственная из всех кандидатов-женщин является уроженкой острова, в то время как другие либо сами родились на материке, либо там родились их родители.

В день выборов любой желающий, в том числе иностранец, имел возможность не только наблюдать процедуру выборов, но и присутствовать при подсчете голосов. После окончания голосования открытие урн и извлечение оттуда бюллетеней происходило открыто. После того, как выделенные для этой цели члены комиссии произносили фамилию, оставленную в бюллетене, на большом листе бумаги, занимавшем всю стену, напротив его фамилии сразу же появлялась новая галочка. При таком подсчете голосов никаких подтасовок осуществить невозможно. Местное радио и телевидение чуть ли не каждые пятнадцать минут передавали свежую информацию о результатах подсчета голосов по каждому избирательному участку.

В целом выборы прошли без каких-либо серьезных нарушений принятых процедур их проведения, правда, после выборов оппозиция обвинила правящую партию в том, что в отдельных уездах ее функционеры занимались подкупом избирателей, якобы уплачивая им определенную сумму денег за поддержку гомиьндановских кандидатов, однако, подобные случаи, если и имели место, не носили массового характера.

Результаты выборов, проходивших на Тайване за последние пять лет свидетельствуют о неуклонном падении влияния ГМД. Главная оппозиционная политическая сила — Демократическая прогрессивная партия ведет свои предвыборные компании под лозунгом “места окружают Центр” (т.е. Тайбэй — В.Б.). Эта партия делает основную ставку на уроженцев Острова. Влияние ДПП растет от выборов к выборам. На выборах

1991 г. в Национальное собрание ГМД получил 53,02%, на выборах 1992 г. в Законодательную палату — 60,12%, на выборах 1993 г. начальников уездов — 47,3%. В то же время ДПП на выборах 1991 г. получила 22,78%, выборах 1992 г. — 33,05%, выборах 1993 г. — 41,2%⁹². В результате выборов 1993 г. одна треть начальников уездов уже не являлась членами Гоминьдана.

На выборах 1994 г. Гоминьдан не только потерял пост мэра Тайбэя, но и утратил контроль над городским собранием, тем не менее ему удалось сохранить в своих руках посты губернатора провинции Тайвань, мэра Гаосюня и большинство мест в провинциальном собрании и городском собрании г.Гаосюня. На выборах 1995 г. в Законодательную палату вновь произошло уменьшение количества голосов, поданных за ГМД, вместе с тем значительного успеха добилась Новая партия. Число голосов, поданных за ГМД, составило всего лишь 46%, за ДПП — 33%, за Новую партию — 13%. Эти три партии получили в новой Законодательной палате соответственно 85, 54 и 21 место, остальные 4 места достались независимым (всего в палате 164 места). Падение влияния ГМД продолжилось и на выборах мэров городов и руководителей муниципалитетов, состоявшихся в ноябре 1997 г. Из 23 мест ГМД завоевал всего лишь 8, из них 3 — в небольших округах, в то же время ДПП добилась успеха в 12 случаях. Впервые число голосов, поданных за нее (43,32%) превысило число голосов, завоеванных ГМД (42,12%).

Причины падения популярности ГМД объяснимы. Несмотря на неоспоримые заслуги партии в экономическом процветании и развитии политической демократии, на Тайване, как и в любом обществе, существуют серьезные проблемы. Хотя Тайвань в результате политики ГМД и превратился в развитое общество с высоким уровнем обеспечения населения материальны-

ми и социальными благами, планка требований местных жителей к правительству ныне значительно поднялась по сравнению с предшествующим периодом.

Среди главных проблем, волнующих население Тайваня, следует назвать следующее:

- загрязнение окружающей среды, особенно Тайбэя, трудности с уборкой и переработкой бытовых и промышленных отходов;

- транспортные пробки в Тайбэе в связи с сильно затянувшимся строительством метро.

Именно эти две причины явились главными в поражении гоминьдановских кандидатов на выборах мэра и членов городского собрания Тайбэя. Их противники широко использовали тезис о некомпетентности и непрофессионализме гоминьдановской администрации в городе;

- коррумпированность сотрудников государственной, провинциальной и городских администраций;

- отсутствие на острове прочных демократических традиций. Многие политические деятели в возрасте до 40-50 лет либо получили образование в США, либо подолгу жили там, в том числе некоторые в эмиграции. В тайваньских университетах сильно влияние американской профессуры и соответственно идей либерализма. Американская демократия является в настоящее время образцом для многих тайваньских интеллигентов, поэтому, сравнивая политический строй США и Тайваня, они естественно приходят к выводу не в пользу последнего; поэтому велико стремление превратить тайваньское общество в некую модель общества западной демократии;

- своего рода усталость от однопартийной политической системы, многие избиратели уже “пресытились” от правления ГМД, им надоело видеть на политической сцене одних и тех же людей, они хотят перемен;

— все возрастающая роль в политической жизни Тайваня уроженцев острова. В течение многих лет главная роль принадлежала здесь тем деятелям ГМД, кто либо переехал на Тайвань вместе с Чан Кайши, либо родился на материке, либо, чьи родители приехали с материка.

Все они, как правило, придерживаются точки зрения о необходимости объединения с материковым Китаем, естественно, при условии демократизации последнего. Эту идею в последнее время в еще большей степени пропагандирует Новая партия, упрекающая ГМД за отсутствие гибкости в отношениях с материком. И представители ГМД и представители Новой партии в сущности стоят на позициях существования единой китайской нации, временно разделенной политическими условиями. Их подобный подход неслучаен. У недавних жителей Тайваня огромное количество родственников в материковом Китае — братья, сестры, дяди, тети, племянники и даже родители, в последние месяцы существования гоминьдановского режима он переживал глубокий кризис, естественно поэтому, что переезд на Тайвань офицеров и солдат армии, чинов администрации, простых граждан, членов их семей далеко не всегда имел организованный характер, не все, кто хотел уехать с материка смогли осуществить свое намерение, поэтому многие семьи оказались разделенными.

Интеллектуалы тайваньского происхождения, многие местные обыватели, независимо от того, в какой сфере общественной жизни они заняты, придерживаются иной точки зрения. Для большинства из них Китай — это другая страна, их предки покинули Китай уже давно, еще в XVII-XIX веках, поэтому их мало что связывает с материковым Китаем, разве что этническая общность, некоторые культурные традиции и иероглифическая письменность (до прихода ГМД они не толь-

ко дома, но и в общественном присутствии говорили на местном “фуцзяньском” диалекте”)⁹³. Они скорее чувствуют себя тайваньцами, чем китайцами.

Проблема национальной идентичности является одной из главных, если не самой главной проблемой современного тайваньского общества. Кем являемся мы – китайцами, тайваньскими китайцами или просто тайваньцами наподобие сингапурцев – такие вопросы не могут не задавать себе жители острова. И многие отвечают: “Мы – тайваньцы”. Свидетельством подобных настроений являлся в 80-ые гг. рост движения за независимость Тайваня, в авангарде которого шла Демократическая прогрессивная партия. Конфликт по вопросу о национальной идентичности носит сложный характер, выходя за рамки политической системы, он ухудшает этническую ситуацию на острове и только время покажет, возможно ли его решение демократическими методами.

Следует подчеркнуть, что идеи независимости Тайваня появились неслучайно, в течение многих десятилетий отношения острова с материком отнюдь не были равноправными. При цинской династии Тайвань считался островной, малозначащей провинцией, ее развитие не уделялось должного внимания, в конце XIX в. остров попал под господство Японии и оставался ее колонией в течение пятидесяти лет. В 1945 г. остров вновь стал частью Китая. С приходом китайского правительства у тайваньцев связывались большие ожидания – они надеялись на улучшение своего экономического и политического положения. Однако с проявлением на острове гоминьдановской администрации возникли новые трудности. ГМД не интересовали проблемы, волновавшие местных жителей, прибывшие с материка чиновники были некомпетентными, среди них процветала коррупция, они не считались с мнением тайваньцев. В результате 28 февраля 1947 г. на острове

вспыхнуло вооруженное восстание, которое охватило всю территорию острова, включая города. Почти десять дней остров находился в руках восставших. В ходе подавления восстания было убито приблизительно восемь тысяч человек⁹⁴. Главным лозунгом восстания было требование местного самоуправления, широкой автономии (вопрос о независимости тогда не стоял), что естественно предполагало привлечение на службу в администрацию уроженцев острова.

Именно в событиях 28 февраля 1947 г. следует искать истоки требований ДПП о независимости Тайваня, создании Демократической Республики Тайвань. Если бы не угроза нападения с материка, за независимость острова возможно высказалось бы большинство его граждан.

Многие тайваньские и зарубежные аналитики называют политическую модернизацию на Тайване мирной, “тихой” революцией. Действительно, процесс политических реформ шел медленно, постепенно, но в подобном подходе содержался глубокий смысл, ибо необдуманные поспешные действия и мероприятия могли вызвать потрясения в социальной и экономической жизни.

Политическая демократизация проходила в условиях общества, имеющего свои многовековые социокультурные традиции. Прежде всего здесь следует сказать о конфуцианстве. Будучи первоначально сводом этических принципов и норм поведения оно постепенно трансформировалось в руководство отношений между людьми. Конфуцианство подчеркивает взаимное уважение и всеобщее знание взаимных обязательств. В рамках этих отношений существует всеобщее понимание того, что можно ожидать друг от друга, поэтому нет необходимости в слишком большом количестве прямых контактов — все предопределено запрограммированным кодом обязательств. Что касается “большой

политики”, то конфуцианство рассматривает правительство как “расширенную семью”, где каждый индивид, включая занимающего руководящее положение, знает свое место и ответственность. В конфуцианской концепции идеального правительства последнее выступало как своего рода продолжение идеальной семьи, поэтому его первейшими задачами были те же, что и у семьи, а именно, обеспечение безопасности, целостности, сплочения и солидарности.

Естественно, что идея плюралистического общества с развитым политическим участием граждан в делах государства вступала в резкое противоречие с социокультурными традициями тайваньского общества. Акцент конфуцианства на гармонию интересов социальных групп противоречил принципам парламентской демократии. Самуэль Хантингтон так кратко объяснял это противоречие: “В таком обществе критически необходимым является стремление избежать соревнования и дисгармонии и соответственно, прежде чем принять решение обеспечить консультации внутри группы. С другой стороны, американцы чувствуют себя удобно в условиях открытого конфликта, погони за большинством голосов и где существует более индивидуалистический стиль руководства “одинокого скитальца”⁹⁵.

Западные демократические нормы не могли бы прижиться на тайваньской почве и стать частью политического процесса, если бы они не были соединены с традиционными ценностями, в частности такими, как уважение к старшим по возрасту и по должности, сохранение порядка и предпочтение к согласию перед конфликтами. При осуществлении процесса демократизации тайваньское руководство не могло не принимать эти ценности во внимание. Оно отлично понимало, что постепенная замена патернализма политическим участием и духом соперничества отнюдь не требует уничтожения конфуцианства.

Последнее продолжает играть важную роль во всей системе ценностей тайваньского общества, о чем подробно будет рассказано ниже.

Резкое падение авторитета ГМД, что наглядно проявилось в систематическом снижении в период 1991-1997 гг. числа голосов, подаваемых за него на различного рода выборах, заставило руководство партии принять решение о внутрипартийной реформе. Ее цель — усиление связи партии с населением, совершенствование структуры и повышение эффективности деятельности руководящих органов партии различного уровня, обеспечение победы на выборах. Хотя ГМД является массовой партией — в ней состоят около 2 млн. человек (в то же время ДПП насчитывает только 90000 человек), тем не менее ее влияние значительно меньше ее возможностей, что во многом объясняется слабой партийной дисциплиной. Поскольку одним из основных обвинений, выдвигаемых в адрес ГМД, является обвинение в коррупции, в октябре 1996 г. было решено более тщательно подходить к отбору кандидатов от партии на выборные должности. Теперь лица с “запятнанной репутацией” исключаются из списка рекомендуемых кандидатур. Руководство ГМД в своей политической деятельности в воспитательных целях постоянно обращается к конфуцианству, деяниям великих конфуцианцев прошлого — того же Конфуция, Ван Аньши, Цзэн Гофаня. Значительно больший, чем раньше делается упор на работу в различных группах населения, особенно среди молодежи, ибо именно здесь ГМД потерял наибольшее количество избирателей. Подчеркивается важность активизации деятельности низовых партийных организаций, агитационно-пропагандистской работы партии в целом. Одновременно руководство ГМД стремится ограничить масштабы раскольнических действий или вообще предотвратить их появление. Вот почему оно сочло за лучшее в конеч-

ном счете согласиться на уход из партии лиц, создавших впоследствии Новую партию, чем удерживать их силой партийной дисциплины.

Большое значение для успешной деятельности ГМД имеет личность лидера. У Ли Дэнхуэя и его ближайшего сподвижника — вице-президента Лянь Чжэня, естественно, нет того авторитета, которым обладали Чан Кайши и Цзян Цзинго, хотя в нескольких опросах общественного мнения первой половины 90-х гг. относительно самых популярных политических деятелей современного Тайваня Ли Дэнхуэй шел вторым после Цзян Цзинго и перед Чан Кайши. Ли Дэнхуэй безусловно является самым популярным в настоящее время тайваньским политическим деятелем. Это подтвердили и состоявшиеся 23 марта 1996 г. президентские выборы. В них приняли участие четыре кандидата — кроме Ли Дэнхуэя, также Пэн Минминь, кандидат от Демократической прогрессивной партии, а также Линь Янган и Чэн Люяньюань в качестве независимых кандидатов. Новая партия не выставила своего кандидата, а призвала поддержать Линь Янгана. Линь и Чэн в прошлом являлись крупнейшими партийными функционерами и государственными деятелями (Линь был даже заместителем председателя ГМД).

Во время избирательной кампании вопрос о независимости Тайваня фактически не стоял, даже Пэн Минминь рассматривал его как отдаленную перспективу. Что касается Ли Дэнхуэя, то он говорил о необходимости объединения, но одновременно подчеркивал, что необходимыми условиями такого объединения являются свобода и демократия на материке. В сущности, речь шла о сохранении статус-кво — продолжении курса на объединение без указания точных сроков.

В выборах Президента приняло участие 76% избирателей. Из них 54% отдало свои голоса Ли Дэнхуэю. Остальные кандидаты — Пэн, Линь и Чэн получили соответственно свыше 21%, около 15%, 10%.

Вместе с тем, на состоявшихся в тот же день выборах в Национальное собрание ГМД получил 183 места из общего числа 334 (на предыдущих выборах в 1991 г. ему принадлежало 254 места). ДПП резко увеличила число своих представителей — с 66 до 99, а Новая партия завоевала 46 депутатских мест.

Предстоящие в 2000 году выборы нового Президента могут явиться этапными в развитии Тайваня. Мала вероятность того, что Ли Дэньхуэй будет снова выставлять свою кандидатуру (учитывая его возраст). Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в августе 1997 г. Лянь Чжань ушел с поста премьер-министра, которую он занимал одновременно с должностью вице-президента. Он объяснял свое решение тем, что в оставшиеся два с половиной года своей работы в качестве вице-президента намерен чаще встречаться с общественностью и сосредоточить свое внимание на решении проблем молодежи, улучшении системы социального обеспечения и повышении качества жизни. Подобные слова явно говорят о прицеле на будущие президентские выборы. На них кандидату от ГМД придется столкнуться с более серьезным соперником, чем в 1996 г. — скорее всего с одним из руководителей ДПП, нынешним мэром Тайбэя Чэн Шуйбянем. Скорее всего, и Новая партия выдвинет своего кандидата.

Тем не менее, несмотря на все возникшие перед ГМД трудности, он по-прежнему остается на Тайване самой влиятельной политической силой и во многом лишь от него самого зависит сможет ли он выдержать испытание временем и приспособиться к новой обстановке, вызванной к жизни инициированной им самим процессом создания на острове гражданского общества.

В заключение данного раздела кратко о политической системе современного Тайваня. Она состоит из следующих элементов: Президента, парламента, правительства, органов юстиции, контроля и ведомства, ведающего экзаменами.

Президент, как уже отмечалось выше, с 1996 г. избирается всем взрослым населением Тайваня, имеющим право голоса. Он является верховным главнокомандующим вооруженными силами, публикует законы и указы, заключает международные договора, созывает национальное собрание, назначает ряд высших должностных лиц, например премьер-министра. Наряду с Президентом на тот же четырехлетний срок избирается Вице-президент.

Парламентская система является довольно сложным феноменом, она имеет двухуровневую или двухэтажную структуру. С одной стороны, существует Национальное собрание, с другой стороны — Законодательная палата (или по-китайски юань). В течение длительного периода времени, начиная с 1992 г., функции Национального собрания сводились лишь к выборам и перевыборам Президента и Вице-президента, все законодательные функции принадлежали Законодательной палате, которая собственно говоря и являлась настоящим парламентом. Поэтому, когда было принято решение о прямых выборах Президента непосредственно взрослым населением Тайваня серьезно дебатировался вопрос о ликвидации Национального собрания за “его ненужностью”. Однако, в конце концов, было найдено компромиссное решение: Национальное собрание получило новые prerogatives, сделавшие его как бы Верхней палатой парламента. Кроме внесения поправок в Конституцию оно получило право на отзыв Президента и вице-президента, его согласие требуется для ряда важных назначений в высшие юридический, контрольный органы и ведомство экзаменационного характера. Сессии Национального собрания стали теперь ежегодными с заслушиванием на них докладов Президента о положении в стране и их обсуждением.

Однако реальная роль парламента на Тайване принадлежит Законодательной палате, именно она принимает законы, утверждает Премьера, рассматривает и утверждает бюджет, заслушивает доклады правительства и т.п. В отличие от Национального собрания Законодательная палата работает фактически постоянно.

На Тайване существует разветвленная судебная система, возглавляемая Палатой Юстиции. В нее входят Верховный Суд, Административный суд, окружные суды, суды высшей ступени, а также Дисциплинарный комитет по делам государственных служащих. Состоящая из 17 членов Палата Юстиции (Председатель, заместитель Председателя и 15 великих судей), наделена правом толкования Конституции и фактически является Конституционным судом. Члены Палаты назначаются Президентом с согласия Национального собрания. Независимо от Палаты Юстиции существует Министерство права, которое выполняет функции следственно-прокурорского аппарата и управления тюрьмами и следственными изоляторами.

В соответствии с суньятсеновской доктриной “Конституции пяти властей” на Тайване существуют еще два особых органа — Палата контроля и Экзаменационная палата. Палата контроля является высшим контрольным органом, осуществляет права отзыва, порицания и аудита. Она может возбудить дело об отстранении от должности любого из должностных лиц, включая Президента, в случае нарушения ими служебного долга или закона, ей принадлежит право рассматривать деятельность правительства. В состав Палаты контроля входит специальное ведомство Аудита, которое имеет свои территориальные подразделения на местах. В состав Палаты контроля входит 29 членов, которые назначаются сроком на шесть лет Президентом с согласия Националь-

ного собрания. Генеральный аудитор назначается также Президентом, но с согласия Законодательной палаты.

Экзаменационная палата отвечает за проведение экзаменов для поступления на гражданскую службу и за аттестацию государственных служащих. Она состоит из совета, секретариата и двух отделов: экзаменов и аттестаций. Члены совета назначаются Президентом с согласия Национального собрания. Система государственной службы на Тайване довольно сложна, она насчитывает 14 классов, каждый из которых, в свою очередь, делится на разряды. Продвижение по службе зависит от старшинства в возрасте и стаже, причем на Тайване, как впрочем и на материковом Китае, стремятся избегать искусственного омоложения кадров, процесс обновления управленческого аппарата происходит постепенно, в разумных пределах. И важную роль здесь играет система экзаменов и аттестации государственных служащих⁹⁶.

2.3. Программы политических партий

Как мы уже отмечали, кроме ГМД на Тайване в настоящее время существуют еще две крупные партии. Постольку программные установки и мировоззренческие принципы ГМД и его руководителей уже рассмотрены выше, остановимся теперь на программах этих двух партий.

Демократическая прогрессивная партия (ДПП) руководствуется в своей деятельности тремя документами: Уставом партии, Основными правилами внутреннего распорядка, которые служат как бы дополнением к Уставу и, наконец, Программой партии. Они были

приняты на 1 съезде партии, состоявшемся 10 ноября 1986 г., а затем почти ежегодно на съездах партии в них вносятся определенные изменения.

Программа ДПП состоит из двух частей — “Основная программа — наши основные требования” и “Программа действий — наши конкретные требования в связи с решением текущих вопросов”.

Первая часть открывается пунктом, имеющим принципиальное значение. В нем ДПП открыто заявляет о своей позиции относительно места Тайваня в мировом сообществе. По словам Программы, “вопросы суверенитета и независимости Тайваня не относятся к юрисдикции Китайской Народной Республики, точно также как суверенитет Тайваня не распространяется на материковую часть Китая, это обстоятельство связано и с историей и с нынешним положением, а также общепризнано мировым сообществом”⁹⁷. Однако политика ГМД препятствует осуществлению населением Тайваня своего суверенитета. Отсюда вытекает необходимость изменить Конституцию и создать независимое Тайваньское государство — Республику Тайвань. Для принятия подобных решений предлагается проведение общенародного референдума.

В Программе провозглашается необходимость обязательного соблюдения в обществе основных прав и свобод личности, нации, аборигенов: “Человек является центром государственного и общественного строя, человек существует не ради государственного и общественного строя, напротив, государственный и общественный строй существуют ради человека”⁹⁸. Должен существовать принцип разделения и баланса властей — ответственное правительство, действующее на основе законов, нейтральный в своих политических пристрастиях государственный аппарат, независимый и свободный суд. Поскольку народ является в государстве ис-

точником властей всех уровней, он имеет право контролировать деятельность правительства. Должно быть равномерное распределение власти между центром и уездами. В Программе говорится о следующих правах граждан:

- на образование и свободную деятельность политических партий;
- на создание общественных объединений;
- на издательскую деятельность.

В экономической области главным требованием ДПП является соблюдение прав владельцев частной собственности, всемерная поддержка мелкого и среднего бизнеса, разгосударствование промышленных предприятий. Специальный раздел Программы посвящен созданию на Тайване общества социальной справедливости с системой широких гарантий различным категориям граждан, включающим малоимущих лиц, инвалидов и пенсионеров. Для разрешения трудовых конфликтов предлагается “сотрудничество труда и капитала”, что тем не менее не исключает право рабочих на забастовки.

В Программе говорится также о важности реформы системы образования, что предусматривает освобождение ее от идеологизированности, придании учебным заведениям нейтрального статуса, предоставление учащимся и особенно студентам свободы в выборе учебных дисциплин. Одновременно подчеркивается необходимость развития тайваньской культуры на основе двух компонентов – местного культурного наследия и достижений мировой культуры.

Вторая часть программы ДПП является своего рода конкретизацией общих программных установок стратегического характера. Это своего рода тактика партии на ближайший период. Например, во внешнеполити-

ческом разделе ставятся задачи возвращения в ООН, но уже под названием “Республика Тайвань”, развития сотрудничества со странами дальневосточного и тихоокеанского регионов и т.п.; в военном разделе выдвигается требование деполитизации вооруженных сил; в разделе о правах человека — содержится предложения об улучшении законодательства, пенитенциарной системы и т.п.; в экономическом разделе — предлагаются меры по реформированию налоговой системы, ликвидации монополий в отдельных отраслях производства, контролю за качеством продуктов питания и лекарств и т.п. Всего в десяти разделах этой части Программы содержатся свыше 140 пунктов, многие из них перекликаются с положениями первой — назовем ее “стратегической” частью.

В целом Программу ДПП можно охарактеризовать как выражение идей либерализма применительно к тайваньским условиям.

Следует подчеркнуть, что почувствовав “вкус власти” ДПП начинает менять свои программные установки. Фактически в последние 2-3 года она отказывается от требования независимости Тайваня⁹⁹. Теперь водораздел между ней и ГМД начинает проходить уже не по линии: независимость Тайваня или воссоединение с материковым Китаем, а по линии демократия — авторитаризм, неподкупная, честная политика — коррупция, продажность. ДПП представляет себя партией, выступающей за демократическое развитие Тайваня по западному, американскому образцу. В ее пользу говорит тот факт, что у нее нет “исторического прошлого”, обремененного авторитарными методами управления и жестокими репрессиями, какое есть у ГМД.

У *Новой партии* нет специальной Программы, ее принципиальные программные установки изложены в очень небольшом по объему “Манифесте о создании Новой партии”. В начале этого “Манифеста” говорит-

ся о разочаровании, охватившим тайваньскую общественность в связи с существующим в государстве серьезнейшим политическим кризисом. С одной стороны, имеющий неоспоримые исторические заслуги ГМД погряз ныне в коррупции, думает лишь о том, как удержаться у власти. С другой стороны, заявляющая о своей приверженности демократии Демократическая прогрессивная партия публикует безответственные заявления, не думая о безопасности государства, жонглирует словами о независимости Тайваня. Государство больно, в обществе царит беспорядок, страдания людей увеличиваются, богатство страны разбазаривается¹⁰⁰.

Далее в “Манифесте...” излагаются восемь программных принципов, которые мы постараемся дать полностью. **Первый.** — “Новая партия” представляет интересы маленьких простых людей, она “не занимается лезть, ее интересуют лишь правда и истина, таящиеся в сердце народа, она не преклоняется перед сильными мира сего, она служит лишь высшей справедливости и отстаивает идеалы”¹⁰¹.

Второй. — “Новая партия” осуществит реформу политической жизни, внесет в нее спокойствие, станет выполнять роль баланса между двух других партий (имеется в виду ГМД и ДПП — В.Б.). Сегодня небольшое количество людей поддерживают “Новую партию”, но в будущем без ее поддержки ни одна партия не сможет получить поддержку большинства. Если ГМД захочет сотрудничать с “Новой партией”, он должен будет покончить с плутократией и коррупцией, если к такому сотрудничеству будет призывать ДПП, ей придется перестать провоцировать опасность в Тайваньском проливе. “Новая партия” будет занимать равноудаленную позицию от двух существующих партий и будет идти на сотрудничество с ними только, когда это будет соответствовать общенациональным интересам.

Третий. — “Новая партия” это подлинно демократическая партия. Это — первая в истории Китая политическая партия, где основой является ее парламент, где волеизъявление людей является направляющей силой, а выборы — средством. Наша партия полностью отбросила организационное строение революционной партии ленинского типа. Для участия в ней не нужна никакая клятва, необходима лишь регистрация, не нужно платить взносы, проводить собрания парт. ячейки, нет нужды беспокоиться о партийной работе и опасаться быть исключенным из партии. Человек вступает в партию по убеждению и также по убеждению выходит из нее. В партии не существует каких-либо бюрократических постов типа председателя, членов Исполкома Центрального Комитета и т.п. Есть лишь человек, отвечающий за созыв и ведение собрания, решения на нем принимаются коллективно в соответствии с демократической процедурой. В партии нет деления на высших и низших, а есть лишь товарищи, служащие общему делу.

Четвертый. — Разрешается прием в “Новую партию” членов из других партий, приветствуется также членство в ней “членов партии по духу”. Ими являются все те, кто согласен с ее целями и поддерживает ее деятельность, но официально не зарегистрировался в партии.

Пятый. — “Новая партия” разделяет положения учения “Отца нации” — Сунь Ятсена. Она выступает за единство нации, политическую демократию, уравнивание в богатстве с помощью демократических методов; придерживается принципов справедливости, равенства, мира, безопасности, долга и чистоты. Поэтому безопасность Тайваня является для нашей партии наивысшим принципом, все три партии должны сотрудничать в вопросах внешней политики, стремясь не допустить “продажи Тайваня”, в то же время активно вести пе-

реговоры с коммунистическим Китаем. Цель этих переговоров должна состоять в следующем — добиваться возвращения в мировое сообщество; всемерно развивать двусторонние отношения между двумя сторонами Тайваньского пролива и установить прямое мореходное сообщение; завоевывать рынок материкового Китая с обеспечением прав тайваньских бизнесменов; создать экономический район большого Китая, где все его части взаимосвязаны.

Во избежание появления диктатуры следует создать систему прямых выборов Президента населением Тайваня; принять серию законов, направленных на обеспечение прав человека.

Систему обязательной воинской повинности следует заменить системой вербовки¹⁰², одновременно необходимо проводить политику повышения профессионального уровня военнослужащих.

Шестой. — Необходимо учредить специальное Главное управление честной политики, непосредственно подчиненное правительству, принять целую серию ясных, как солнечный свет, законопроектов и последовательно проводить борьбу против коррупции, разложения и привилегий.

Седьмой. — Мы выступает против плутократии, но не против торговли. Необходимо уважать предпринимателей и торговцев, соблюдающих законы и честно ведущих свое дело, чтобы им не чинилось препятствий, изо всех сил развивать средние и мелкие предприятия, стать их опорой.

Восьмой. — Необходимо осуществлять такую политику социальной помощи, которая бы обеспечивала жизнь детей и стариков¹⁰³.

В конце “Манифеста” его авторы заявляли о своей вере в блестящие перспективы “Новой партии” и провозглашали: “Новая партия” — это новая надежда, новая сила и новый выбор”¹⁰⁴.

Образование “Новой партии” вызвало широкий отклик в кругах тайваньской общественности. ГМД выразил сожаление по поводу того, что создатели “Новой партии” пошли на разрыв с ним, вместо того, чтобы решить возникшие разногласия внутрипартийными методами. ДПП объявила появление “Новой партии” происками ГМД, направленными на раскол оппозиции. Она подвергла программные принципы “Новой партии” резкой критике. С этой целью была выпущена специальная “Белая книга”, где помимо всего прочего “Новая партия” объявлялась чуть ли не агентом коммунистического Китая. В настоящее время в “Новой партии” состоит свыше 70 тыс. человек.

Тактическая переориентация ДПП — фактическое снятие ее лозунга независимости Тайваня может уменьшить шансы “Новой партии”, на ноябрьских выборах 1997 г. она не получила ни одного места мэра или руководителя муниципалитета.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ТАЙВАНЬСКОГО ОБЩЕСТВА

3.1. Экономическое учение Сунь Ятсена

Экономическая мысль насчитывает в Китае свыше двух тысяч лет. Согласно даосизму, развитие экономических отношений должно совершаться естественно, это было нечто вроде зародыша физиократической теории; легизм подчеркивал роль правительства, что позволяет говорить о его сходстве с меркантилизмом. Экономические идеи конфуцианства и неоконфуцианства были в какой-то степени похожи на положения, выдвигавшиеся позднее классической и неоклассической школой экономики. По мнению проф. Вэй Воу, можно найти параллели в развитии западной и китайской экономической мысли, несмотря на всю их специфику. Он считает, что в течение многих столетий китайская экономика была экономикой свободного рынка, в ней преобладала система частной собственности, поэтому капитализм является самой сутью китайской экономической системы¹⁰⁵.

Официальным экономическим учением ГМД является третий принцип Сунь Ятсена – принцип народного благосостояния. Трактровка этого принципа Сунь Ятсеном не оставалась неизменной на протяжении всей его общественной деятельности. Его экономическое учение формировалось под влиянием как зарубежных,

так и китайских учений¹⁰⁶, суньятсеновскую доктрину можно охарактеризовать как прагматический либерализм, сравнимый с кейнсианской практической экономикой. В первой редакции “Трех народных принципов” принцип “народного благосостояния” трактовался им просто как “жизнь народа”, включающую в себя “существование общества”, “средства существования нации”, “жизнь масс”. Позднее Чан Кайши интерпретировал “существование общества” как его “сохранение”, “средства существования нации” как “ее развитие”, а “жизнь масс” — как “размножение”; различные действия, обеспечивающие сохранение, развитие и размножение и составляют жизнь, говорил он.

Однако вскоре Сунь Ятсен отходит от подобной наивной трактовки. До революции 1911 года главным содержанием его экономической программы был вопрос о равномерном распределении земли, после революции его начинают интересовать вопросы, связанные с капиталом, позднее — с промышленностью и образованием. В конечном счете его экономическое учение выкристаллизовывается в целый ряд положений по четырем основным пунктам: земля, капитал, промышленность, образование.

Сунь Ятсен сознавал чрезвычайную актуальность аграрного, земельного вопроса, поскольку Китай являлся аграрной страной. Он говорил, что без его решения невозможно преобразование китайского общества. Для этого существовал лишь один путь — равномерное распределение земли при равном праве на его владение. Он предлагал установить твердую цену на землю, в соответствии с ней взимать налог, а если кто-либо повышает цену на землю, он обязан вернуть ее государству. Таким образом, в центре внимания Сунь Ятсена были вопросы распределения, но не использования земли. Ему принадлежит знаменитый тезис “каждому пахарю свое поле”, историческое значение этого тезиса

для условий Китая, да и не только Китая, не было понято тогда В.И.Лениным, который выступал за обобществление земель¹⁰⁷.

Относительно “капитала” Сунь Ятсен высказывал следующую точку зрения: необходимо регулировать частный капитал, развивать государственный капитал, использовать иностранный капитал. Регулирование частного капитала означает не его ограничение и тем более не запрет, а его функционирование в рамках закона, т.е. управление его деятельностью со стороны правительства, как это принято в капиталистических государствах. Он считал, что Китай нельзя сравнивать с зарубежными государствами, кроме регулирования частного капитала, необходимо одновременно развивать государственный капитал. Государство должно управлять теми отраслями и предприятиями народного хозяйства, которые имеют решающее значение для развития национальной экономики. Речь шла о железных дорогах, воздушном флоте, крупных промышленных, транспортных и торговых предприятиях, добыче полезных ископаемых. Тем самым можно было избежать их монополизации со стороны частного капитала.

Во многих своих выступлениях и статьях Сунь Ятсен неоднократно останавливался на вопросе о привлечении иностранного капитала. По его словам, “когда люди бедные, а богатства их исчерпаны, у государства и народа нет возможности изыскать большие деньги, а раз так, то приходится искать иностранный капитал”¹⁰⁸. Он ссылаясь в этой связи на исторический опыт латиноамериканских стран, Японии, США. Тех, кто призывал отказаться от иностранного капитала и зарубежной помощи Сунь Ятсен называл “изоляционистами с заброшенного острова, живущими в плену идеи изолированности, чванства, закрытости и самозащиты”¹⁰⁹. В различных слоях китайского общества, включая чиновничество и интеллигенцию, в тот пери-

од существовала серьезная оппозиция планам привлечения иностранного капитала, что было вполне объяснимо. В поисках капитала, необходимого для развития страны, правительство Китая могло обратиться только к великим державам, а именно они во многом несли ответственность за социально-экономические трудности, переживаемые китайским обществом. настаивая на необходимости привлечения иностранного капитала. Сунь Ятсен одновременно подчеркивал важность трех принципов: во-первых, сохранить суверенитет, во-вторых, избегать использования “закладных бумаг” под природные богатства Китая, в-третьих, добиваться низких процентов.

Важная роль в экономической программе Сунь Ятсена отводилась образованию, поскольку его цель он усматривал в развитии природных способностей людей и тем самым повышении уровня трудовых ресурсов. Экономическое процветание страны ставилось им в прямую зависимость от развития всеохватывающей системы подготовки кадров. Весь Китай необходимо покрыть сетью учебных заведений разного уровня и различного профиля. Школы должны быть не только общеобразовательными, но и сельскохозяйственными, промышленными, торговыми с тем, чтобы каждый молодой человек мог развить свои способности. Образование должны получать не только юноши, но и девушки, не только молодежь, но и люди среднего возраста, для них следует организовывать специальные классы, библиотеки, вечерние курсы. Большие размеры населения и территории Китая, по мнению Сунь Ятсена, требовали широкого распространения по всему Китаю системы педагогического образования.

Центральное место в Программе развития народного хозяйства Сунь Ятсен занимало строительство железных дорог. Он был буквально одержим идеей превратить Китай в страну с единой транспортной систе-

мой, охватывающей все ее основные районы; за десять лет предлагалось построить 100.000 миль железных дорог. Их строительство явится главным условием разработки природных богатств, позволит уменьшить различия в уровне развития между различными районами. Из других отраслей народного хозяйства Сунь Ятсен указывал на важность сельского хозяйства и горнорудной промышленности (“добычи полезных ископаемых”), называя эти отрасли ключевыми.

Сунь Ятсен не был ученым-экономистом, он не получил специального экономического образования, однако его идеи и замыслы при всей их кажущейся простоте были впечатляющими, тем более, если учесть социально-исторический и временной контекст их появления. В общем виде они доказали свою жизненность. Видный тайваньский экономист Юй Цзунсян считает, что если использовать современную терминологию, то принцип “народное благосостояние” можно интерпретировать как “уровень жизни”, “качество жизни”. Сунь Ятсен был сторонником системы частной собственности, выступал за “равенство в богатстве, равномерное его распределение”, против “равенства в бедности, равномерного ее распределения”. В настоящее время в развитых странах равномерное распределение во многом обеспечивается государством, правительство использует для этого метод перераспределения налогов, когда часть собранных налогов направляется на поддержку общественных нужд. Уклонение от уплаты налогов, стремление больше потреблять, чем производить неизбежно ведут к обнищанию общества. Сунь Ятсен предлагал развивать дух взаимопомощи и взаимоучастия, он исходил из того, что “помогая себе, помогай и другим; становясь на ноги, помогай и другим стать на ноги, он призывал развивать дух участливого отношения к “ста-

рым и малым” — “когда любой старый это и мой старый и старый всех людей, когда малый — это и любой малый и малый всех людей”.

Сунь Ятсен подчеркивал важную роль государства в развитии экономики. Правительство не может не нести ответственности за те отрасли народного хозяйства, которые имеют монопольный характер, либо “неподъемны” для частного капитала в силу ограниченности его материальных возможностей. Вместе с тем, Сунь Ятсен выступал против абсолютизации роли государственных предприятий. Он полагал, что как только они станут громадными по своим размерам, их следует передать частному капиталу, поскольку управляемые им предприятия более эффективны и более экономны в использовании природных ресурсов. Сочувственно относясь к Советскому Союзу, выступая за сотрудничество с ним, с КПСС, Сунь Ятсен тем не менее никогда не был сторонником марксизма. Он считал материалистическое понимание истории ошибкой, поэтому не принимал марксову теорию классовой борьбы, критикуя Маркса за недооценку социальной эволюции. Для Сунь Ятсена социальная эволюция, а не революция, являлась главным в истории, а в центре социальной эволюции находились проблемы благосостояния общества и уровень жизни людей.

Сунь Ятсен отвергал также экономическое учение Маркса, он был не согласен с тезисом о “разложении” капитализма и неизбежной победе пролетариата. Социальные конфликты связаны не с природой капитализма, а с отсутствием в традиционном капитализме продуманной социальной политики. Чтобы избежать “разложения” капитализма и обеспечить справедливость в обществе, Сунь Ятсен предлагал разработать политику обеспечения социального благосостояния, включающую расходы на общественные нужды, и систему предприятий общественного владения. Критикуя западный

капитализм, Сунь Ятсен вовсе не отвергал саму капиталистическую систему, он предлагал лишь **усовершенствовать ее**.

Естественно возникает вопрос, как объяснить употребление Сунь Ятсеном при характеристике принципа “народное благосостояние” терминов “национальный социализм”, “социализм и коммунизм”? По мнению проф. Вэй Воу, использовавшиеся Сунь Ятсеном термины не имели принципиального содержательного смысла, реальной конкретной связи с “советским социализмом” или “марксистским коммунизмом”, а употреблялись просто как общеупотребительные в то время в Китае слова. Когда Сунь Ятсен называл принцип “народное благосостояние” “национальным” или “государственным социализмом”, пишет проф. Вэй Воу, он имел в виду то же, что и Бисмарк — капитализм в рамках государственного социализма. Сунь Ятсен понимал под термином “социализм” “социальную политику”, если выражаться современной терминологией, ибо принцип “народное благосостояние” означал у него ни что иное как свободную экономику и систему частной собственности. Другими словами, под государственным социализмом он понимал государственный капитализм. И Сунь Ятсен и Бисмарк хотели предотвратить монополизацию экономики небольшими группами капиталистов, поскольку это могло повредить свободной экономике. Одновременно оба они выступали за существование при капитализме государственных предприятий, как средства преодоления тенденций, нарушающих социальную гармонию и равенство в распределении доходов. Сунь Ятсен полагал, что государственные предприятия могут стать дополнением к частным предприятиям, помочь нормальному функционированию свободной экономики. Таким образом “государствен-

ный социализм” Сунь Ятсена и Бисмарка обозначал фактически осуществление в условиях свободной экономики или капитализма социальной политики”¹¹⁰.

После смерти Сунь Ятсена ГМД были предприняты определенные шаги для реализации его идей. Наиболее удачными в этом отношении можно считать десять лет, непосредственно предшествующих антияпонской войне (1928-1937 гг.). В гоминьдановской историографии этот период считается “золотым”. Впечатляющими были успехи в сфере сельского хозяйства. Началось осуществление следующих мероприятий: развитие сельского хозяйства на Северо-Востоке и Северо-Западе страны, создание системы сельскохозяйственного образования; положено начало сельскохозяйственной кооперации; открытие в провинциях сельскохозяйственных банков; освоение пустыющих земель; создание системы хранения урожая; строительство дорог в сельской местности; увеличение количества пастбищ; строительство водохранилищ. Однако все эти мероприятия осуществлялись в ограниченных пределах, преимущественно в центральном и приморских районах.

В октябре 1926 г. в соответствии с резолюцией II съезда ГМД, состоявшегося ранее в январе, было принято решение о снижении арендной платы крестьян на 25%, однако против этого решения активно выступили помещики и его удалось осуществить лишь частично.

В период с 1928 по 1937 гг. бурное развитие получила легкая и пищевая промышленность, прежде всего, текстильная и по переработке муки, далее по производству спичек, цемента, бумаги, сахара, животного масла. Правительство вкладывало средства в те отрасли промышленности, которые, с его точки зрения, имели первостепенное значение для развития страны. К ним относились производство электроэнергии, стали, стан-

ков, электромоторов, химических кислот, спирта, сахара и бумаги. Такая политика правительства объяснялась тем, что в тот период для производства всех этих видов продуктов требовались значительные средства, которых не было у частного капитала.

Японская агрессия и последовавшая вслед за этим освободительная война против них прервали планы экономического строительства. После окончания войны сразу же началось противостояние ГМД с КПК, в результате чего только после переезда гоминьдановской администрации на Тайвань у нее появилась возможность начать осуществление экономического учения Сунь Ятсена с учетом изменившейся обстановки и опыта социально-экономического развития других стран.

3.2. Стратегия и тактика экономической модернизации

В первую очередь была осуществлена аграрная реформа. Аграрная реформа имела не только чисто экономические, но и социальные и политические цели, она должна была нанести удар по помещикам и местной знати, сделать самостоятельных крестьян, освобожденных от феодальной зависимости, опорой режима, и в то же время, поставить под сомнение утверждения коммунистов об извечном противостоянии города и деревни и необходимости поэтому окружения города деревней.

Аграрная реформа включала в себя три мероприятия — снижение арендной платы, продажу государственных земель и обмен земель помещиков на акции приватизируемых государственных предприятий. Прежде всего был принят закон о снижении арендной платы до

37% от стоимости продукции для тех крестьян, которые сами обрабатывали арендуемую землю; далее, правительство стало продавать крестьянам по низким ценам землю, находящуюся у них в собственности; наконец, был осуществлен мирный выкуп земли у помещиков. С этой целью ряд государственных предприятий был акционирован и акции этих предприятий были переданы помещикам, взамен этого они должны были передать свою землю крестьянам. Осуществление данных мероприятий позволило резко увеличить производство сельскохозяйственной продукции, впервые после второй мировой войны ее рост обогнал рост населения¹¹¹.

Аграрная реформа сопровождалась повышением продуктивности сельского хозяйства за счет селекции, увеличения количества вносимых удобрений и усовершенствования методов их применения, улучшения агротехники, применения агрохимических средств, усовершенствования системы орошения, а также применения небольших сельскохозяйственных машин.

Одновременно проводились мероприятия по “урбанизации” деревни, т.е. создания в ней городских удобств, в частности водопровода, канализации, была развернута деятельность по распространению среди крестьян новых сельскохозяйственных знаний, поощрялось создание профессиональных крестьянских организаций.

Одним из принципов экономической модернизации являлась взаимосвязь развития сельского хозяйства и промышленности. В 1953 г. после успешного осуществления аграрной реформы, полученные в результате средства были вложены в промышленность. Затем, образовавшаяся в результате развития промышленности прибыль была, в свою очередь, реинвестирована в сельское хозяйство.

В целях пополнения государственной казны, кроме превращения в государственную или общественную собственность тех предприятий, которые принадлежали японцам, правительство стало на свои средства создавать предприятия по производству электроэнергии, нефти, стали, судов, сахара, соли, а также строить железные и шоссейные дороги, основывать банки. Все эти предприятия находились в подчинении либо центрального, либо провинциального правительств. Частный капитал не мог создавать предприятия подобного профиля. Единственное исключение допускалось для банков, еще в 60-х годах появились первые частные банки или посреднические конторы, выполнявшие их функции. Но **только в 1991 г.**, т.е. **через сорок лет** после начала экономической модернизации, правительство решило создавать банки с участием частного капитала.

Было четыре причины, по которым правительство осуществляло подобную политику. Во-первых, предприятия, в управление которых не допускали частный капитал, носили монопольный характер; во-вторых, в ранний период экономической модернизации (1950-1960 гг.) частные предприятия были, как правило, небольшими и средними, у их владельцев не было ни достаточно средств, ни достаточно опыта, только правительство могло изыскать достаточно финансовых средств и найти необходимых специалистов для строительства и управления крупными предприятиями; в-третьих, в начале экономической модернизации доходы населения были низкими, поэтому взимание прямых налогов было трудным делом, в то же время все, что оставалось у государственных и общественных предприятий, кроме необходимых затрат на производство и выплату заработной платы, шло в казну государства; в-четвертых, государственные и общественные предприятия помогали правительству выполнять две задачи — первая носила экономический характер, она состояла в

стимулировании развития важных отраслей промышленности, создании для них благоприятных условий, например, в использовании в достаточном количестве электроэнергии. Вторая задача заключалась в служении общественным интересам. Благодаря государственному предприятию правительство изыскивало, например, средства для открытия общественных больниц, где простые граждане могли получать необходимое медицинское обслуживание.

Правительство строго контролировало деятельность государственных и общественных предприятий, что сказывалось на конкурентоспособности их продукции, однако подобный контроль был обусловлен особенностями тогдашнего периода — государство нуждалось в средствах; в то же время, частные предприятия в основном работали на экспорт, их деятельность мало регулировалась правительственными постановлениями, они быстро реагировали на изменения на рынке и их продукция поэтому была конкурентоспособной.

Регулирование со стороны государства народного хозяйства проходило, в частности, в осуществлении планов экономического развития, рассчитанных на определенный срок. В течение сорока лет, начиная с 1950 г., было реализовано шесть четырехлетних планов, один — шестилетний и один — десятилетний, в 1991-1996 гг. был осуществлен еще один шестилетний план. Каждый план включал программу строительства ряда крупных объектов национального значения. Роль правительства заключалась в том, что оно определяло общие критерии развития Тайваня в период осуществления этих планов и программ, объединяло усилия ответственного-государственного и частного капитала для строительства включенных в программы объектов, привлекало для этой цели средства иностранных компаний и государств. Правительство уделяло большое внимание строительству объектов общенационального харак-

тера, поскольку это имело важное значение не только для развития экономики в целом, но и для повышения уровня жизни населения. Речь идет о железных и шоссейных дорогах, мостах, воздушном транспорте, информационных системах, электроэнергии, водохранилищах, системах водопровода и дренажа, улучшении земли. По словам У.Ростоу, строительство подобных объектов есть предпосылка скачка в экономическом развитии, тем более это было верно по отношению к Тайваню. После выполнения нескольких четырехлетних планов правительство осуществило в 70-80-ые годы две программы — одна включала строительство десяти объектов, другая — двенадцати объектов. В первой программе шесть объектов относились к сфере транспорта, три к сфере промышленности, во второй программе — пять относились к сфере транспорта. При осуществлении последнего шестилетнего плана государственного строительства (1991-1996 гг.), упор вновь делался на строительство объектов общенационального характера.

Изменение соотношения между государственным и частным секторами происходило постепенно, роль государства в развитии экономики была велика в начале модернизации, когда у населения еще не было достаточных экономических знаний, опыта и силы, а частный сектор находился в зародышевом состоянии и нуждался в материальной помощи со стороны государства. Цзян Цзинго называл модель участия государства в развитии свободной, рыночной экономики “планируемой свободной экономической системой”.

Положительная роль государства ярко проявилась к началу семидесятых годов, в период международного нефтяного кризиса. Чтобы избежать влияния этого кризиса на тайваньскую экономику, т.е. не допустить инфляции и спекулятивных явлений, связанных с ценами, правительством был создан специальный Комитет по контролю над ценами на товары во главе с Министром

экономики. Благодаря контролю со стороны правительства в тот сложный период удалось добиться стабильности цен, не нарушая принципов свободной экономики.

Подобное регулирование цен имеет традиции в истории Китая. Впервые политика уравнивания цен была использована в 110 г. н.э. при династии Хань. Сущность этой политики состояла в следующем. Когда количество превышало спрос и цены падали, правительство предпринимало меры для повышения спроса, чтобы не допустить дальнейшего понижения цен. Когда спрос превышал предложения товаров, оно, напротив, стремилось ограничить рост, чтобы предотвратить повышение цен. В 115 г. политика уравнивания цен была дополнена политикой создания единых цен. Когда возникали диспропорции в тех или иных районах страны между спросом и предложением на товары, правительство принимало соответствующие меры с тем, чтобы ликвидировать этот дисбаланс.

Начиная с восьмидесятых годов XX в. роль государства в экономическом строительстве уменьшается, поскольку к этому времени на Тайване появился мощный частный экономический сектор.

Экономическая политика правительства строилась с учетом природных условий и возможностей Тайваня и необходимости включения его промышленности в международное экономическое сотрудничество. Она видоизменялась в соответствии с условиями каждого периода развития. Период 1953-1965 гг. являлся первым этапом создания импортозамещающих производств, его цель состояла в том, чтобы заменить импорт изделий, производство которых требует большой затраты трудовых усилий, речь идет о текстильных, электрических и электронных товарах, пластике и консервированных продуктах. В период 1965-1975 гг. на Тайване шел процесс резкого расширения экспорта. С 1976 г.

начался второй этап создания импортозамещающих производств — тех, которые требуют высокой технологии. Речь идет об автомобилях, компьютерах, машинном оборудовании, продуктах нефтехимии. Благодаря такой стратегии Тайваню удалось решить проблему дисбаланса между импортом и экспортом, добиться значительного расширения первого над вторым.

Следует одновременно подчеркнуть, что важнейшим принципом экономической стратегии правительства было разгосударствование промышленных предприятий, их приватизация. Одновременно частные формы семейного типа постепенно превращались в крупные акционерные компании. Для этого использовались соответствующие методы — выпускались акции с целью собирания свободного капитала, происходило своего рода “акционирование капитала”, он превращался в ценные бумаги, накопленный капитал использовался для развития экономики, полученная прибыль шла всем вкладчикам, акционирование приобретало массовый характер. Подобный процесс сопровождался ростом экономического благосостояния, выравниванием в распределении доходов. Развивая частный сектор в промышленности и особенно в сфере обслуживания, торговле правительство одновременно держало под своим контролем денежное обращение, финансы. Оно принимало необходимые решения для обеспечения стабильности цен и порядка в экономике, решительно боролось с явлениями спекуляции на рынке. Экономическая стратегия правительства заключалась в перераспределении средств в пользу наиболее перспективных, “нужных” отраслей народного хозяйства. Такую возможность предоставляли осуществлявшиеся ими рассчитанные на определенный срок планы развития и предусматривавшие строительство определенных объектов программы развития, о которых уже говорилось выше. Правительство также ориентировало промыш-

ленников на создание обрабатывающей промышленности, импортозамещающих отраслей и одновременно расширение экспорта. Это позволило в шестидесятые годы решить проблему избыточных рабочих рук; в семидесятые годы, в период международного нефтяного кризиса проводилась политика сбережения энергоресурсов и создания технических изделий крупного размера.

На первом этапе осуществления экономической модернизации проводилась политика протекционизма по отношению к изделиям отечественной промышленности, с этой целью были установлены высокие таможенные пошлины на ввозимые товары; протекционистские меры помогли встать на ноги тайваньским промышленным предприятиям.

Руководство ГМД предпринимало активные усилия по стимулированию внешней торговли Тайваня. Участие его в мирохозяйственных связях способствовали корейская, а затем вьетнамская войны. Благодаря близости в обоих случаях к району военных действий тайваньская промышленность получила определенный стимул для своего развития, поскольку появились заказы на некоторые виды ее продукции. Именно в пятидесятые-шестидесятые годы были заложены основы экспортных отраслей народного хозяйства.

Были эффективно использованы как промышленная база, доставшаяся в наследство от периода японской оккупации, так и американская экономическая помощь. За период с 1950 по 1964 г. Тайвань получил от США 1 млрд. 300 млн. долларов.

Отсутствие природных ресурсов заменяли соревнование, конкуренция умов, талантов, интеллектуальных способностей. Система образования предоставляла для всех молодых тайваньцев равные возможности, каждый из них имел шанс проявить себя в любой сфере общественной деятельности, в том числе в экономике.

Немаловажное значение имело использование конфуцианских этических принципов. Они утверждали гармонию в сфере экономики, производительных и трудовых отношениях, способствуя тем самым повышению производительности на предприятиях, накоплению капитала и сбережений.

В течение сорока с лишним лет была осуществлена экономическая модернизация, тайваньское общество превратилось в развитое, с высоким жизненным уровнем населения. Достижения Тайваня за прошедшие сорок с лишним лет получили всеобщее признание. О них в той или иной форме говорили выдающиеся экономисты – лауреаты Нобелевской премии Симон Кузнец, Фредерик Хайек, Милтон Фридман. Эти достижения, получившие в литературе название “экономического чуда” в обобщенной форме можно свести к следующим пяти пунктам: постоянный экономический рост, относительная стабильность цен, равномерное распределение подоходного налога, заметное повышение жизненного уровня населения, модернизация производственной структуры.

Приведем лишь несколько цифр. Ежегодный прирост валового национального продукта в период между 1952 г. и 1960 г. составлял 7,5%, между 1960 г. и 1970 г. – 9,7%, между 1979 г. и 1980 г. – 9,6%, между 1980 г. и 1990 г. – 7,8%, а в 1996 г. – 8,5%. Валовой национальный продукт рос не только в абсолютных цифрах – 275,1 млрд. ам. долларов в 1996 г. (19-ое место в мире), но и на душу населения. В 1996 г. он составил 12872 ам. долларов. Происходили радикальные изменения и в структуре доходов. Если в 1964 г. почти 60% доходов каждой семьи уходило на еду, вино-водочные и табачные изделия, то в 1984 г. затраты на них составляли уже всего лишь около 40%. Соответственно увеличились расходы на жилище, образование и развлечения, включая отдых. Расходы на жилье с 17,2% в 1964 г. воз-

росли до 23,8% в 1989 г., соответственно на образование и развлечения — с 1,2% в 1964 г. до 12% в 1989 г. Резко возросли доходы на душу населения — если в 1952 г. они составляли всего лишь 50 американских долларов, то уже в 1990 г. достигли 8000 американских долларов. Значительно сократился разрыв в уровне доходов между различными группами населения. Если в 1953 г. доходы 20% семей, составлявшие верхний слой общества, в двадцать раз превышали доходы 20% семей, составлявших низший слой общества, то в 1990 г. разрыв между их доходами сократился до 4,9 раза. В 1996 г. резервы Тайваня в иностранной валюте составляли 88 миллиардов американских долларов (3-ье место в мире). В 1952 г. в начале модернизации внешняя торговля Тайваня равнялась всего лишь 326 миллионам американских долларов, в 1996 г. она составила уже 218,3 миллиарда (15-ое место в мире): из них на долю экспорта приходится 115,9 млрд. долларов, а на долю импорта 102,4 млрд. долларов. При этом надо учитывать, что если в начале 50-х гг. 90% всего тайваньского экспорта относилось к продукции сельского хозяйства, то теперь подавляющее большинство тайваньского экспорта составляют готовые изделия (сырья на острове практически нет). В том же 1952 г. продукция сельского хозяйства составляла 32,2% от общего объема национального валового продукта, в 1994 г. ее удельный вес снизился до 4,2%. Это объективное свидетельство того, что Тайвань превратился в индустриально развитый район мира.

Успех экономической модернизации был обусловлен правильной стратегией и прагматическим подходом; приоритет в развитии отраслей народного хозяйства был следующим: сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность, была создана свободная рыночная экономика, при которой деньги и налоги стимулировали внутреннюю и внешнюю тор-

говлю и инвестиции. Правительство работало как единый механизм, благодаря согласованию интересов различных министерств и ведомств, прежде всего министерств экономики, финансов и Центрального банка. Творцы экономической реформы извлекли уроки из опыта, накопленного в ходе осуществления мероприятий в области экономики в предыдущие годы на материке. Они были осмотрительны, тщательны и добросовестно подходили к выработке общей стратегии реформы, ее этапов, а также конкретных мероприятий. Для них было очевидным, что единственный путь для Тайваня — это создание экономической системы, работающей на экспорт, что залогом успеха экономической реформы может быть только участие в ней правительственных чиновников. Эффективность политики правительства в области экономики объяснялась тем, что она была чрезвычайно гибкой, эластичной, меняющейся в зависимости от обстоятельств, места и времени, внутренних и внешних факторов: на каждом этапе развития принималась новая тактика, предлагались новые мероприятия и решения.

Благоприятным фактором, как это ни парадоксально, было существование на острове чрезвычайного положения, благодаря ему обеспечивалась политическая стабильность. В этот период гоминьдановская администрация имела возможность без каких-либо препятствий с чьей-либо стороны осуществлять свою экономическую политику, поскольку никто не осмеливался открыто выступить против нее. Деятельность отдельных группировок и лиц, имеющих свои, отличные от правительства, интересы, были резко ограничены и они были вынуждены работать на общее благо. Введение чрезвычайного положения не было самоцелью, его цель состояла в том, чтобы обеспечить политическую стабильность, в условиях которой только и было возможно добиться осуществления необходимых экономических

мероприятий. В этой связи следует заметить, что на протяжении предыдущих ста с лишним лет Китай пережил много внутренних конфликтов, ему не раз приходилось сталкиваться с внешней угрозой, агрессией иностранных государств, поэтому программы экономического развития как в XIX в., так и в XX в. было трудно осуществить.

Политическое руководство ГМД, участие членов партии в экономической реформе, а они выступали в разном качестве — и как функционеры правительства, органов власти и как администраторы в различных отраслях народного хозяйства, также способствовали ее успеху. Нельзя, в частности, не заметить, что если в других странах иностранные кредиты разворачивались, то на Тайване этого не было. Экономическая модернизация стала возможной благодаря соединению усилий простых людей, интеллигенции и чиновников правительства, в ходе ее тайваньцы продемонстрировали лучшие черты китайской нации.

Отличительными чертами экономической модернизации были **постепенность, ненасильственный характер конкретных мероприятий, учет национальных традиций.**

Это, в частности, продемонстрировала аграрная реформа, в ходе которой класс помещиков был **мирно** преобразован в класс капиталистов, владельцев промышленных компаний, как уже отмечалось, в обмен на свою землю они получили акции четырех крупнейших государственных компаний, которые тем самым были приватизированы ими. Благодаря трехэтапной и, что самое главное мирной аграрной реформе, правительству удалось избежать социальных потрясений. Результатами аграрной реформы были довольны все — помещики, которые отнюдь не потеряли своих капиталов, более того, они получили возможность приумножить их благодаря своему участию в промышленном развитии. Были довольны и крестьяне, которые стали владельцами зе-

мель, вскоре многие из них превратились в миллионеров — в результате начавшейся индустриализации страны резко увеличилась потребность в участках земли для строительства новых промышленных предприятий, что повлекло за собой рост цен на землю.

Аграрная реформа, с одной стороны, способствовала развитию производительных сил деревни, увеличению производства сельскохозяйственной продукции, с другой стороны, она стала базой для индустриализации страны, превращения ее из аграрной в индустриальную. Одобряя аграрную реформу, тайваньские экономисты высказывают ныне сожаление, что она коснулась лишь сельскохозяйственных угодий, земель, находящихся в черте городов, она не затронула. В результате использование городских земель представляет сегодня серьезнейшую проблему в связи с резко подскочившими на нее ценами. Во второй половине восьмидесятых годов цена на землю в городах (особенно в Тайбэе и Гаосюне)¹¹² резко возросла и ее владельцы стали неимоверно богатыми людьми, в результате зачастую для того, чтобы купить квартиру на семью из четырех человек не хватает зарплаты, заработанной в течение всей жизни. Городские земли стали объектом многочисленных спекуляций. К примеру, только за четыре года с 1987 по 1990 г. цена на землю в черте городов возросла более чем в десять раз, а цена на жилые помещения — в пять с лишним раз. Даже, когда в 1990 г. резко упали цены на акции некоторых компаний, цены на жилье и землю в черте городов остались без изменений.

Огромные успехи были достигнуты в области образования, в результате чего Тайвань стал островом поголовной грамотности. Еще в период японской оккупации существовала система обязательного шестилетнего образования. Интересы экономической модернизации требовали существенно повысить общеобразовательный

и профессиональный уровни населения острова. В 1968 г. продолжительность обязательного обучения с шести лет была увеличена до девяти лет; одновременно было изменено соотношение общеобразовательных и профессиональных школ, если до этого оно составляло 6:4, то теперь оно стало составлять 4:6, что резко увеличило шансы тех учеников неполных средних школ, которые не могли продолжить образование в средней школе. Если в 1961 г. 79,98% тайваньских детей получали школьное образование, то в 1993 г. их число достигло 99,89%. Если в 1952 г. число студентов высших учебных заведений составляло всего лишь 1,4% от количества всех тайваньцев старше шести лет, то в 1992 г. они составляли уже 12,5%. В тот же период число учащихся средних учебных заведений составляло соответственно 8,8% (1952 г.) и 48% (1992 г.).

Реформа системы образования сопровождалась появлением большого количества новых высших учебных заведений, число университетов, институтов и колледжей составляет ныне 134 с общим количеством студентов в 750 тысяч человек (на 21,5 миллионов населения), тысячи тайваньцев получили высшее образование за рубежом — США, Англии, Франции, Германии, Японии. Развитие системы образования способствовало распространению новых научных и технических знаний и тем самым создало прочный фундамент для проведения экономической модернизации.

Для осуществления экономической модернизации были необходимы средства, которые можно было изыскать либо внутри, либо вне страны. В 1952 г. только 15,3% доходов бюджета имели внутренний источник, поэтому Тайвань существовал, в основном, за счет американской помощи. В 1986 г. внутренние источники обеспечивали уже 38,5% доходов. Начиная с 1960 г. в целях привлечения иностранного капитала принима-

ются специальные, благоприятные для него законоположения и осуществляется целый ряд мероприятий, создаются специальные районы по производству экспортной продукции, где иностранные компании получают определенные льготы, в восьмидесятых годах с той же целью создается специальный научно-промышленный комплекс в районе г.Синьчжу.

К восьмидесятым годам правительству удалось ликвидировать явные диспропорции в распределении доходов между различными слоями и группами населения. Причем это было достигнуто отнюдь не благодаря введению системы прогрессивного налогообложения. Уравнивание доходов произошло по следующим причинам. Во-первых, в результате аграрной реформы исчез класс помещиков, крестьяне получили в свою собственность примерно равные участки земли, в силу чего различия в их доходах не могли быть большими; во-вторых, реформа системы образования привела к тому, что неизмеримо расширились возможности тайваньцев для реализации своих возможностей, получение молодыми людьми из бедных семей специального или высшего образования сразу же открывало хорошие перспективы для всех членов этих семей; в-третьих, развитие средних и мелких предприятий позволило расширить проблему занятости рабочей силы, особенно избыточных трудовых ресурсов из сельской местности.

В 1971 г. на Тайване (исключая г.Тайбэй) было 75 тыс. бедных семей или 400 тыс. человек. С 1972 г. правительство стало осуществлять план “малого достатка” (“сяокан”), который предусматривал целый ряд мер помощи бедным семьям, в том числе бесплатное медицинское обслуживание, предоставление денежных средств, строительство жилищ, устройство на работу, в профессиональные и общеобразовательные учебные заведения, открытие небольших предприятий и фирм,

планирование рождаемости и т.п. В результате осуществления плана “малого достатка” число бедных семей в той же пров. Тайвань уже к концу 1978 г. сократилось до 3 тыс., только 9 тыс. человек можно было считать бедными. К концу 1980 г. число семей с низкими доходами, составляло 25 тысяч или 100 тыс. человек. По тайваньской статистике семьей с низким доходом считается та, где каждый ее член получает ежегодно не более 12 тыс. тайваньских долларов или 480 американских долларов¹¹³.

В последующие годы тайваньское правительство помимо осуществления государственного плана увеличения доходов населения ежемесячно выделяет денежные средства семьям с низкими доходами.

За прошедшие десятилетия были осуществлены серьезные мероприятия в области социальной защиты населения (медицинское обслуживание, социальное страхование, помощь престарелым).

Осуществление экономической реформы не обошлось без возникновения серьезных явлений и трудностей:

— чрезмерный протекционизм в отношении отечественной промышленности привел к неконкурентности отдельных видов ее продукции. Это затронуло, в частности, автомобилестроение. Работающие в этой области благодаря политике протекционизма, получили большие средства и разбогатели. однако они не думали о технических новшествах, что отрицательно сказалось на качестве тайваньских машин;

— аграрная реформа, с одной стороны, помогла решить социальные и экономические проблемы деревни, с другой стороны — она привела к появлению целого слоя богатых и очень богатых людей. Спекуляция землей словно эпидемия охватила все общество;

— довольно распространенной стала практика передачи соответствующих квот на экспорт продукции из текстиля. Не занимаясь экспортом этой продукции, отдельные группы коммерсантов тем не менее получают хорошую прибыль;

— на государственных предприятиях имеют место перерасход сырья и некомпетентность управленческого аппарата, это требует своевременной их приватизации;

— существуют банки, посреднические конторы и биржевые маклеры, которые не хотят подчиняться законам свободной конкурентной торговли, они не хотят принимать на себя какие-либо обязательства, тем не менее правительство, придерживаясь курса не открывать новых частных банков, страховых компаний, посреднических контор и т.п., отказывает юридическим лицам в праве открывать новые подобные учреждения. В результате существования привилегий у давно существующих банковских и кредитных учреждений, многие из которых работают неэффективно, возникает социальная несправедливость;

— начиная с восьмидесятых годов положение с распределением и уровнем доходов начинает меняться к худшему из-за высоких цен на землю, кроме того, растет разрыв между доходами людей, имеющими хорошую профессию, и теми, кто по своим способностям имел минимальный жизненный уровень;

— широкое распространение получает спекуляция акциями, землей и недвижимостью, особую нишу в экономике страны занимают подпольные карточные дома и лотереи, публичные дома, банки и компании, они составляют как бы вторую экономику. Подпольная экономика не может не оказывать отрицательного воздействия на нравственное состояние общества, общественный порядок.

Девяностые годы принесли новые серьезные проблемы для тайваньской экономики. Во-первых, это загрязнение окружающей среды, во-вторых, серьезной стала проблема неравенства в распределении доходов, богатые становятся очень богатыми, а бедные остаются очень бедными; в-третьих, цены на дома и земельные участки продолжают расти, становятся все выше и выше; в-четвертых, проект создания научно-технического комплекса в районе г.Синьчжу не принес ожидаемых результатов. Из-за высоких цен на рабочую силу технологически- и капиталоемкое производство стали развиваться медленнее, чем раньше. В девяностые годы тайваньская экономика добилась успехов лишь в сфере обслуживания – продолжали расти туризм, финансовое обслуживание, индустрия развлечений.

В настоящее время экономический курс тайваньского руководства состоит в развитии системы “смешанной свободной экономики”, основой которой является рыночная экономика и частная собственность с привлечением в необходимых случаях участия правительства. Правительство отвечает за развитие социальной инфраструктуры, частному бизнесу нет необходимости вкладывать инвестиции в строительство шоссе, общественных зданий, электростанций, аэропортов, подземок, портов. Ответственность за их строительство берет на себя правительство, точно также оно отвечает за ликвидацию диспропорций в развитии отдельных регионов.

Экономические достижения поставили под сомнение многие казавшиеся ранее аксиоматичными представления о китайской культуре, возможностях китайской нации. Следует добавить сюда и такие объективные факторы, как небольшая по размеру территория острова, большое количество населения, низкий стар-

товый уровень экономического развития, слабое развитие науки и техники, значительные военные расходы.

Один из молодых тайваньских ученых образно заметил, что тайваньское экономическое чудо стало возможным благодаря тому, что “были преодолены препятствия, которые согласно общепризнанному мнению невозможно было преодолеть, были развиты условия, которые согласно общепризнанному мнению невозможно было развить, и были достигнуты цели, которые согласно общепризнанному мнению невозможно было достичь”¹¹⁴.

Нынешнее руководство ГМД считает, что политическая и экономическая модернизация тайваньского общества идет в русле реализации трех народных принципов Сунь Ятсена. В частности, Ли Дэнхуэй неоднократно подчеркивает необходимость улучшать жизнь рабочих, обеспечивать их права, добиваться гармонии в отношениях между трудом и капиталом. Он говорит, что следует обеспечить взаимодействие предпринимателей, управленческого аппарата и рабочих, призывая с этой целью поддержать начатое правительством движение “по превращению предприятий в семью и школу”. Цель данного движения состояла в объединении усилий всех участников производственного процесса на решение общей задачи — повышение производительности труда и эффективности производства, чтобы тем самым повысить конкурентоспособность тайваньских изделий на мировом рынке. Тайваньские лидеры различных уровней, начиная с высших, никогда не гнушались заниматься вопросами производства, будь то промышленное или сельскохозяйственное и в этой связи обращаться к непосредственным участникам производственного процесса. Подобный подход отвечает традиционным китайским представлениям, согласно которым центром всего является человек.

Тайваньское руководство считает, что модернизация, как экономическая, так и промышленная, невозможна без повышения общеобразовательного, профессионального и культурного уровня населения, отсюда постоянные призывы к учебе, овладению научными знаниями. В одном из своих выступлений перед молодыми рабочими Ли Дэнхуэй говорил следующее: “На рынке международной конкуренции условиями, создающими способность к конкуренции, являются три крупных фактора – богатые природные ресурсы, низкая заработная плата и новейшая наука и техника. Что касается Китайской Республики, то здесь кроме новейшей науки и техники другие условия постепенно исчезли, в особенности уже больше не существует низкой заработной платы, тем более у нас нет природных ресурсов, у нас нет даже таких природных ресурсов и такой заработной платы, какие есть в Японии. Мы можем опираться лишь на науку и технику. Я особенно подчеркиваю это, мои друзья-рабочие, вы должны обращать больше внимания на повышение знаний в области науки и техники, это поможет вам в будущем в вашей профессиональной работе. К примеру, я прошу вас, уважаемые друзья, больше интересоваться теми выходящими в нашей стране журналами, которые посвящены науке и технике, или новыми знаниями в этой области. Кроме обычной житейской информации на эти сведения также необходимо обращать внимание, не надо рассуждать по принципу – раз мы рабочие, то не сможем в них разобраться, такой подход неверен. Поэтому я хочу особо подчеркнуть, что вы, мои друзья-рабочие, для того чтобы лучше делать свою работу, должны непрерывно учиться и повышать свой уровень, обогащать свою жизнь, расширять свой кругозор, воспитывать в себе дух уважения к профессии”¹¹⁵.

Во время одной из своих встреч с представителями интеллигенции Ли Дэнхуэй говорил, что для получения ученой степени или ученого звания необходимы как минимум три условия — способность, усердие и возможности. Самое главное, подчеркивал он, что на Тайване созданы все условия, все возможности для талантливых и усердных молодых людей¹¹⁶.

Руководители Тайваня подчеркивают важную роль культуры в процессе модернизации. Будучи образованными людьми, хорошо зная не только традиционные китайские, но и зарубежные культурные ценности, они часто выступают по проблемам культурной политики. Ли Дэнхуэй, в частности, не раз говорил, что достижения модернизации должны быть подкреплены успехами в культурном строительстве, нравственном воспитании, в противном случае может возникнуть опасность отката Тайваня назад. Ссылаясь на слова Ортега-де Гассета “культура и достаток приходят одновременно”, Ли Дэнхуэй подчеркивал, что улучшение материальной жизни должно сопровождаться соответствующими мероприятиями в культурной области, которые позволяют предотвратить коррупцию, взяточничество и другие подобные явления. Он цитировал в этой связи испанского философа, который говорил: “Если в каком-либо обществе нет расцвета культуры и духа, то нет способа для создания новейшей техники и нет смысла говорить о развитии экономики”. По словам Ли Дэнхуэя, каждый человек в конечном счете ограничен в своих материальных потребностях, включая пищу и одежду. Существуют, однако, основополагающие ценности человеческой жизни, которые и составляют сущность культуры. Если каждый человек будет следовать этим ценностям, то в обществе не смогут возникнуть негативные, аморальные явления¹¹⁷.

В течение тридцати с лишним лет Тайвань проделал путь от аграрного общества к индустриальному, путь, на который странам Запада понадобилось двести лет, а Японии — сто лет. Опыт Тайваня тем более примечателен, что в тот же период и некоторые другие страны, например, Бразилия, Мексика, Филиппины, за сравнительно короткий период добились значительных достижений, однако впоследствии их развитие резко замедлилось. Это можно объяснить тем, что свои экономические планы они, в основном, пытались осуществить с помощью внешних займов и внешней торговли.

Развитие Тайваня также во многом связано с иностранной помощью, прежде всего со стороны Японии и США, однако, наряду с участием в международном разделении труда на острове удалось создать цельный самостоятельный экономический комплекс. И здесь немалая, если не главная, заслуга принадлежит правительству, которое проводило политику, направленную на развитие отечественной промышленности, ориентацию на создание экспортных отраслей.

Итак, очевидно, что в процессе экономической модернизации Тайваня, особенно в ее начальный период, главенствующую роль играло государственное регулирование экономики. Подытоживая тайваньский опыт, видный экономист, почетный профессор Тайваньского университета, директор Института экономики Университета культуры Ши Цзиншэн писал, что в любой стране — социалистической или капиталистической участие правительства является главным фактором в развитии экономики, только в первом случае это участие неизмеримо больше, чем во втором. Опыт развитых капиталистических стран говорит о том, что существуют четыре направления экономической политики, осуществление которых невозможно без участия правительства: первое — создание системы законов, обеспечивающих функционирование рынка; второе — ре-

лизация проектов общегосударственного характера, без которых невозможно стимулирование экономической деятельности; третье — развитие профессионального образования для обеспечения подготовки кадров различного профиля; четвертое — обеспечение национальных интересов в международной торговле, с тем чтобы помочь развитию молодой отечественной промышленности. Никто кроме правительства не может издавать соответствующие распоряжения в области экономики, никому кроме правительства не под силу крупные проекты в области народного хозяйства и образования, поскольку их реализация требует длительного времени и громадных капиталов. Как пишет профессор Ши Цзиншэн, “к такого рода проектам частные лица не имеют больших способностей и не испытывают особого интереса”¹¹⁸. Наконец, никто кроме правительства не сможет обеспечить протекционистскую политику по отношению к отечественной промышленности. Именно такую политику, подчеркивает проф. Ши Цзиншэн, проводили в свое время правительства Германии, Франции, США и Японии.

По его мнению, государства, вступившие на путь индустриального развития во второй половине XX в. сталкиваются с еще большим количеством проблем, чем те, которые приходилось решать в прошлом ныне развитым капиталистическим странам. Поэтому еще больше возрастает роль правительства в разрешении этих проблем. Сознывая данное обстоятельство, тайваньское руководство одновременно выступало против жесткой регламентации экономического развития. Оно считало, что роль правительства должна сводиться к определению общей стратегии, к указанию на те экономические проекты, которые должны выполняться в первую очередь, чтобы тем самым обеспечить условия для постепенного “привыкания населения” к условиям рынка. Отсюда упор в первую очередь на развитие сельско-

го хозяйства, сферы обслуживания, небольших предприятий легкой промышленности, крупные проекты общегосударственного характера.

В начальный период модернизации правительство придерживалось курса “развитие в спокойной обстановке”. Решающим условием для обеспечения такого развития являлась стабильность национальной валюты. Иногда инфляцию трудно избежать, более того, если сохранять ее в определенных рамках она может способствовать экономическому развитию. Однако, если уровень инфляции превышает допустимый уровень, это влечет за собой самые серьезные последствия для жизни общества – население не стремится к накоплениям средств, а напротив, занимается тратой денег; происходит немислимое повышение цен, растет транжирование природных богатств; распределение доходов неравномерно, что ведет к социальному неравенству и в конечном счете к социальным потрясениям. Поэтому правительство Тайваня самое серьезное внимание уделяло обузданию инфляции. С этой целью уже в июне 1949 г.¹¹⁹ была проведена денежная реформа. В ходе ее 40 тысяч старых тайваньских долларов обменивались на один новый, один американский доллар стал равняться пяти новым тайваньским долларам¹²⁰. Всего было выпущено в оборот 200 миллионов новых тайваньских долларов, что было вполне достаточно для обеспечения страны денежными средствами, включая иностранную валюту. Одновременно были введены в действия правила по осуществлению импортно-экспортных операций. Согласно этим правилам все импортные товары были подразделены на четыре вида: те, которые разрешалось ввозить свободно, те, для которых существовал временный запрет, те, ввоз которых контролировался, и, наконец, те, которых вообще запрещалось ввозить. Что касается экспортных товаров, то они подразделялись на три вида – те, которые разрешалось вывозить,

те, вывоз которых регулировался и, наконец, те, которые запрещалось вывозить. Существовала система свободного ввоза иностранной валюты. В целях рационального использования иностранной валюты и привлечения на Тайвань действительно необходимых и качественных товаров, уже в конце 1950 г. вводится система проверки ввоза иностранной валюты, а с апреля следующего 1951 г. начинают применяться более строгие правила контроля за ее использованием.

Другим важным направлением в деятельности тайваньского правительства в начальный период модернизации, наряду с обеспечением стабильности национальной валюты, была поддержка сельского хозяйства. Во многих государствах, вставших после Второй мировой войны на путь индустриального развития, на его развитие не обращалось достаточного внимания. не в пример им на Тайване считали, что индустриализация не сводится лишь к развитию промышленности, одновременно необходимо осуществлять модернизацию сельского хозяйства, поскольку последнее выступало в качестве базы для индустриализации¹²¹. Тогдашнюю тайваньскую политику можно образно охарактеризовать следующими словами — “с помощью сельского хозяйства вскармливать промышленность, с помощью промышленности развивать сельское хозяйство”. Всячески поощрялось развитие предприятий по переработке продукции сельского хозяйства, а также небольших предприятий легкой промышленности. Тем самым решалась задача привлечения в производственный процесс избыточной рабочей силы в деревне и одновременно мобилизации свободных денежных средств крестьян. Поскольку создание небольших предприятий не требовало большого времени. доходы крестьян быстро увеличивались и одновременно рос уровень их потребления. Благодаря увеличению сельскохозяйственной продукции и повышению ее качества возникли возмож-

ности для экспорта этой продукции. В результате появилась иностранная валюта, которая направлялась на закупку необходимого оборудования для промышленных предприятий. В первый период модернизации в силу отсутствия капиталов, техники и специалистов тяжелая промышленность фактически не развивалась. Таким образом, развитие промышленности шло тогда по следующей схеме – вначале промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья, затем – легкая промышленность, и уже потом – тяжелая промышленность.

Как уже отмечалось выше, государство брало на себя ответственность за развитие таких отраслей и объектов народного хозяйства, как железные дороги, шоссе, порты, электростанции, водохранилища и т.п., одновременно в его ведении находилось производство удобрений, поскольку от этого зависело развитие сельского хозяйства и сахарная промышленность, продукция которой в 50-е годы являлась основным источником поступления иностранной валюты.

Вместе с тем, придерживаясь политики поддержки частного капитала, тайваньское правительство в 50-ых гг. осуществило множество мероприятий, направленных на развитие частного предпринимательства. В этой связи можно сослаться на ситуацию в текстильной промышленности: правительство поставляло частным прядильным фабрикам хлопок (т.е. сырье), а получало от них хлопчатобумажную пряжу, естественно оно оплачивало их производственные расходы; затем правительство поставляло эту пряжу ткацким фабрикам, а получало от них хлопчатобумажную ткань, естественно, оно также оплачивало этим фабрикам их производственные расходы. Следует подчеркнуть, что оплата производственных расходов в обоих случаях была очень высокой. Таким образом, правительство полностью отвечало за проблемы, связанные с сырьем, оборотным

капиталом и рынком в сфере текстильной промышленности. Предпринимателям оставалось лишь ждать получения от правительства оплаты своих производственных расходов и извлекать громадные прибыли. Благодаря такого рода политики удалось превратить текстильную промышленность в важную отрасль народного хозяйства.

По существу, аналогичным образом поступало правительство Тайваня в отношении вновь создаваемых отраслей промышленности. И здесь первоначально главную роль выполняло правительство — оно разрабатывало планы создания таких отраслей, находило нужных людей для руководства строящихся предприятий, брало на себя ответственность за поиски капиталов, иностранной валюты, оборудования, рынка сбыта продукции и т.д. И только после того, как вновь созданные предприятия крепко становились на ноги, правительство передавало их в частные руки. Именно таков был путь появления многих известных ныне во всем мире крупных тайваньских компаний.

Наконец, правительство Тайваня способствовало внешнеэкономической деятельности национальных предприятий, ибо оно понимало, что без участия в международной торговле тайваньская экономика не сможет получить быстрого развития. Без преувеличения можно сказать, что экономическая модернизация, тайваньское экономическое чудо стали возможными благодаря государственному регулированию экономических процессов, участию в них правительства.

Жизнеспособность тайваньской экономической модели была подтверждена во время финансового кризиса, поразившего страны Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии во второй половине 1997 г. Тайваньский доллар, в частности, не претерпел сколько-нибудь серьезных колебаний. По словам влиятельной экономической газеты “The Asian Wall Street Journal”: “Хотя Тайвань не свободен от влияния международного эконо-

мического развития, его основные принципы остаются здоровыми. Это связано с тем, что всюду – от своей монетаристской политики и до банков и компаний Тайвань придерживается простой формулы консервативного финансового управления. Стратегия и структура бизнеса острова отличается от таких стран как Япония и Южная Корея, где доминируют крупные конгломераты. Тайвань все еще является землей небольших и средних компаний, известных своей быстрой реакцией на рынок и приспособляемостью. Они не подчинены так сильно системе внешних рычагов как южнокорейские компании и обращают больше внимания на прибыль, чем на завоевание рынка”¹²². Экономическая практика последних лет свидетельствует в пользу “конфуцианского горизонтального капитализма”.

С 1996 г. тайваньское руководство приступило к осуществлению рассчитанного на десять лет плана превращения острова в Азиатско-Тихоокеанский региональный операционный центр, что предусматривает дальнейшее развитие производства, воздушного и морского сообщения, финансов, телекоммуникаций и средств массовой информации. Стержнем реформ на нынешнем этапе развития объявляется достижение наивысшей конкурентоспособности, причем речь идет не просто об отдельных отраслях производства, но и о конкурентоспособности всей экономической и политической системы (включая инфраструктуру и административную эффективность).

3.3. Китайские культурные традиции и экономическая модернизация Тайваня

Любая политика, любые политические и административные решения осуществляются не в безвоздушном пространстве, а в определенной социокультурной среде, поэтому их реализация зависит не только от руко-

водства, но и от исполнителей. По мнению многих тайваньских ученых, а также американских исследователей китайского происхождения, успехи Тайваня в экономическом развитии неразрывно связаны с китайскими культурными традициями. Истоки тайваньского экономического чуда, считают они, лежат в конфуцианстве. Крупный авторитет в области исследования истории и экономики Тайваня, проф. Вэй Воу, называет тайваньскую экономическую модель “конфуцианским капитализмом”¹²³. Кроме Тайваня к странам и регионам, имеющим однотипную экономическую структуру, он относит Гонконг, Сингапур, Южную Корею и Японию. В противоположность им модель развития Китайской Народной Республики и Вьетнама проф. Вэй Воу называет “конфуцианским социализмом”. Отличительные особенности конфуцианского капитализма следующие – свободная рыночная экономика, частная собственность, непрерывное увеличение числа частных предприятий, регулирование государством экономического развития.

Каждая из стран, где существует конфуцианский капитализм, имеет свои отличительные особенности, в частности, конфуцианский капитализм на Тайване – это капитализм с китайской спецификой. Основу его нравственных ценностей составляет конфуцианская культура.

Некоторые ученые не без оснований считают, что представления конфуцианства о гармоничных человеческих взаимоотношениях, его взгляд на семью могут быть использованы в современном мире. Модель “конфуцианского капитализма” имеет в своей основе семью, согласие между ее членами, члены семьи работают прежде всего для пользы семьи, затем – для пользы родственников, и уже затем для общества в целом. Семья выступает как единый экономический механизм, как первичная экономическая единица, именно здесь воспитываются такие конфуцианские качества, как не-

имоверное усердие, трудолюбие, прилежание, бережливость, искренность, честность и взаимоподдержка. Второй важной характерной чертой конфуцианства является стремление к получению образования. В конфуцианской культуре ученые и интеллигенты всегда рассматривались как высший класс, элита общества.

В китайской культуре в силу устойчивости кровнородственной общины (патронимии) человек всегда рассматривался как частица общества, рода, клана, семьи. Приоритет семейных ценностей, подчинение собственных интересов обязанностям перед семьей, готовность отдать за нее жизнь — все это привело к появлению двойных стандартов поведения — одного по отношению к родственникам, другого — по отношению ко всем другим людям. В современной литературе приверженность членов кровно-родственной общности единым целям, их сплоченность зачастую оценивается как негативные факторы¹²⁴. По мнению целого ряда западных, а также китайских ученых, такой подход ограничивает возможности накопления капитала и людских ресурсов рамками семьи и одновременно затрудняет расширение размеров предприятий и компаний. Их аргументация выглядит следующим образом. Поскольку при такой системе предпринимательской деятельности нет четкого разграничения права собственности и права управления (хозяйствования), использование людей происходит в зависимости от степени родства, без учета их профессиональных данных, то поэтому зачастую личные и общественные средства не различаются, смешиваются воедино, счета компаний содержатся в беспорядке, отсутствуют рациональные методы управления и калькуляции доходов и расходов.

Однако тайваньский опыт говорит о положительной роли семьи и семей торгово-промышленных компаний в развитии экономики. Прежде всего необходимо иметь в виду, что первоначальный капитал многих компаний во время их создания в основном или даже

целиком принадлежал членам одной семьи. В начальный период развития тайваньской экономики — в 50-60-ые годы ощущался острый недостаток капиталов, уровень их обращения был крайне низким. В этих условиях семейные компании являлись, хотя и ограниченной, но в то же время важной формой развития экономики. Одновременно семья помогает своим членам пережить спады рыночной конъюнктуры, ибо в период застоя в экономике испытывающие трудности предприниматели именно со стороны своих семей получают поддержку. Тем самым с правительства снимается часть бремени, а в более широком плане происходит стабилизация общественно-политической обстановки, экономическому развитию не наносится серьезного ущерба.

Одновременно в существующих семейных компаниях, предприятиях семейная этика помогает воспитанию таких качеств, как жизнестойкость, умение преодолевать трудности, таких черт трудовой этики, как предприимчивость и трудолюбие. В тайваньских семейных компаниях редко можно встретить рациональные организационные формы, их деятельность внешне часто не соответствует представлениям современной науки об управлении. Тем не менее многие западные компании, где говорят лишь о правах и обязанностях, и об условиях контракта, проигрывают тайваньским компаниям, ибо последние демонстрируют более высокий уровень надежности, ответственности, эффективности в мобилизации своего персонала, а также удивительные гибкость и эластичность. Они не только в состоянии переносить удары, связанные с изменениями в экономике, но и быстро и адекватно приспосабливаться к рыночной конъюнктуре.

В настоящее время начался процесс индустриализации во многих ранее отсталых регионах мира, где более высокий по сравнению с Тайванем коэффициент при-

были. Они добились ощутимых результатов, бросив тем самым вызов опередившим их странам, в том числе Тайваню. В этих условиях для тайваньской экономики важной задачей становится концентрация капитала и техники в наиболее перспективных отраслях промышленности, а не только в легкой. В целях повышения экономической эффективности настоятельной необходимостью становятся расширение размеров предприятий, их укрупнение и одновременно привлечение в семейные компании капиталов со стороны, рост профессиональной подготовки их членов. Препятствием к этому служат некоторые отличительные особенности китайской семьи, в частности, ее замкнутость, нежелание объединяться с теми, кто не входит в ее состав.

Однако жизненные обстоятельства не могут не оказывать своего воздействия на китайский менталитет, ценностные ориентации китайцев. На некоторых семейных предприятиях уже начался процесс изменений, создание новой культуры производства, при которой профессиональным управляющим представляется большее пространство для маневра, акции предприятия выпускаются в свободное обращение. на семейных предприятиях стали обращать особое внимание на профессиональные качества членов семьи, а также на систему организации. В отсутствие владельцев управление этими предприятиями раньше, как правило, осуществляли их жены или дети. Однако в настоящее время такой принцип уже не является обязательным повсюду. Поскольку семейное предприятие должно существовать и развиваться, эту функцию второго руководителя сейчас обычно выполняет тот член семьи, кто наиболее профессионально подготовлен к этому. Происходит своего рода соединение традиционного и современного.

Мировой исторический опыт развития капитализма свидетельствует в пользу изменения роли государства. Если в первый период существования капитализ-

ма царил стихия свободного рынка, то постепенно он начинает регулироваться деятельностью государства, причем больший или меньший характер носит это регулирование — зависит от того, приверженцем какой экономической теории является правительство — физиократической, меркантилистской, классической, неоклассической или неэкономической, т.е. кейнсианской. Поэтому современный капитализм существенным образом отличается от первоначального капитализма. Создавая после второй мировой войны свою новую социально-экономическую систему, в странах с конфуцианской культурой естественно не могли не принимать во внимание изменений, произошедших на родине капитализма — Западной Европе и Северной Америке, первостепенное значение имели и национальные культурные традиции. Поэтому здесь был создан конфуцианский капитализм — капитализм нового типа, который может быть также назван восточным капитализмом. Его отличительная черта — соединение правительственной и социальной политики, особая роль правительства в обеспечении социальных благ в условиях рыночной экономики¹²⁵.

Принципиальное отличие между западным и китайским капитализмом состоит в том, что в первом случае социально-экономические проблемы решаются **после** того, как они возникли, в то время как во втором случае стремятся проводить такую политику, которая позволяет избежать возникновения социальных проблем.

Восточный капитализм имеет несколько разновидностей, отличающихся друг от друга. Общим для всех стран дальневосточного региона является **мирная** индустриальная революция, без каких-либо крупных социальных катаклизмов, характерных для периода аналогичной революции в Европе. В то же время японскую и корейскую модели развития можно назвать формами

вертикального конфуцианского капитализма, в то время как Тайвань, Гонконг и Сингапур являют собой образец **горизонтального** конфуцианского капитализма.

При вертикальном конфуцианском капитализме упор делается на крупные промышленные компании, в Японии и Южной Корее предприятия тяжелой промышленности, производящие технологически- и капиталоемкую продукцию, принадлежат частным компаниям. Напротив, на Тайване такого рода предприятия принадлежат государству, при горизонтальном конфуцианском капитализме упор делается на небольшие и средние промышленные и торговые предприятия, которые являются собственностью частных компаний. Если на Тайване десять крупнейших промышленных компаний дают 10% валового национального продукта, то в Южной Корее те же (аналогичные) десять крупнейших промышленных компаний производят 50% валового национального продукта¹²⁶.

В китайской форме капитализма подчеркивается роль государства, правительство должно действовать в роли посредника, задача которого устранять “все несчастия” свободной экономики. Оно не должно наносить вред капиталистическим отношениям, а напротив, делать их более здоровыми и рациональными. Различия в подходе к роли правительства государства между западным и китайским капитализмом объясняется спецификой китайской традиционной философии. Китайских мыслителей всегда интересовала проблема неравенства в распределении доходов, а не проблема бедности. Капитализм в Европе в XVIII-XIX вв. демонстрировал большой разрыв между богатством и бедностью, что создавало серьезные социальные проблемы. Поэтому, китайских мыслителей-экономистов, начиная с нового времени, волновало следующее – как

ликвидировать бедность, сохранить равенство в доходах и одновременно обеспечить экономическое процветание.

Политику, направленную на одновременное разрешение всех трех проблем, вот уже в течение сорока с лишним лет проводит правительственная администрация на Тайване. Однако тайваньская экономика не является плановой экономикой, как это имеет место в социалистических странах. Модель плановой экономики означает, что тоталитарный режим осуществляет **контроль** над всей экономикой страны. Согласно тайваньской модели развития правительство взяло на себя руководство экономикой, но не контроль над ней. Принципиальное различие между двумя моделями состоит в том, что на Тайване правительство как бы дополняет свободную экономику, но не отменяет ее духа. Цель экономического планирования — помочь капиталистической экономике сделать рыночный механизм более эффективным.

Некоторые тайваньские ученые, как например Ян Кайхуан, экономические достижения Тайваня, Гонконга, Сингапура связывают с особой национальной психологией их населения, сформировавшейся под влиянием длительного проживания в приморских районах, большинство жителей этого региона было переселенцами из других мест, в течение длительного периода времени находились под господством чужеземной нации. Это отразилось на их характере. К примеру, сингапурцы и гонконгцы склонны к авантюризму, новациям, сравнительно жизнестойки в условиях меняющихся внешних обстоятельств. Что касается тайваньцев, то до переезда на Тайвань они многие столетия жили в пограничных районах Китая, зачастую на бросовых землях, их занятием было рыболовство, либо торговля, многие из них бежали из центральных районов от стихийных бедствий или кредиторов. Поэтому их характере-

ру был свойственен авантюризм, что объясняет, почему они рискнули переправиться через пролив на Тайвань. Чужеземцы, которые сменяли друг друга в качестве колониальных властителей Тайваня — испанцы, португальцы и японцы, также принадлежали к морским нациям и естественно не могли не оказать своего влияния на культуру и психологию тайваньских китайцев. Наконец, на подобные “морские” культурно-психологические особенности нынешних жителей Тайваня наложилась экономическая политика гоминьдановской администрации, сделавшей упор на внешнюю торговлю¹²⁷.

В китайской культуре издавна делается упор на стабильном характере отношений между “вышестоящими” и “нижестоящими”. Данное обстоятельство сыграло свою роль в процессе модернизации тайваньского общества. Склонность китайцев беспрекословно выполнять распоряжения начальства способствовала сохранению политической стабильности в период осуществления администрацией ГМД планов индустриального и общественного строя. По той же причине серьезных успехов добились Сингапур и Гонконг. В то же время страны, где не существует подобных традиций, например Филиппины, потерпели неудачу в своем экономическом развитии.

В Китае с глубокой древности существовало уважение к знаниям, культ образования. Успешная постановка дела образования на Тайване обусловлена поэтому не только деятельностью правительства, но и серьезным отношением к нему со стороны обычных граждан. В других развивающихся странах главы семей смотрят на своих детей как на средство улучшения своей жизни в ближайшем будущем и поэтому не заинтересованы в предоставлении им всех возможностей для продолже-

ния образования. В противоположность этому китайские родители во имя того, чтобы их дети имели возможность для своего всестороннего интеллектуального развития готовы терпеть жизненные страдания. Благодаря существованию такой традиции, тайваньская экономика во время модернизации получила большое количество компетентных и профессионально подготовленных специалистов во всех областях знаний.

Еще одна отличительная особенность китайской культуры заключается в воспитании таких качеств, как прилежание и бережливость, поэтому для китайцев характерно трудолюбие, желание просто заработать, а не размышления о том, чтобы заработать побольше, стремление сохранить заработанное, а не потратить его для своего удовольствия. Поэтому, если говорить об отдельном человеке, то заработанные им средства идут на улучшение его жизни, в то же время при высокой норме сбережений членов общества государство получает необходимый капитал для развития экономики, одновременно отпадает необходимость в привлечении большого количества зарубежного капитала.

Первостепенная роль в китайской культуре семьи объясняется тем, что она выступает как “организм конкретного единства и соединения людей, здесь можно увидеть и каждого находящегося в постоянной борьбе человека и коллектив, соединяющий воедино отдельных людей. Поэтому семья примиряет односторонности индивидуализма и коллективизма, кроме этого, китайская семья содержит в себе одновременно и функции экономического общества и материальных нужд. Те материальные нужды, которые должно нести правительство, берет на себя семья, в результате уменьшаются расходы государства на материальные нужды и одновременно социальная нестабильность”¹²⁸. Таким об-

разом, в китайском обществе семья является предпосылкой и основой социальной гармонии в экономических отношениях.

Вместе с тем существует другая точка зрения относительно роли культурных традиций. Так по мнению проф. Дж.Яна, имеет место переоценка культурных факторов в экономическом развитии. В действительности, принципиальное значение имеют структурные предпосылки, такие как образование, политическая стабильность, эффективность администрации и модель власти с учетом распределения полномочий. Мировая история свидетельствует, что развитие системы образования всех уровней способствует экономическому росту. Образование дает необходимые технические знания, позволяет разорвать узы традиционного мышления, учит пониманию причинно-следственных связей в природе. Политическая стабильность является для иностранных и местных инвесторов важнейшими факторами в принятии решений относительно их участия в экономическом развитии той или иной страны. Нельзя принимать долгосрочные планы в условиях мятежей, насилия и социальной неуверенности. Серьезными препятствиями для развития государственных и частных предприятий являются неэффективность правительственной администрации, путаница и канцелярщина в принятии решений. Проф. Дж.Ян пишет: “Представим себе страну, где распоряжения и правила подвержены частным и произвольным изменениям, предприятия общественного пользования, такие как телефон и электричество регулярно работают с перебоями, а разрешение на лицензию со стороны официальных лиц приходится ждать месяцами, вы можете представить себе как велико разочарование тех, кто занят в какой-либо области экономической деятельности”¹²⁹. Некоторые уче-

ные, продолжает он, полагают, что взятки, которые предлагаются чиновникам в целях обеспечения деятельности государственной машины, носят функциональный характер в странах с развивающейся экономикой, они выступают как бы в роли смазочного масла для заржавленной бюрократической машины. Проф. Ян придерживается противоположной точки зрения – коррупция, пишет он, порождает коррупцию. “Это – своего рода моральный вредитель, который если ему позволить расти беспрепятственно, сможет полностью разрушить ткань общества”¹³⁰. Дача взяток не является нормальным путем для накопления капиталов и ни в одной стране Юго-Восточной Азии, где подобное явление стало массовым, не наблюдается нормального экономического развития.

Наконец, в странах с высокой степенью централизации политической власти и где она без каких-либо ограничений используется для получения материальных благ, политика становится очень прибыльным делом. Амбициозные люди всеми правдами и неправдами стремятся добиться политической власти, экономика в этих условиях либо вообще не принимается в расчет, либо является дополнением к политической активности (яркий тому пример – Филиппины при правительстве Ф.Маркоса). Для нормального экономического развития необходима дисперсивная модель распределения власти, существование определенной системы баланса и контроля и одновременно плюрализм ценностей, когда каждый добивается своих достижений благодаря собственным талантам и наклонностям.

Очевидно, что связь культурных факторов с экономическим развитием носит сложный, диалектический характер. Во-первых, одна и та же культура, одни и те же ее элементы в разные исторические периоды могут

играть различную роль. Во-вторых, в один и тот же исторический период, в одном и том же месте культура может оказывать на социальное развитие двоякое влияние — и положительное и отрицательное. В-третьих, культура, так же как и другое общественное явление не является чем-то неизменным, напротив, она подвержена постоянным изменениям, воздействию других социальных факторов. В-четвертых, она оказывает неодинаковое влияние на различные социальные слои.

Экономические достижения Тайваня нельзя объяснять только влиянием культурных факторов, в противном случае возникает вопрос — почему только в последние сорок лет могли принести столь впечатляющие результаты китайские культурные традиции, существовавшие до этого пять тысяч лет. Между экономическим развитием и культурными традициями существует многообразная, многосторонняя связь. Жизненность и длительность китайской культурной традиции объясняется не только тем, что она сохраняет извечно ей присущие определенные принципы, но и тем, что она находится в постоянной взаимосвязи с другими культурами, заимствуя у них лучшие элементы. Нынешняя тайваньская (китайская) культура не является порождением лишь тайваньского общества, она является одновременно и продуктом других культурных влияний, она, в частности, в значительной степени формировалась под воздействием западной культуры. Поэтому экономическое развитие Тайваня связано не только с конфуцианской этикой, но и с этическими ценностями, пришедшими извне. Иногда трудно определить, действительно ли эти этические ценности и принципы пришли непосредственно из культурной традиции или они подверглись переработке в соответствии с современными условиями. Привнесены они, например, вме-

сте с ценностными ориентациями западного капитализма или возникли раньше, в период японского колониализма, или имеет место и то, и другое.

На наш взгляд, исторический опыт развития Тайваня свидетельствует, что оно проходило под влиянием как элементов традиционной китайской культуры, так и внешних культурных факторов, т.е. **взаимодействия традиционного и современного**. Тайваньское политическое руководство осознавало недопустимость отказа от национального культурного наследия, ненужность противопоставления традиции и современности.

Глава 4

КОНФУЦИАНСТВО И МОДЕРНИЗАЦИЯ ТАЙВАНЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Говоря о влиянии китайских культурных традиций на модернизацию тайваньского общества естественно нельзя обойти вопрос о конфуцианстве в этом процессе, ибо именно оно составляет фундамент традиционной китайской культуры. Другими словами, проблема как политической, так и экономической модернизации неразрывно связана с адекватным пониманием роли китайских философских традиций и прежде всего конфуцианства.

Этот вопрос давно занимал умы китайских политических деятелей и интеллигенции. В 70-80-х годах прошлого столетия “движение самоусиления”, которое возглавлялось высшими сановниками императорского двора, выступало за использование западной науки и технологии при сохранении традиционных культурных ценностей. Участники “движения 4-го мая” (рубеж 10-20-х годов нынешнего столетия), напротив, рассматривали конфуцианство как препятствие на пути модернизации китайского общества. В период движения был широко распространен лозунг “Долой Конфуция и К°”.

В восемнадцатом веке европейские философы просвещения называли Китай образцовым государством, именно благодаря наличию в нем конфуцианской эти-

ки. Однако позднее, в конце XIX в. — начале XX в. в западном обществе возникло неадекватное представление о конфуцианстве, шедшее от Макса Вебера.

Как известно, он выдвинул идею о зависимости социальной этики и тенденций экономического развития от системы религиозного вероучения. По его мнению, именно протестантская этика содержит дух капитализма, протестантизм обладает такими ценностями, как прилежание, бережливость, стремление к новаторству и служение человечеству, они явились духовными факторами развития капитализма в Европе. Это связано с тем, что протестантизм нес с собой индивидуализм. По словам проф. Ду Вэймина, “так называемый индивидуализм Вебера — это движущая сила фаустовского типа изучения и развития. Для получения новых знаний и нового опыта Фауст сознательно продал свою душу. В этом нашел свое выражение обладающий большими возможностями этический принцип, требующий дальнейшего саморазвития человека. Он привел к появлению определенной системы, которая ставила во главу угла собственные интересы людей, их борьбу между собой, конкуренцию, умение приспосабливаться к жизненным обстоятельствам, предоставление людям возможности действовать на свой страх и риск, рыночные структуры, науку и технику, а также профессионализацию социальных сфер деятельности человека”¹³¹.

В то же время Макс Вебер считал, что в конфуцианском обществе отсутствует дух капитализма, поскольку его члены менее энергичные и менее рациональные люди, чем протестанты. Немецкий социолог утверждал, что конфуцианское учение по самой своей сути враждебно экономическому развитию и социальной модернизации. В своей работе о конфуцианстве и даосизме он писал, что в Китае и других азиатских странах отсутствует “экономическая этика”, которую бы можно

было совместить с капитализмом и экономическим развитием, конфуцианство лишено морального динамизма, характерного для аскетического протестантизма, поскольку в конфуцианских ценностях главное — регулирование общества, а не сознательное господство над ним. Точно также и даосизм, по Веберу, является консервативной идеологией, поскольку он настаивает на пассивном восприятии того, что имеется, и в то же время отвергает всякие новации.

Отрицательное отношение к конфуцианству доминировало в западной историографии до начала 70-х годов. В работах американских ученых неудачи модернизации китайского общества в XIX в. связывались именно с конфуцианством — поскольку якобы в конфуцианском социальном и политическом порядке нет места для капиталистического развития. По их мнению, деятели “движения за самоусиление” не помышляли о подлинном обновлении китайского общества, ибо мыслили в нравственных категориях традиционного самообеспечивающего себя аграрного общества¹³². Для них моральные принципы были выше экономических интересов. В книге Д.Левенсона “Конфуцианский Китай и его современная судьба: Трилогия” утверждалось, что конфуцианство является уходящим культурным феноменом, поскольку оно несовместимо с современным миром. Он считал, что конфуцианство исключало саму возможность появления подлинной науки. Поскольку существование сословия конфуцианских ученых зависело от реализации в обществе определенных нравственных максим, универсалий, появление в нем специалистов по политическим и экономическим вопросам было невозможно. По мнению Мэри Райт, высказанному ею в книге “Последнее сопротивление китайского консерватизма”, главным препятствием для вхождения Китая в современный мир являлись элементы, составляющие конфуцианскую систему, а не империалистическая аг-

рессия, правление маньчжуров, тупость чиновников или случайности истории. Источник определенных эволюционных изменений в Китае американские ученые, в основном, относили за счет западного влияния.

В течение продолжительного периода времени в западной науке господствовала точка зрения об оппозиции “современного – традиционного”, эти два понятия резко противопоставлялись друг другу, указывалось на их несовместимость. Современное обычно связывалось с Западом, а традиционное – с Востоком, следовательно, традиция объявлялась причиной неразвитости восточных стран. Под “традиционным” подразумевалось несоблюдение дисциплины труда и времени, вера в предрассудки, беспечность, нерадивость, упор на личные отношения, отсутствие гибкости и неумение реагировать на новые обстоятельства. В рамках теории модернизации сложилось представление, что традиционализм препятствует развитию сложных форм труда, деятельности, творчества, культуры. Поэтому, когда речь шла о модернизации, имелась в виду смена ориентации в образовании – всюю поощрялась отправка молодежи на учебу в западные страны, где они должны были сменить свои старые, ценностные ориентации и культурные пристрастия на новые, т.е. отбросить традиционное и воспринять современное. Должно было произойти озападнивание человеческих качеств и жизненных привычек.

В шестидесятые годы нынешнего столетия среди ученых был широко распространен взгляд, что конфуцианство является главным препятствием на пути развития Китая. Имелись в виду следующие его принципы:

– социальная иерархия, при которой мастеровые (рабочие), торговцы занимали места внизу;

– выдвижение на первое место интересов семьи, что якобы препятствовало развитию масштабов производства;

– право наследования за всеми детьми, что могло способствовать распылению капитала;

– чрезмерное внимание к сбережениям, что могло затруднить обращение и использование капитала;

– пренебрежительное отношение к мастеровым людям, что могло воспрепятствовать улучшению техники.

В кругах научной, преимущественно западной общности, был широко распространен взгляд, что традиционная конфуцианская культура является “покровителем”, “подпоркой” феодального императорского строя, “свидетельством разложения” мелкокрестьянского хозяйства, поэтому в целях развития современной экономики с ней необходимо покончить.

По мнению влиятельных американских ученых, в конфуцианстве нет места индивидуализму, как и другим факторам, способствующим развитию современного общества. В нем упор делается на контроль за деятельностью людей со стороны коллектива, отдельный человек не может быть автономной личностью, поскольку любые его действия направляются извне. Благодаря вмешательству правительства во все сферы общественной жизни и связанной с этим политической культурой, в китайском обществе не могли получить развитие рыночные структуры и свободный капитализм. Конфуцианство обращало внимание лишь на воспитание “добродетельных качеств” человека, используя те его черты, которые позволяли ему стать властелином природы. Конфуцианец, как указывал М.Вебер, любит рассуждать о прекрасном, но его трудно представить в качестве торговца, думающего об успехе. Процесс развития коллективного интеллекта нации конфуцианство

рассматривает не как накопление знаний и информации, а как простую передачу сведений, данных, квалифицируемых в рамках традиционных представлений.

Однако в 70-х и в еще большей степени в 80-х годах — после экономических достижений стран и регионов с конфуцианской культурой — оценки традиционного начинают меняться, что раньше объявлялось препятствием, теперь стало рассматриваться как фактор экономического развития. Появился термин “конфуцианский капитализм”. Экономические достижения Японии первоначально объясняли исключительно влиянием Запада, ее вестернизацией. Когда аналогичных успехов добились Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань стали появляться статьи, а затем и книги, в которых признавалась роль конфуцианства в модернизации этих стран и районов. Правда, еще в 1957 г. в своей книге “Религия Токугавы” Роберт Беллах обратил внимание на позитивную роль в модернизации Японии буддизма — с его жертвенностью и аскетизмом — и конфуцианства — с его рационализмом, строго упорядоченной системой отношений между людьми¹³³. Тем самым была подчеркнута роль традиционных культурных ценностей в создании японского экономического чуда.

Возникло много вопросов, связанных с конфуцианством: каковы причины возросшей роли этого древнейшего философского учения в настоящее время? Что, в конце концов, представляет собой конфуцианство — политическую идеологию или свод моральных проповедей? Какое влияние оно оказало, в частности, на эволюцию тайваньского общества? Какие элементы его могут быть признаны совместимыми с процессом модернизации или даже благоприятными для него, а какие — видоизменены либо отброшены? Естественно, что тайваньская политическая элита и простые китайцы не могут всегда и всюду руководствоваться только конфу-

цианскими принципами. Для того, чтобы ответить на вызов современной эпохи они должны думать и действовать в гораздо более широкой перспективе, чем это позволяет конфуцианство. Отсюда напрашивался вопрос — каков удельный вес конфуцианства в формировании стандартов поведения современного китайца?

Конфуцианство представляет собой систему ценностей, регулирующих отношения людей. Эта система ценностей изложена в четырех основополагающих произведениях конфуцианства — “Беседы и суждения”, “Великое учение”, “Учение о середине” и “Мэн-цзы”. Конфуций установил незыблемые принципы “пяти отношений” — между правителем и подданными, отцом и сыновьями, мужем и женой, старшими и младшими братьями, между друзьями. Согласно этим принципам, “отец должен относиться к сыновьям доброжелательно, а сыновья к отцу — с сыновней почтительностью; старший брат должен относиться к младшему с добротой, а младший брат к старшему — с уважением, муж должен относиться к жене справедливо, а жена к мужу — услужливо, правитель должен относиться к подданным — благожелательно, а подданные к правителю — с верностью”. Более двух тысяч лет этот свод этических правил имел для китайцев точно такое же значение, как для христиан священные десять заповедей, изложенные в Библии.

На Западе до сих пор иногда смотрят на Конфуция как на “скудного и ограниченного моралиста”, называя его “Беседы и суждения” (Луньюй) “фрагментарными”, однако в действительности его рассуждения, являвшиеся часто афоризмами, были весьма глубокими. Рассматривая исторические события и деяния предшественников, Конфуций стремился найти в них примеры эталона китайской мудрости и образцы этических ценностей. При этом он стремился сделать их достоянием всех китайцев, независимо от занимаемого

ими социального статуса. Благодаря самосовершенствованию каждый человек способен обрести нравственные ценности. Самосовершенствование осуществляется в процессе воспитания, образования, которое должно быть доступно всем.

Конфуций признавал существование сверхъестественного мира, однако его интересовало прежде всего реальная жизнь людей с ее повседневными заботами. Отвечая на вопрос одного из своих учеников, в чем состоит мудрость, он сказал: “Должным образом служить народу, почитать духов, но держаться от них подальше — в этом и состоит мудрость”¹³⁴.

Культ рода был широко распространен в Китае, но он полностью основывался на конфуцианской этике, поэтому в традиционной китайской культуре не существовало дихотомии “этот мир” и “другой мир”. Оба они составляли единое целое благодаря конфуцианской этике. По словам выдающегося китайского философа Фэн Юланя: “Четверокнижие является Библией для китайского народа, но в Четверокнижии ничего не говорится о творении и нет упоминаний о Небе или об Аде”¹³⁵. Эти книги были средоточием человеческой мудрости, а не изложением божественных откровений. Поэтому можно говорить о рационалистическом характере конфуцианства или конфуцианском рационализме. “Конфуцианский рационализм, пишет американский политолог Дай Хунчжао, зависит от человеческого опыта как единственного источника мудрости. Функция человеческого ума состоит только в том, чтобы воспринимать ценности этого опыта как руководство к деятельности людей. Поэтому конфуцианский рационализм по своей ориентации является традиционалистским, но не религиозным”¹³⁶.

Согласно представлениям конфуцианства все люди — речь идет о китайцах — находятся в родственных отношениях друг с другом. В течение многих ты-

сячелетий китайцы жили в одном и том же географическом ареале, естественно у них сложилось убеждение, что они происходят от одного предка, находятся между собой в кровнородственной связи. Если семья — это государство в миниатюре, то государство — это расширенная (большая) семья. Поскольку семья является основной социальной группой, ценности конфуцианского рационализма ориентированы на нее. Семейные узы рассматриваются каждым ее членом как постоянные и поэтому каждый человек обязан проявлять лояльность по отношению к семье на протяжении всей своей жизни. Подобные отношения не ограничиваются только семьей, они имеют более широкий круг людей — однофамильцев, соседей, земляков, соучеников и т.п. Ко всем им также относятся как к членам своей семьи. Эти отношения играют важную роль в китайских общинах по всему миру, вплоть до настоящего времени. Они влияют на такие разные социальные явления, как служебная карьера людей, формирование чиновничьего аппарата, парламентские выборы и занятие бизнесом.

Таким образом, в противоположность западному рационализму, делающему удар на индивидуализме, конфуцианский рационализм основой человеческих взаимоотношений считает семейный коллективизм.

Одновременно конфуцианское учение учит тому, как стать человеком. “Стать человеком” предполагает процесс непрерывного, постоянного саморазвития, самосовершенствования. Он носит двусторонний характер — с одной стороны, происходит овладение профессиональными, техническими навыками и специальными знаниями, а с другой стороны, имеет место осознание особенностей своего “я”, его многослойного характера, совершается процесс самопознания (self-knowledge).

Когда традиционное конфуцианство говорит о “я”, то речь идет не об отдельном человеке и тем более не об изолированном существе, а о средоточении его различных отношений с окружающим миром. Человек существует как бы во все расширяющемся жизненном пространстве, начиная от семьи и кончая обществом, государством, космосом. Согласно конфуцианству становление человека означает реализацию своего “я”, развитие своих природных качеств.

По мнению крупнейшего китайского философа Чжу Си (1130-1200), существуют два метода совершенствования личности – внутренний и внешний. Внутренний метод состоит в нравственном самосовершенствовании “Стать человеком” означает стать “нравственным человеком”. Это требует в своем сознании и поведении воспитания уважительного отношения прежде всего к самому себе – своему телу, рассматривая его как нечто священное, полученное в подарок от родителей, а также к своим мыслям и переживаниям. Это уважительное отношение охватывает не только живые существа. прежде всего родителей, братьев, сестер, других родственников, оно распространяется и на неживые организмы – горы, реки, деревья, камни и т.п. Таким образом, уважение, уважительное отношение является у Чжу Си внутренним неиссякаемым источником саморазвития “я”.

Кроме этого психологического чувства, по мнению Чжу Си, существует еще внешний источник саморазвития человека – приобретение знаний. Получение информации – не пассивный процесс, в нем активно участвуют обе стороны – и учитель и ученик.

В конфуцианстве постепенно происходит этизация общественных и политических отношений и одновременно политизация нравственных ценностей. По мнению проф. Ду Вэймина, последнее обстоятельство имеет отрицательное значение, поскольку оно приводит к

подчинению авторитету, иерархизации общественных отношений, исчезновению из них рациональных начал. Психологическое чувство самоуважения сменяется чувством самоунижения. Участие человека в делах коллектива приводит уже не к раскрытию и расцвету его природных качеств, напротив, он становится безликим членом большой общности, жертвуя собой ради политизированного сознания¹³⁷.

В древнем конфуцианстве общество рассматривалось как “творческая, живая, устойчивая система, которая способствовала воспитанию людей”¹³⁸. Когда в практику входит подавление людей, ограничение их потенциальных возможностей, в обществе возникает жесточайшая регламентация, исчезает разнообразие неречевых средств общения, стандартов и норм поведения и взаимоотношений между людьми. Наглядный пример – резкое усиление авторитета главы семьи, отца. Одно дело – соблюдение принципа сыновней почтительности, другое дело – превращение отца в центр власти в семье. Здесь мы видим один из примеров политизации конфуцианской культуры. Другой пример – подчиненное положение женщины в семье.

Согласно конфуцианской этике, руководитель должен обладать добродетельными нравственными качествами, убеждать людей своим личным примером, только в этом случае он сможет повести их за собой. Идеальным руководителем в конфуцианстве считался мудрый правитель (Sage-King). Им мог стать лишь тот руководитель, который был в состоянии воспитать в себе необходимые для этого качества и создать в обществе атмосферу согласия. Только тогда его право на руководство признавалось теми, кем он руководил. Однако, когда на смену этому идеалу мудрого правителя приходит практика правителя, заявляющего о своих

претензиях на мудрость, то здесь речь идет всего лишь об осуществлении голой власти, пишет проф. Ду Вэй-мин¹³⁹.

Именно так и произошло в Китае (и Корее) в период позднего средневековья. Политизация всех сторон общественной жизни, использование нравственных ценностей в качестве средства подавления приводит, как мы уже отмечали, к жесткой регламентации общественных связей, межличных отношений. Господствующим в обществе становится представление о том, что предназначение человека, его судьба состоит в том, чтобы подчиняться. Результатом подобного положения явился тот факт, что Китай не смог ответить на вызов пришедших с Запада новых культурных влияний, в частности, идей либерализма. Эти веяния, включавшие в себя дух творчества, смогли одержать верх над конфуцианской схоластикой¹⁴⁰.

Вместе с тем, следует различать раннее первоначальное конфуцианство, учение самого Конфуция и его ближайших последователей, того же Мэн-цзы например, от позднесредневековой конфуцианской схоластики.

Первоначальное конфуцианство — было системой нравственных принципов, ориентированных исключительно на политику, для Конфуция политика и мораль были неразрывны. По словам известного исследователя истории китайской политической мысли проф. Сяо Гунцюоя, “конфуцианская политическая доктрина от начала до конца рассматривает человеческие существа как самые высшие, основные и непосредственные объект и цели. Конфуцианство смотрит на политическую жизнь как на проявление и развитие природы человека, как на попытку удовлетворить человеческие нужды”¹⁴¹.

Аналогичной точки зрения придерживается крупнейший авторитет в области китайской философии американский проф. Вин-цзит Чан (Чэн Юнцзэ): “Главная идея Конфуция состояла в создании хорошего общества, имеющего хорошее правительство и горизонтальные отношения между людьми. С этой целью он пропагандировал хорошее правительство, которое правит больше с помощью добродетели и нравственных принципов, чем наказаниями или силой. Критерием добродетели у него была справедливость, чьей противоположностью являлась выгода”¹⁴².

Тот факт, что конфуцианство рассматривало политику в категориях морали и выводила этические принципы из практического опыта людей в новое время благодаря иезуитам стал известен в Европе. Для Декарта, Лейбница, Монтескье, Вольтера, Вольфа и других европейских философов “этическое учение Конфуция было не сводом догматов, а рациональной системой, оно возникло на основе практической жизни, а не религии, хотя и не было атеистическим. Более того, в Китае не существовало расхождения между частной моралью и общественной политикой”¹⁴³.

Европейские философы нового времени находили в конфуцианском учении реализацию своего идеала — идущую от Платона концепцию философа-государя. Конфуция и Платона сближало следующее. Оба они считали, что государем должен быть самый знающий человек, который благодаря воспитанию может направлять людей на создание гармоничного государства. Но между обоими мыслителями существовало одно принципиальное расхождение. Для Конфуция стать знающим означало стать добродетельным, добродетельным мог стать любой человек благодаря учебе и самовоспитанию. В то же время для Платона добродетель сама по себе являлась знанием, она существовала объективно, стать добродетельным можно было благодаря рацио-

нальному или логическому познанию, а не с помощью интуиции, предположений, догадок или счастливого случая. Короче говоря, если Конфуций верил в управление с помощью добродетелей, то Платон — в управление с помощью знания.

Для Конфуция личная добродетель и политическая добродетель были неразделимы, управлять могли все, кто обладал добродетельными качествами, напротив, кто не имел их, управлять не мог. Человека добродетельного поведения называли благородным мужем, причем независимо от того, относился добродетельный человек к простолюдинам или семье правителя, и тот, и другой обладали одними и теми же качествами. По словам проф. Фэн Юланя, “любой благородный муж теоретически может стать государем. Однако, есть ли у него в действительности такой шанс — это несущественно”¹⁴⁴. Согласно принципам конфуцианства добродетельное поведение должно быть свойственно всем членам общества — от простолюдинов до императора, в противном случае, в семьях и во всем государстве не будет спокойной и счастливой жизни. Однако в реальной жизни поведение большинства людей не является добродетельным, поэтому они не могут не находиться в позиции управляемых и подчиняться тем, чье поведение добродетельно. Согласно идеям западной философии, все люди **рождаются равными**, с неотчуждаемыми правами. В противоположность этому конфуцианство утверждает, что у них есть **равные возможности** стать добродетельными людьми, т.е. членами правящего класса, но только немногие люди используют эту возможность и действительно становятся руководителями общества.

Воспитание добродетельных качеств обеспечивалось прежде всего благодаря школьному образованию, поскольку все учащиеся в обязательном порядке должны были изучать конфуцианские классические тексты.

Кроме того, существовала система отбора чиновников посредством экзаменов. Эта система позволяла претворять в практику конфуцианскую идею о том, что знание есть добродетель и поэтому те, кто являются знающими и добродетельными, имеют право управлять. По мнению ряда ученых, в Китае была осуществлена на практике идея Платона о философе-государе. В то же время система экзаменов служила фактором социальной мобильности, поскольку позволяла представителям различных невлиятельных семей повышать свой социальный статус.

В более общем плане широкое распространение конфуцианской этики послужило основой сохранения Китайского государства как единого культурного пространства. Китайская политическая элита выполняла роль артикулятора **всеобщей воли** всего политического сообщества, а не собирателя различных интересов его членов. Естественно, что в решении задач государственного строительства китайская политическая элита обращалась не только к конфуцианству, она опиралась также на силу и закон. Однако, как бы они не были эффективными, их использование требовало затраты многих людских и финансовых средств. В то же время применение конфуцианской идеологии “стоило” сравнительно немного, ее функции были разнообразны — она служила и кодексом правил межличного общения и критерием для подбора чиновников и основой для политического наказания и мотивацией для участия в политических действиях. Благодаря конфуцианской идеологии обеспечивалось единство сознания народа и правительства. Соединение власти и идеологии, политическая интеграция нации позволяли осуществлять любые государственные мероприятия.

По мнению китайских ученых, конфуцианские ценности не утратили своего значения и в настоящее время, особенно для стран Азии. Они могут служить про-

тивовесом двум тенденциям, явно наметившимся в развитии демократического процесса в западных странах. Первая тенденция связана с апологией индивидуальной свободы, когда расширение свободы граждан происходит без соответствующего увеличения их ответственности. По словам А.Солженицына, “защита индивидуальных прав достигла такой степени, что общество становится беззащитным перед лицом определенных людей на Западе. Пришло время, когда следует защитить не столько права, сколько обязательства”¹⁴⁵. Вторая тенденция состоит в дисбалансе между юридическими и социальными нормами. Правильные по своей сути положения о верховенстве закона, равенстве всех граждан перед законом в западных странах на практике зачастую оборачиваются забвением социальных норм, регулирующих поведение человека: “Отдельные люди могут интерпретировать свободу как право делать все, разрешенное законом, но не принимаемое обществом”¹⁴⁶. Речь идет, в частности, о противоречиях между юридическими и социальными нормами, регулирующими семейно-брачные отношения.

Культурные традиции народов Востока весьма отличаются от ценностей западной демократии, ибо они прежде всего подчеркивают роль всего общества в создании устойчивой политической системы. Конфуцианство, в частности, позволяет поддерживать равновесие между личными правами и общественными интересами. Сильная сторона конфуцианства состояла также в том, что оно было сводом этических норм, регулирующих поведение людей в обществе. Конфуций призывал правителей следовать следующим правилам: “Если Вы будете заставлять людей следовать законам и регулировать их поведение наказаниями, они будут стремиться избежать тюрьмы, но у них не будет чувства стыда. Если Вы будете заставлять людей следовать

добродетели и держать их в рамках ритуала, то у них появится чувство стыда и, кроме того, они станут добрыми”¹⁴⁷.

Очевидно, что существует определенная преемственность между традиционной и современной политической культурой. Многие китайцы, как в материковом Китае, так и на Тайване в своих социальных и политических ориентациях испытывают сильное влияние конфуцианской традиции — независимо от их знакомства с китайской конфуцианской литературой. Несмотря на социально-экономические изменения, произошедшие в китайском обществе в двадцатом веке, традиционное отношение к использованию политического и социального авторитета сохранилось. Все вращается вокруг авторитета, подобное явление американский исследователь Ричард Солонмон называет “ориентацией на социальную зависимость” (“social dependency orientation”)¹⁴⁸. Это препятствует открытости в политических отношениях, поскольку у китайцев существует боязнь нанести ущерб своим отношениям с авторитетом и одновременно спровоцировать конфликт с другими людьми. Китайская политическая культура по-прежнему предают анафеме эмоциональную напряженность, противоположность интересов и межличностную враждебность. Современные китайцы ставят коллективные интересы выше личных и по большей части в их умах не существует представления о возможности протеста против позиций лица, обладающего авторитетом, а тем более о законном характере такого протеста. Конфуцианство требует уменьшать социальную напряженность до абсолютного минимума, что позволяет назвать его “рациональной этикой”¹⁴⁹. Достижение согласия между людьми дает возможность объединять их усилия на осуществление социальных и политических задач любого

масштаба. Именно подобная ориентация конфуцианства способствовала модернизации в тайваньском обществе.

Ряд исследователей, напротив, считает, что в традиционной китайской культуре отсутствуют факторы, позволяющие осуществить модернизацию китайского общества. Американский профессор Линь Юшэн указывает в этой связи на следующее обстоятельство – в китайской политической традиции, с одной стороны, никогда не существовало институциональных ограничений для власти политического лидера, а с другой стороны, имел место приверженность многих китайцев к сильной авторитарной власти. По его мнению, это связано с тем, что в традиционном Китае не существовало идеи отделения священного от мирского, духовного от светского. “Политическая легитимность в конфуцианском Китае основывалась на идее Мандата Неба, которая определяла политику в категориях морали”¹⁵⁰. Хотя администрация, находившаяся на службе двора, имела право на использование насильственных мер по подавлению “плохих” социальных элементов и “плохих” общественных действий, тем не менее политика не понималась как процесс реализации политического господства. Идея этизации политики предотвращала возможность появления каких-либо конституционных ограничений политической власти. В китайской политической мысли не существовало представления о необходимости создания институциональных контроля и противовесов для предотвращения коррупции политической власти. Коррупцированная власть определялась как незаконная только в рамках категорий морали. Отсюда существование в истории Китая длительной традиции подачи своего рода докладных записок императору, в которых чиновники в весьма вежливой форме могли излагать свои жалобы на “несправедливые действия” высших властных структур. По мнению Лишь

Юшэна, этизация политики в Китае связана с тем, что понятия конфуцианства с самого начала обнимали собой все сферы общественных отношений, с их помощью интерпретировались как нормы и стандарты политического, социального, религиозного и этического поведения, так и социальные и политические институты. Это имело свои истоки в кровнородственных и межличных отношениях внутри китайской семьи, где всегда существовал культ рода. При таком понимании социального порядка невозможно было появление идеи о власти как о системе политического господства, требующей контроля над собой. Другими словами, в Китае политика традиционно не рассматривалась как автономная сфера деятельности.

Конфуцианство не интересовала проблема участия масс в политической деятельности. Из его положений абсолютно не вытекает необходимость парламента, политических партий и т.д. Кроме того, нельзя сводить политику исключительно к моральным императивам, поскольку это — во-первых, приводит к идеализации правительства, а во-вторых, не учитывает того, что в настоящее время правительство уже не просто выступает как орган политической власти, а является одновременно управляющим разного рода государственными делами и посредником между различными социальными слоями и профессиональными группами. Наконец, конфуцианские этические нормы были сформулированы в форме общих постулатов и поэтому их можно было интерпретировать по-разному. В истории Китая были, например, императоры, которые использовали конфуцианство для защиты своей власти, а не для совершенствования своего политического поведения. Более того, был император, который поступал как тиран, поскольку он считал свои действия доброжелательными. Конфуцианство не обеспечивает защиты прав людей.

Поэтому многие китайские ученые видят путь политической модернизации Тайваня в соединении конфуцианства с политической культурой западных стран.

Оригинальную точку зрения высказывает тайваньский ученый проф. Джозеф Ян. По его мнению, способность конфуцианства служить интересам модернизации обусловлена не какими-то особыми, только ему свойственными чертами, а его внутренне противоречивой природой. В этом отношении оно ничем не отличается от других мировоззренческих систем – индуизма, буддизма, христианства, ислама и т.п. “Если какое-либо вероучение может быть использовано для поощрения, объяснения или оправдания мира или войны, духовного совершенствования или материальных благ, то оно может быть применено и для удовлетворения требований современной науки, индустриализации и экономического развития”¹⁵¹. Политическая элита выбирает идеологические и политические принципы в зависимости от изменяющихся обстоятельств. Это относится к руководителям не только западных государств, но и социалистических стран. Достаточно обратить внимание на различие между мышлением Ленина, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, пишет проф. Ян. Если первый использовал “коммунистическую доктрину” для построения тоталитарной империи, второй – для осуществления аграрной революции, то третий – для реализации программы экономического развития и индустриализации, которая “пахнет капитализмом как в оправдании ее, так и методах”¹⁵².

Точно также обстоит дело и с конфуцианством. Если при династии Хань оно служило интересам бюрократической администрации, в период после правления династии Сун являлось идеологической опорой авторитарного правления императора, то теперь оно с успехом выполняет роль стимулятора экономического прогресса. Подобная функция конфуцианского учения

проистекает из его противоречивой природы. Р.Соломон усматривает в ней три внутренних противоречия: зависимость от иерархической власти против самоутверждения; социальные гарантии и мир против враждебности и агрессии; индивид против группы¹⁵³. Другой американский ученый Дж.Грэй находит уже семь таких противоречий: авторитарное управление против значительной независимости социальных групп; доктрина “Мандата Неба”, содержащая в себе оправдание как удержания власти, так и возможность ее свержения; существование в иерархически построенном обществе добровольных объединений эгалитарного типа; теоретическое верховенство гражданского правительства против часто встречающегося на практике господства милитаристских клик; сильное чувство культурной идентичности в соединении со слабо развитым отождествлением себя с другими соотечественниками; наряду с чувством уважения к конфуцианской элите, китайцы обычно относятся к членам действующей элиты как к коррумпированным карьеристам; безграничная власть правительства осуществляется через неформальную систему консультаций и компромиссов¹⁵⁴.

12-16 ноября 1987 г. в Тайбэе состоялась крупная международная конференция, посвященная роли конфуцианства в современном мире, в которой приняло участие 160 ученых. Естественно, что подавляющее большинство ее участников давали высокую оценку конфуцианским традициям, с оптимизмом смотрели на будущую судьбу. Открывая конференцию, видный гоминьдановский идеолог Чэнь Лифу говорил, что великий вклад Конфуция в культуру китайского народа заключается в совершении “двух великих дел” — создании учения о гуманности, человеколюбии и системы образования. Он заложил духовные основы китайской нации.

По словам проф. Вин-цзит Чана современное не обязательно означает западное, хотя очень часто рассуждают именно так. Действительно, с Запада пришло всеобщее образование, равноправие мужчины и женщины, права личности, наконец, самолеты, электричество. На этом основании в Китае после движения 4-го мая 1919 г. вовсю говорили о необходимости полного “озападнивания”. Однако современное и западное это отнюдь не одно и то же. Термин “современное” должен употребляться не под углом зрения времени, а под углом зрения ценностей. Именно под углом зрения осуществления определенных ценностей человечество вместе боролось за осуществление всеобщего образования и равноправия мужчины и женщины, распространяемые ныне на Западе наркомания, преступления, религиозные конфликты, столкновения на расовой почве — это не те ценности, к которым стремится человечество. Поэтому мы и говорим, что современное и западное — это не одно и то же. Настоящими ценностями не могут быть и модные вещи. К примеру, в настоящее время американские молодые юноши и девушки не стремятся регистрировать брак, а живут вместе просто так, такие ценности человечество также не разделяет”¹⁵⁵.

По мнению Вин-цзит Чана, достоинство конфуцианства состоит в том, что оно подчеркивает роль нравственности в регулировании отношений между людьми. Не отрицая значения правовых норм, в частности, в создании демократического общества, он в то же время выступал против их абсолютизации. В семейно-брачных отношениях, говорил американский профессор, они не могут заменить собой религиозные и воспитательные принципы. Право и мораль должны действовать вместе. И в этом отношении у конфуцианства с его сводом нравственных норм хорошие перспективы.

Вин-цзит Чан не согласен с тем, что конфуцианство якобы препятствовало развитию науки и что для того чтобы преодолеть этот недостаток необходимо рационализировать китайскую мысль, озападнить ее. Он считает, что подобная точка зрения не выдерживает критики хотя бы по той простой причине, что именно Китай является родиной таких изобретений, как компас, порох, бумага, печатное дело. Другое свидетельство — четыре китайца — нобелевские лауреаты, хотя они получили высшее образование в США, однако основы их обучения были заложены в Китае. Кроме того, если на Западе отношения между религией и наукой очень часто были несовместимыми, то в Китае этого не было, поскольку конфуцианство исповедует принцип “золотой середины”.

Наконец, конфуцианство, по мнению Вин-цзита Чана, может сыграть важную роль в упорядочении отношений человека и общества. Если западная политическая мысль подчеркивает роль демократии, понимая ее как право личности на реализацию своих интересов, не останавливаясь при этом перед конфликтом с обществом, то конфуцианство делает упор на прочность семейных отношений. Другими словами, если на Западе господствует индивидуализм, то в Китае основополагающим принципом является коллективизм. Однако Вин-цзит Чан не усматривает в этом “ущербность” конфуцианства. Он полагает, что в нем изначально присутствуют принципы, которые имеют прямое отношение к отдельному индивиду, совершенствованию личности. Прежде всего имеется в виду принцип “жэнь” — гуманность, человеколюбие, именно этот принцип делает человека человеком. Его приобретают в семье, но она состоит из многих членов и каждый из них индивидуален. Именно в семье происходит соединение коллективного и индивидуального. Следовательно, конфуци-

анство обладает как бы двумя ипостасями, которые позволяют ему и в настоящее время играть позитивную роль в обществе.

Другой видный американский ученый, профессор Теодор де-Бари в своем выступлении на конференции среди прочих также затронул вопрос о “приспособляемости” конфуцианской этики к современному капитализму. Здесь, говорил он, возникают две проблемы. Первая из них касается часто встречающейся на промышленных предприятиях в восточной Азии “конфуцианской” предрасположенности к патернализму, которую одни считают фактором, ведущим к эффективности производства, а другие средством эксплуатации. Не отрицая наличие элементов последней, де-Бари вместе с тем замечал, что часто здесь присутствует элемент вовлеченности рабочего в определенные взаимоотношения (хотя может быть это им и не осознается), чувство личной идентификации со своим предприятием и его руководством. Поскольку конфуцианство всегда придавало значение отношениям между людьми, то поэтому, очевидно, что оно может быть в какой-то степени использовано в производственном процессе.

Вторая проблема, на которую обратил внимание де-Бари, заключалась в отношении конфуцианства к выгоде, т.е. прибыли. Очень часто, говорил он, в этой связи ссылаются на слова Мэн-цзы, согласно которому благородный муж стремясь к добродетели, не занимается поисками выгоды. Однако в действительности, при тщательном изучении ранних конфуцианских трактатов, обнаруживается, что ни Мэн-цзы, ни Сюнь-цзы не рассматривали коммерцию как зло, а торговцев, как не способных на общественно-полезные дела. Нелюбовь к торговцам возникла позднее, из-за их конфликта с классом бюрократии, который не был заинтересован в свободном развитии экономики, его больше интересовал контроль над ней. Выгода как экономическая

категория признавалась конфуцианцами, если она служила интересам всей общины, а не отдельному человеку. Поскольку распределение прибыли (“выгоды”) происходило в рамках семьи, то естественно она доставалась родственникам, что затрудняло образование капитала и развитие предпринимательства.

Де-Бари подчеркивал важное значение конфуцианской концепции “благородного мужа” (“цзюнь-цзы”), поскольку она направлена на обеспечение социальной и политической стабильности. “Благородный муж”, выступавший обычно в роли руководителя того или иного уровня, нес ответственность не только перед собой, но и перед народом, поэтому для получения информации и принятия решений он обязан был проводить консультации со своими подданными. “Конфуцианцы никогда не организовывали политической партии, не осуществляли революцию и не захватывали власть. Независимо от того, является ли конфуцианство политической идеологией или нет, я не вижу ее в этой роли в нынешних обстоятельствах. Оно сможет сыграть определенную роль в деле образования...”, заключал де-Бари¹⁵⁶.

Выступление одного из участников Тайбэйской конференции 1987 г. прозвучало в какой-то степени диссонансом с общим мнением. Речь идет о проф. философского факультета Тайваньского университета Чан Ван Тоане — вьетнамце по происхождению, австрийскому гражданину по паспорту, получившему образование в Западной Европе. Соглашаясь с тезисом о кризисе, переживаемом ныне западным обществом, он однако утверждал, что это отнюдь не связано с западной культурой, а вызвано многими обстоятельствами — неправильными государственными решениями, злоупотреблением свободой, неконтролируемыми явлениями,

изменениями в социальной структуре общества и т.д. Поэтому нельзя утверждать о ложности западной культуры и звать на помощь конфуцианство.

Чан Ван Тоан был также несогласен с интерпретацией концепции М.Вебера. Немецкий ученый, говорил он, действительно развитие западного капитализма связывал с кальвинизмом, но это был не единственный, а один из факторов, кроме того, кальвинисты рассматривали труд не только как экономическое средство, но и как духовную цель. Вебер отстаивал мысль, что согласно кальвинизму быть богатым — это долг человека, но одновременно он предупреждал нас, что капитализм положит конец “оргии материализма”.

Если обратиться к конфуцианству, продолжал Чан Ван Тоан, то в нем труд часто понимается лишь как средство, а не цель. Он играет здесь второстепенную роль. Об этом свидетельствует низкое положение в социальной иерархии класса рабочих и особенно торговцев, это говорит о том, что конфуцианцы не рассматривали труд так высоко, как занятия интеллектуальной деятельностью. Поэтому утверждения о связи экономического чуда четырех драконов (Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Гонконга) с конфуцианством звучат недостаточно убедительно.

Чан Ван Тоан был прав, критикуя эмоционально окрашенные характеристики конфуцианства, требуя оставаться в рамках строгой науки, однако он был неправ, отвергая какую-либо причинно-следственную связь между экономическим чудом четырех тигров и конфуцианством. Действительно существует много факторов управленческого, технологического, исторического и т.п. характера, влияющих на экономическое развитие, однако совершается оно все-таки в определенном социокультурном контексте, который не может не оказывать на него своего воздействия. Почему, если Вебер в свое время среди других факторов появления

капитализма называл протестантизм (кальвинизм), в настоящее время нельзя указывать на конфуцианство как на причину экономических достижений стран дальневосточного региона? Будучи образом жизни населения этих стран, средоточием духовных ценностей семьи, клана оно не могло не сыграть своей роли в развитии экономики Тайваня, всего региона в целом. Об этом говорили в своих выступлениях многие участники Тайбэйской конференции. Она явилась серьезным этапом в изучении темы “Конфуцианство и современный мир”. Единственным ее недостатком явилось отсутствие ученых из КНР. В 1987 г. еще не существовало прямых контактов между китайскими учеными по обеим сторонам Тайваньского пролива.

Как известно, конфуцианство было официальной идеологией императорского Китая, отстаиваемые им социальные нормы скрепляли воедино различные части государственного и общественного механизма. Вместе с тем, существовала определенная система конфуцианства, нравственные нормы, свод положений о природе человека, его ответственности перед обществом.

Будучи официальной идеологией, конфуцианская ортодоксия делала упор на роли императора и бюрократии в целом, естественно, что при таком подходе не могло быть и речи о серьезной политической (и тем более экономической) модернизации. Одновременно успех в любой сфере общественной деятельности — будь то военная, политическая или экономическая рассматривался как успех “правильного человека”, сведущего в идеях и ценностях конфуцианства. “Добродетель”, а не профессиональное знание было основой для занятия человеком любой должности. Следовательно, идеологические факторы и политические институты препятствовали модернизации китайского общества.

В императорском Китае официальная конфуцианская идеология и конфуцианские нравственные нормы были взаимосвязаны. Однако это не значит, что они не могут существовать друг без друга. Императорский Китай и его идеология рухнули в 1911 г., однако конфуцианство как система нравственных ценностей осталась существовать при новой политической системе.

Ныне конфуцианские ценности служат росту доверия между людьми, ответственности, прилежания, усердия, бережливости и в то же самое время учат ценить производительность труда и доводить до минимума расходы. Отделенные от политических амбиций императорского строя, конфуцианские ценности вносят важный вклад в воспитание дисциплины и уважительного отношения к труду, которые столь необходимы в процессе модернизации как для предпринимателей, так и для рабочих. Для них характерны традиции трудовой аскезы, самоограничения, дисциплины, законопослушания. Конфуцианская этика утверждает положительный идеал социальной ответственности, предполагающий труд в поте лица на себя и близких, строгую деловую этику, инициативу, предприимчивость, верность поставленной цели и т.д. Поэтому в двадцатом веке система конфуцианских ценностей продолжает оставаться значительным фактором китайской политической культуры и экономических отношений китайского общества. Не соглашаясь с М.Вебером, американский исследователь Томас Метцгер пишет поэтому следующее: “Мы вспоминаем важность культурного анализа конфуцианского этоса, который проделал Макс Вебер. Его перспективный взгляд отчасти отличается от нашего подхода. Он спрашивал, почему собственное развитие Запада в XVII-XVIII вв. привело его к капитализму, а собственное развитие Китая в тот же период не при-

вело к подобному результату. Он делал следующий вывод — неудача Китая в значительной степени зависела от конфуцианского этоса и этот его вывод все еще имеет значение и сегодня, хотя его анализ этого этоса был ошибочным. Мы, однако, живем в мире, где развитие большинства обществ базируется на соединении внутренних факторов и зарубежных влияний. Поэтому мы не можем не задать вопрос: почему в этой части мира есть общества более эффективные, чем другие в решении своих проблем и в ответе на вызовы модернизации. Когда Вебер объясняет неудачу Китая, мы объясняем его успех — парадокс состоит в том, что как и он, мы делаем упор на роль местного этоса¹⁵⁷.

Многие тайваньские ученые отвергают концепцию Вебера, на том основании, что она не соответствует историческим реалиям, по их словам, он не понимал, что конфуцианство — это не религия, а моральное учение, свод этических законов для общества¹⁵⁸. Ошибка Вебера состояла в том, что он не был знаком с принципами подлинного конфуцианского учения. И в конфуцианстве можно найти связь между этикой и духом капитализма, ибо оно также содержит такие ценности, как прилежание, бережливость, новаторство, индивидуализм и извлечение выгоды.

В научной литературе обсуждается вопрос как совместить приверженность конфуцианства духу капитализма, если согласно его принципам, высшую ступень в социальной иерархии занимают интеллигенты, затем идут крестьяне, еще ниже — мастеровые, ремесленники, т.е. рабочие и, наконец, в самом низу находятся торговцы. Если принимать во внимание лишь данный момент в конфуцианском учении, то может создаться превратное впечатление о нем. Необходимо исследовать конфуцианское учение в целом, все его аспекты,

его взаимосвязь с политической и социально-экономической практикой, досконально исследовать конфуцианские тексты. Только при таком подходе можно составить истинное представление о подлинной сущности конфуцианства.

В этой связи проф. Вэй Воу обращает внимание на следующее высказывание Конфуция: “благородный муж сведущ в соблюдении долга, низкий человек сведущ в извлечении выгоды”. По мнению тайваньского ученого, слово “благородный муж” следует интерпретировать как “чиновник”, а “низкий человек” — как “простолюдин”. Тогда данное высказывание будет звучать следующим образом: “Чиновник сведущ в соблюдении долга, простолюдин сведущ в извлечении выгоды”. Более того, он считает, что только так и следует понимать данное высказывание, что традиционное истолкование неадекватно передает его смысл. Независимо от того, корректен или нет перевод Вэй Воу, в его интерпретации есть большая доля истины. Он также считает, что в течение многих столетий в конфуцианской экономической мысли господствовали идеи, искажающие его первоначальный, истинный смысл. Следовательно, по Вэй Воу, данную фразу можно понимать так — правительственные чиновники озабочены поддержанием в обществе справедливости, а обычные, простые люди думают о получении прибылей. Эти две социальные группы выполняют различные ролевые функции — служащие государственного аппарата обеспечивают в обществе справедливый социальный порядок, а народ усердно трудится, чтобы побольше заработать, тем самым развивая экономику. Имеет место своеобразное разделение труда.

Таким образом, конфуцианство подчеркивало важность для людей иметь свое собственное дело, выражаясь современным языком, заниматься бизнесом; по-

ощряло их извлекать прибыль для себя и, в конечном счете, для общества. По мнению Вэй Воу, конфуцианский капитализм напоминает теоретические построения Адама Смита, изложенные в его работе “Богатство нации”, с той только принципиальной разницей, что если у Смита экономическая рациональность оценивается с точки зрения индивида, отдельной личности, то в конфуцианстве она оценивается с точки зрения гармонии общих интересов — не только индивида, но и общества в целом. Тайваньский ученый поэтому утверждает, что конфуцианство содержит дух капитализма, схожий с тем, который есть в протестантской этике. Говоря о взаимосвязи конфуцианской культуры и экономического развития, Вэй Воу приводит в пример достижения китайских эмигрантов в странах Юго-Восточной Азии. Затем он задает примечательный вопрос — смогли ли филиппинцы, малазийцы или индонезийцы создать экономическое чудо на Тайване, в Сингапуре, Корее или Японии, если бы они эмигрировали туда? Ответ на этот вопрос будет отрицательным, говорит Вэй Воу.

Конфуцианство во многом отлично от мировых духовных традиций. Оно является частью жизненного опыта восточно-азиатских народов, не оценим его вклад в создание души Восточной Азии, развитие как индивидуальных качеств человека, так и политической организации общества¹⁵⁹. Поскольку конфуцианство многосложное и противоречивое явление, ему нельзя дать однозначную оценку. С одной стороны, оно содержит прекрасные этические ценности, обладает моральной силой убеждения, а с другой стороны, является в высшей степени политизированной идеологией.

Противоречивый характер конфуцианства позволил ему в последние десятилетия приобрести новый облик. Во-первых, его ценности уже перестали носить политизированный характер, во-вторых, оно попыталось уже в современных понятиях создать учение о том, как стать

человеком. С одной стороны, во второй половине двадцатого века приходит осознание принадлежности всех людей к единой мировой цивилизации, с другой стороны, резко возрастает интерес к собственной культурной идентичности, идет поиск культурных, языковых, этнических и даже географических истоков. Все это не может не оказать своего влияния на конфуцианство.

Новый дух конфуцианства, проявившийся в дальневосточном регионе во многом напоминает протестантскую этику, а также западную трудовую этику. Однако между ними существуют принципиальные различия по структуре и духовным тенденциям. В конфуцианстве центром всех отношений выступает “я”, оно проповедует не индивидуализм, а ответственность человека перед сущностью более высшего порядка — семьей, компанией, коллективом и государством.

Конфуцианская этика настаивает не на правах человека, а на чувстве ответственности. Она делает упор на единство общества, поиск приемлемого для каждого человека места в конкретном специфическом сообществе. Речь идет о том, что он должен принимать на себя определенные обязательства и поступать в соответствии с ними. Подобная поведенческая модель предполагает самосовершенствование человека и одновременно его добровольное самоограничение — в духовном и психологическом смысле. Единство общественного мнения достигается здесь не путем навязывания каких-либо обязательных для всех идеологических стереотипов, а путем постепенных длительных согласований, что требует существования в обществе духа сотрудничества¹⁶⁰.

Одновременно современная конфуцианская этика подчеркивает важность образования, которое понимается не как простое накопление знаний, а как закалка характера и формирование личности. Конечная цель образования — воспитание чувства ответственности и преданности великим идеалам. Центральное место в

обществе отводится правительству. Однако для того, чтобы руководить народом оно должно проводить нравственную, жизненную и творческую политику. Современное конфуцианство с уважением относится к истории, культуре и традициям, высоко ценит мудрость и информацию, приобретенные и переданные через опыт¹⁶¹.

По мнению проф. Ду Вэймина, “новое конфуцианство” смогло ответить на вызов западной культуры тем, что вобрало в себя некоторые ее идеи относительно власти, уважения личности, ее автономности, конкуренции на здоровой основе и т.д. Поэтому можно говорить о том, что “новое конфуцианство”, являющееся исторически третьей формой конфуцианства¹⁶², значительно отличается от своей первоначальной версии. Наряду с основополагающими идеями Конфуция и его продолжателей, оно содержит в себе и новые современные веяния.

Сторонников подобной точки зрения стали называть представителями нео- или новоконфуцианской школы. Они рассматривают конфуцианство как средство, могущее возродить непреходящие, извечные моральные ценности, утраченные в индустриальную и постиндустриальную эпоху. Речь, в первую очередь, идет о Тан Цзюньи, Моу Цзунсане, Сю Фугуане, Ду Вэймине и других. Их воззрения обычно квалифицируются как “неоконфуцианские”. Это – ученые, либо живущие на Тайване, либо связанные с ним. В этой связи небезынтересно отметить, что гоминьдановское правительство проводило в период модернизации политику, которую можно назвать неотрадиционалистской, поскольку оно стремилось добиться соединения ценных элементов конфуцианства с современной культурой.

Во второй половине XX в. появилось много социокультурных проблем: отчуждение человека, настроения пессимизма, нравственная деградация. На работе отношения между людьми утратили личностный характер,

дома они чувствуют себя как в клетке, господствующими тенденциями в обществе стали коммерциализация и моральный релятивизм. В этих условиях, утверждают представители современного неоконфуцианства, духовные и социальные ценности конфуцианства могут стать “созидающей” и “преобразующей силой”.

Герман Кан, автор нескольких публикаций по данной проблеме, в том числе монографии “Появление сверхдержавы Японии” (1970), считает, что “неоконфуцианские ценности” предполагают приоритет образования, необходимость знания, подчеркивание роли труда, семьи и обязательств и забвение себя. Человек настоящей конфуцианской культуры должен быть очень трудолюбивым, ответственным, искусным, амбициозным и творческим. По его мнению, “конфуцианская этика во многих отношениях превосходит западную в контексте решения задач индустриализации, обеспечения богатства и модернизации... В некоторых случаях способность к решительным и эффективным коллективным и организационным действиям и усилиям является в современном мире более важной, чем личные качества человека, хотя важно и то и другое. В неоконфуцианских обществах в высшей степени поощряется хорошо отлаженные, гармоничные человеческие отношения в коллективе. В какой-то степени это связано с иерархией, существующей в отношениях между людьми, но в еще большей степени с осознанием того, что люди дополняют друг друга. Такое понимание присуще больше конфуцианскому, чем западному обществу”¹⁶³.

В середине 70-х годов многие ученые обнаружили, что конфуцианство не только сыграло свою роль в достижении впечатляющих экономических успехов целым рядом стран и регионов Восточной Азии, но и является этической системой, могущей помочь в разрешении серьезных проблем сверхиндустриальных и атомизированных обществ, независимо от их географического местоположения.

Капиталистическая модернизация несет с собой серьезные проблемы, ведущие в известном смысле к дегуманизации человеческих отношений, происходит разрушение окружающей среды, наносится ущерб нравственному здоровью отдельного человека и общества в целом, появляются элементы дезинтеграции и отчуждения между людьми. В этой ситуации многие ученые не могли не обратить внимание на ту интегративную роль конфуцианства, которую оно играет в развитии социальной жизни восточно-азиатских стран. Конфуцианские ценности гармонии, честности, социальной взаимозависимости, самосовершенствования как средства воспитания чувства ответственности и исполнительности служат противовесом против “болезней” и “язв” модернизируемого общества. Конфуцианство позволяет человеку оставаться человеком, а человеческому обществу – человеческим обществом. Это, очевидно, связано с его гуманистическим духом. Только в случае удовлетворения своих основных биологических потребностей, человек обретает высокий уровень духовности. По словам Мэн-цзы, “пока у человека не появится своя собственность, он не будет чувствовать себя в безопасности”. Другой древнекитайский мыслитель Гуань-цзы говорил, что “только тогда, когда на складе полно пищи, люди могут думать о соблюдении ритуала”. Задача правителя поэтому состоит в том, чтобы накормить народ. Конфуцианство также призывало к справедливым и равноправным отношениям между людьми.

Некоторые авторы, в частности американский проф. Чэнь Чжуньин, центральным пунктом модернизации считают использование принципа эффективности достижения поставленной цели с затратой наименьших усилий. Институциональной формой реализации этого принципа является индустриализация, в то же время, сам этот принцип означает “приобретение естественных ресурсов посредством организованных знаний и

организованного труда людей... Модернизация должна включать непрерывные инновации и улучшение научного мастерства и технологии, что ведет к экономическому росту и улучшению качества жизни”¹⁶⁴.

В условиях модернизации не может не происходить определенного изменения, корректировки системы норм и ценностей, регулирующих отношения между людьми, в том числе в семье. Эта корректировка может происходить либо вынуждено — под давлением внешнего фактора — экономической и социальной модернизации, либо добровольно, когда люди, живущие в условиях модернизации, осознают необходимость изменений этических норм.

По мнению Чэнь Чжуньина, в процессе модернизации якобы произошло уничтожение конфуцианских этических норм, регулирующих семейные отношения. Однако это не означает, что конфуцианство не оказало никакого влияния на экономическую модернизацию. Американский ученый считает, что необходимо проводить различие между “макроэтикой” и “микроэтикой”: “Первая представляет собой метафизический взгляд на жизнь и одновременно космический взгляд, они содержат в себе или допускают этическую систему, которая может быть использована как основа веры, действия и решения, имеющих ценностную окраску. Макроэтика может стать основанием формирования политики, стимулирующей изменения, и в конечном счете фактором модернизационного процесса. С другой стороны, “микроэтика” обозначает лишь специфические нормы и правила поведения, которые отражают частную доктрину или то, что больше принадлежит отдельной человеческой общности”¹⁶⁵.

Чэн Чхуэин полагает, что именно “макроэтика”, содержащая “в высшей степени творческие и прогрессивные ориентации” способствует модернизации. Эти ориентации представлены, в частности в знаменитой китайской “Книге перемен”. Одновременно, в процес-

се модернизации происходит уничтожение специфических норм и ценностей, связанных с “микроэтикой” конфуцианства.

Точка зрения проф. Чэнь Чжунъина заслуживает внимания, однако его идея относительно того, что конфуцианские этические нормы, регулирующие межличностные отношения людей, их поведение, якобы исчезают в ходе модернизации, вызывает возражение. Подобный подход противоречит не только взглядам других специалистов, но и реальной практике. Тем более, что сам Чэнь Чжунъин признает наличие универсальных общих элементов, которые присутствуют в каждой модернизации, независимо от того, где она происходит – на Западе или на Востоке. В то же время, процесс модернизации, происходящий в каждой стране, имеет свои специфические, неповторимые черты. Поэтому, ошибка движения 4-го мая 1919 г., а в недавнее время КПК, состояла в том, что в обоих случаях в интересах модернизации отвергались собственные национальные культурные традиции. Между тем, задача состоит в том, чтобы суметь применить универсальные принципы модернизации в специфических условиях собственной страны, в данном случае Китая.

По Веберу, протестантская этика ответственности ведет к формированию духа предприимчивости и интереса к исследованиям, процесса рационализации управления и общества в целом. Протестантское понимание человека, в сочетании с западными философскими традициями, делают возможным развитие современной науки, технологии и экономики точно также, как социальный прогресс вообще. Если исходить из веберовского понимания конфуцианства, пишет Чэнь Чжунъин, то это учение должно быть признано несовместимым с модернизацией. Однако американский ученый придерживается противоположной точки зрения. Во-первых, модернизация представляет не простой механический процесс, а сложное социальное движение, в

котором участвует множество людей, каждый со своим интеллектом; во-вторых, следует избегать упрощенного представления о самом конфуцианстве. “Его взгляды на природу, человека и Небо имеют много сторон, которые могут быть одобрены, использованы и изучены для органической модернизации, соединяющей в себе конфуцианскую традицию и современную универсалистскую субкультуру экономического и технологического развития”¹⁶⁶.

По мнению Чэнь Чжуньина, это объясняется следующими обстоятельствами. Прежде всего, в центре конфуцианской этики было благополучие всего общества. Цель самосовершенствования и самовоспитания состояла в служении другим и ограничении собственных желаний и интересов, моральные нормы конфуцианства исключали стремление к материальному комфорту, для отдельного человека на первом плане стояли интересы семьи, а через нее — и всего общества. Принцип сыновней почтительности, помимо соблюдения определенных правил поведения, включал в себя как законную цель материальное обеспечение родителей со стороны сыновей. Кроме того, согласно конфуцианским трактатам правитель обязан заботиться о народе, поэтому в самой природе конфуцианства содержится мотивация модернизации — с одной стороны, государство несет ответственность за повышение материального благосостояния своих граждан, с другой стороны, у каждого человека есть долг перед семьей, который состоит в приложении усилий для обеспечения ее материального благополучия. Долг этот должен рассматриваться как служение более широкой общности, чем семья, и в конечном счете — обществу.

Поэтому, по мнению проф. Чэнь Чжуньина, влияние конфуцианства на экономическое развитие стран дальневосточного региона носит многоаспектный характер, его нельзя сводить только к “трудовой этике”¹⁶⁷.

Конечно, в процессе модернизации само конфуцианство претерпевает определенные изменения, однако они никоим образом не подвергают сомнению центральную идею конфуцианской макроэтики о единстве человека и природы, что не может не оказывать своего влияния на сам процесс модернизации.

Существуют три свидетельства, говорящих о том, что конфуцианство может работать и сегодня, пишут тайваньские ученые Хуан Цюньчжи и У Куанмин. — Во-первых, технологическое взаимодействие мирового сообщества и нас самих с природой подтверждает (через экологические бедствия) конфуцианскую точку зрения о том, что мы можем процветать лишь вместе — люди, общество, природа. Игнорирование **этого** факта ведет к неизбежной гибели. Во-вторых, сегодня значительно меньше неверного истолкования и искажения конфуцианства, чем во времена закрытого общества, что стало возможным благодаря свободному и открытому потоку информации и международной торговли. В-третьих, в настоящее время меньше возможностей для постиндустриального тоталитаризма снизойти для использования в своих целях “вышедшего из моды дискредитированного конфуцианства”¹⁶⁸. По мнению проф. Хуана и У конфуцианство способно разрешить проблемы, вызванные вступлением Тайваня в постиндустриальную стадию развития: загрязнение окружающей среды, превращение человека в придаток машины или экономического механизма, разгул насилия и другие социальные болезни. Это связано с тем, что конфуцианство является как этико-политической доктриной, так и космологической системой, содержащей правильные ориентиры для взаимопонимания человека с природой (“небом” и “землей”).

ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ В МАТЕРИКОВОМ КИТАЕ И НА ТАЙВАНЕ

(сравнительный анализ)

Исторически сложилось так, что модернизация тайваньского общества проходила в одно и то же время, что и социально-экономические преобразования в материковом Китае¹⁶⁹. Поэтому, есть смысл сопоставить оба процесса модернизации, поскольку речь идет в сущности об изменениях, происходивших на территориях, где проживает один и тот же этнос, разделенный лишь идейно-политическими различиями¹⁷⁰.

Прежде всего следует указать на целый ряд общих моментов, объединяющих модернизационные процессы в обеих частях большого Китая¹⁷¹.

Во-первых, в обоих случаях преобразования начались сверху и осуществлялись они в **условиях однопартийного авторитарного режима**. Подобное обстоятельство несомненно создавало благоприятные возможности для осуществления модернизации, особенно на ее первом этапе, когда требуется максимальная концентрация экономических и политических средств на решение первоочередных задач. Эти возможности были прекрасно использованы руководством ГМД; напротив, руководство КПК не смогло воспользоваться ими, избрав в 50-ые годы советскую модель развития, а в 60-70-ые го-

ды — маоистскую концепцию социализма. Только значительно позднее, на рубеже 70-80-ых годов в материковом Китае начинается полномасштабная модернизация.

Во-вторых, наличие в обоих случаях **единой для всего общества государственной политической идеологии** — на материке коммунистической, на Тайване — трех народных принципов. Единые идеологические установки позволяли обеспечивать эффективное политическое руководство процессом модернизации. Особенно это важно для материкового Китая.

В-третьих, в обоих случаях главное внимание уделялось экономической модернизации, преобразованиям в сфере политических отношений отводилось второстепенное место либо они вообще не проводились, как это имело место в материковом Китае.

В-четвертых, государственное регулирование развития экономики. Участие правительства в решении народнохозяйственных и социальных задач, включая вопросы образования и культуры, позволило избежать анархии производства, дезинтеграционных процессов, чрезмерной траты людских и материальных ресурсов, и в конечном счете, обеспечить структурную перестройку промышленности и сельского хозяйства.

В-пятых, в обоих случаях важную роль в осуществлении модернизации играли высшие руководители — Чан Кайши и позднее Цзян Цзинго и Дэн Сяопин. Если бы не их непреклонная решимость осуществить задуманное, личное участие в выработке принципиальных решений и претворении их в жизнь, то намеченные социально-экономические перемены могли и не состояться.

Вместе с тем между двумя модернизациями существуют принципиальные различия, одно из которых является определяющим. В отличие от материкового

Китайская экономическая модель тайваньского общества представляла собой смешанную экономику, где наряду с государственной и кооперативной собственностью существовала и частная, причем по мере углубления процесса модернизации ее роль стала доминирующей.

Другое принципиальное различие состоит в том, что на материке в отличие от Тайваня, вплоть до недавнего времени отрицали роль культурных традиций в модернизации общества. Очевидно, что несмотря на отрицательное отношение к ним со стороны официальных властей под предлогом их феодального характера, они продолжали сохранять свое влияние в китайском обществе и после 1949 г. В последние годы, явно под влиянием достижений стран и районов дальневосточного региона, в КНР заговорили о необходимости использования конфуцианских традиций для развития страны.

Однако, по нашему мнению, пока эти рассуждения носят скорее пропагандистский характер и более рассчитаны на внешний мир, чем на внутреннее употребление. В пользу такого понимания свидетельствует тот факт, что фактически не рассматриваются вопросы, связанные с использованием конфуцианских традиций на производстве, в управлении, семейных и вообще межличных отношениях. Пока речь ограничивается либо суждениями общего характера — о важности использования конфуцианства в современном обществе для процесса модернизации и т.п., либо рассмотрением конфуцианской философской этико-политической традиции и отысканием в ней позитивных элементов.

Конкретный разговор о роли конфуцианских и культурных традиций в современном китайском обществе требует постановки проблемы о соотношении марксизма и конфуцианства — либо конфуцианизации (китайского) марксизма, либо марксизации конфуцианства¹⁷².

Синтез конфуцианства и марксизма вполне возможен, учитывая совпадение некоторых их идейных установок — например, об авторитете власти правителя (руководителя), определенная регламентация общественных и семейных отношений. Нам представляется, что подобный синтез будет происходить “явочным порядком”, без принципиального провозглашения такого курса. В настоящее время руководство КПК еще не готово к тому, чтобы официально объявить о смене идеологических доктрин, хотя фактически оно уже много сделало в этом отношении.

Еще одно различие между Тайванем и материковым Китаем, появившееся в результате модернизации, связано с изменением их менталитета, личностных характеристик.

По мнению тайваньских ученых, в процессе модернизации возникли существенные различия между социо-психологическими типами китайцев, живущих в различных частях большого Китая. Таких различий четыре. **Первое** — материковые китайцы более консервативны, уравновешены, прозрачны, более склонны следовать привычкам, принятым правилами поведения, полагаться на уже существующие представления, в случае какой-либо опасности они не склонны что-либо предпринимать и лишь приспособливаются к обстоятельствам.

Что касается тайваньских китайцев, то поскольку их предки жили в приморских районах Китая, они более склонны к авантюрам, поиску приключений, не боятся трудностей. В общем, если материковые китайцы в значительной степени приверженцы общепринятого, то тайваньцы, напротив, стремятся к изменениям, новациям. Именно данное обстоятельство позволило осуществить модернизацию различных сфер тайваньского общества.

Второе — на материке отношения между людьми по-прежнему, в основном, строятся в зависимости от их семейной принадлежности, имущественного и социального положения. На Тайване также обращают внимание на подобные вещи, однако их роль постепенно уменьшается, все большее значение приобретает не принадлежность к определенной семье, а собственные способности и заслуги человека. Особенно это характерно для молодого поколения тайваньцев. В результате происходит переоценка ценностей, отказ от многих предвставлений, прежде казавшихся незыблемыми. Это способствует процессу политической демократизации тайваньского общества.

Третье — поскольку на материке широкое распространение получила практика “особых прав”, например “прав членов компартии на определенные привилегии”, то в плоть и кровь тамошних китайцев вошло стремление к обладанию такими же правами. Если они и выступают против “особых прав”, то не потому, что они вообще против них, а потому что они сами лишены их. Наличие “особых прав” ведет к появлению коррупции, нравственному разложению, однако в условиях коммунистического Китая борьба против подобных явлений ведется лишь в рамках “упорядочения стиля” внутри партии, или соответствия тех или иных действий Уставу КПК.

На Тайване также имеют место такие противозаконные явления как “особые права”, “блат” и тому подобные явления, однако возможностей для их возникновения становится все меньше, ибо на острове все более утверждается правовое государство, которое принимает различные юридические меры для их искоренения и предотвращения. Другим фактором, препятствующим их возникновению становится рост самосознания масс.

Четвертое — материковый Китай представляет собой политизированное общество, где господствуют отношения политического господства и подчинения, все общественные изменения обусловлены политическими факторами. Экономический рост, связанный с новой политикой КПК, не привел к появлению гражданского общества, оно находится в зародышевом состоянии — до сих пор нет современной системы юридических норм, отсутствует независимость средств массовой информации и т.д.

В то же время на Тайване сформировалось гражданское общество, здесь политика уже не играет в обществе самодовлеющей роли¹⁷³.

Если сравнивать конкретные результаты, итоги модернизации в двух частях большого Китая, то достижения Тайваня выглядят более впечатляющими.

В работах многих тайваньских авторов имеет место противопоставление тайваньского опыта модернизации социально-экономическим преобразованиям, осуществленным в материковом Китае после 1978 г. Критика идет по следующим направлениям. Во-первых, курс КПК на осуществление “четырёх модернизаций” объявляется односторонним, поскольку в нем якобы главное внимание уделяется повышению материального уровня населения, предаются забвению вопросы духовного, интеллектуального преобразования людей, повышения их образовательного уровня. В результате в сознании многих китайцев прочно укоренились идеи меркантилизма, “погони за золотым тельцом”, в обществе начинают доминировать настроения о никчемности образования, стремление побольше заработать, свидетельство тому тот факт, что только в 1990 г. по официальным данным почти три миллиона учащихся бросило школу, чтобы пойти на производство или в торговлю¹⁷⁴. В сфере образования на материке вообще существуют серьезные проблемы: неодинаковые возможности для по-

лучения образования; большой разрыв количества школ в городах и сельских районах; низкий уровень подготовки учителей; их невысокий социальный статус; недостаточное количество средств, выделяемых на образование; отрицательное влияние на подготовку учащихся открытие при школах небольших промышленных предприятий; уход учащихся из школ и др.

Многие учебные заведения различного уровня из-за отсутствия средств слишком много внимания уделяют предпринимательской деятельности, что неизбежно сказывается на качестве обучения.

Объем средств, выделяемых на Тайване на образование, определяется его Конституцией, согласно которой в бюджете центрального правительства он не может быть меньше 15%; провинциального – не меньше 25%, уездных и городских – не меньше 35%. Расходы правительства Тайваня на образование составляют 7% национального валового продукта, в то время как на материке они не достигают 3% (для сравнения, в США они равны 5,8%, Франции – 5,5%, Англии – 4,9%, а в Японии – 4,7%), ежегодные расходы на образование в тайваньском бюджете составляют 17%, в то время как на материке они не достигают 10% (для сравнения, в США они равны 18,2%, Франции – 18%, Англии – 21%, Японии – 16,2%)¹⁷⁵.

Благодаря всеохватывающей и демократически организованной системе образования практически каждый тайванец имеет возможность получить то образование, которое ему нужно, 99,5% подростков охвачены обязательным девятилетним образованием, неграмотные составляют только 6% населения¹⁷⁶, ставится задача снизить его до уровня развитых стран, т.е. до 2%. Для сравнения можно упомянуть, что в материковом Китае число неграмотных составляет 180 млн. человек, что состав-

ляет почти 20%. На Тайване учителя, преподаватели имеют высокий социальный статус, что связано с уважительным отношением к интеллигенции вообще.

Во-вторых, ссылаясь на приверженность руководства КНР социалистическим идеалам, тайваньские авторы утверждают, что модернизация на материке носит половинчатый характер, не охватывает все сферы общественной жизни. По их словам, выдвигая лозунг “построения социализма с китайской спецификой”, коммунистические руководители поступают точно также как участники движения “самоусиления”, которые отстаивали идею “китайское учение – основа, западное учение – функция”¹⁷⁷.

В течение почти тридцати лет, вплоть до начала 1979 г., КПК придерживалась ортодоксальных марксистских взглядов: основа экономической системы – государственная собственность, недопущение частной собственности, плановый характер ведения народного хозяйства.

После прихода к власти Дэн Сяопина и принятия под его влиянием нового курса КПК в области экономики происходят серьезные изменения. Однако, по мнению тайваньских политиков и экономистов, доктрина “социализм с китайской спецификой” еще не дает оснований говорить об отказе КПК от основ марксистского учения. Государственная собственность по-прежнему остается основой экономической системы, допущение частного сектора носит ограниченный характер, его деятельность строго контролируется плановыми органами, он как бы служит довеском к плановой социалистической экономике.

Нельзя не отметить, что рассуждения тайваньских ученых несут определенную идеологическую окраску. Они справедливо указывают на принципиальные изъяны экономического учения марксизма, ошибки КПК в осуществлении экономической политики до 1979 г.,

серьезные проблемы, существующие в настоящее время — после перехода к новому курсу. К ним относятся убыточность более чем одной трети государственных предприятий; большой разрыв в доходах городского и сельского населения — в 1993 г. их соотношение было 100:39,4; резкое имущественное расслоение вплоть до появления двух полюсов — богатства и нищеты; широкий размах преступности, появление бандитских группировок; большая армия безработных — если в 1992 г. их доля от общего числа городского населения составляла 2,4%, в 1993 г. — 2,6%, то в 1995 г. — уже 3%. По официальным данным в городах насчитывается 5 млн. безработных, в то время как по подсчетам некоторых ученых — 18 млн. человек¹⁷⁸.

Однако тайваньские ученые не учитывают нескольких принципиальных моментов: во-первых, тот факт, что под руководством Дэн Сяопина КПК совершила резкий поворот в своей социально-экономической политике, уже само по себе говорит о многом. В сущности, на практике произошел отказ от принципиальных марксистских постулатов, они остались лишь в идеологии, пропаганде, ожидать другого нельзя, учитывая политическую историю Китая и КПК. Главное состоит в том, что в настоящее время суть политики КПК можно охарактеризовать одним словом — прагматизм¹⁷⁹. Не следует забывать о том, что сами гоминьдановские теоретики проповедуют постепенный эволюционный путь развития, поскольку он позволяет при осуществлении реформ избежать социальных потрясений. Именно таким путем шла модернизация тайваньского общества. Тем более это верно по отношению к материковому Китаю, который по своим параметрам, хотя бы населению, несравним с Тайванем. Здесь реформы должны осуществляться особенно осмотрительно. Поэтому, критика коммунистов, например, за то, что они не передают землю в частное пользование, не имеет под собой

серьезных оснований. В настоящее время в Китае существует острая нехватка пахотных земель, поэтому, если она будет передана в частное владение в стране образуется огромный излишек трудовых ресурсов. Уже сейчас после введения системы семейной, подворовой ответственности, когда земля передается в пользование семьи или двора, появилось значительное количество незанятой рабочей силы, что представляет серьезную проблему для местной и центральной властей. По нашему мнению, если бы в материковом Китае имелся излишек пахотных земель, руководство КПК пошло бы на введение института частной собственности на землю. Поэтому дело не в отсутствии желания или приверженности идеологическим догмам, а в учете реальной ситуации.

Точно также трудно согласиться с пафосом критических суждений тайваньской печати о жизненном уровне населения материкового Китая. Действительно, в настоящее время бедными являются свыше 80% китайцев, живущих в КНР, они потребляют в год не более 200 кг зерна, главным образом риса¹⁸⁰. Однако, отмечая данное обстоятельство, нельзя не учитывать тот стартовый уровень, с которого начиналась экономическая реформа в начале 1979 г.

На наш взгляд, курс руководства КПК и прежде всего Дэн Сяопина и его окружения на модернизацию китайского общества в целом является продуманным, учитывающим исторические традиции Китая, уровень его современного социального развития. При принятии тех или иных решений Дэн Сяопин руководствуется не какими-либо идеологическими догмами, а прежде всего и главным образом национальными интересами Китая. Он действует по принципу – “То, что хорошо для Китая, хорошо и для марксизма” (Мао Цзэдун зачастую поступал наоборот – “то, что хорошо для марксизма, хорошо и для Китая”, точно также как извест-

но, поступали и руководители КПСС, начиная от Ленина и кончая Горбачевым — “то, что хорошо для марксизма, хорошо и для Советского Союза”).

Руководство КПК постоянно декларирует свою приверженность “четырем основным принципам”. Они означают следующее: “твердо придерживаться социалистического пути, твердо придерживаться диктатуры пролетариата, т.е. демократической диктатуры народа, твердо придерживаться руководства со стороны партии, твердо придерживаться марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна”.

Вышеперечисленные принципы присутствуют во всех официальных документах общегосударственного и общепартийного значения, выступлениях руководителей партийных и правительственных органов различного уровня и, конечно, пропаганде. Однако практика модернизации китайского общества вошла в противоречие с этими принципами. Речь прежде всего идет о социалистическом пути развития. Социально-экономический строй нынешнего Китая имеет мало общего с тем, что в течение десятилетий понимали под социализмом идеологи марксизма. Достаточно назвать существование мощного частного сектора хозяйствования в промышленности, сельском хозяйстве, сфере обслуживания. Тот факт, что в ходе перестройки в Советском Союзе (1985-1991 гг.) частная собственность фактически так и не получила законного права на легальное существование, говорит о том, насколько решительно руководство КПК отказалось от догм ортодоксального марксизма. Поэтому постоянное присутствие слова “социализм” в официальных текстах и обыденной речи имеет характер театра идеологем.

Для того, чтобы не вызывать ненужной идеологической сумятицы, этот отказ облачается в благозвучные формулы вроде “творческого развития марксизма”, “развития марксизма с учетом конкретных условий

Китай”, “социалистическая рыночная экономика” и т.д. Однако суть проводимой в материковом Китае политики не становится от этого социалистической.

Точно также обстоит дело и с политическим режимом. Он вполне напоминает режим, существовавший и существующий в различных странах мира, которые отнюдь нельзя назвать социалистическими. Власть в Китае, как и в любой другой стране, в том числе считающейся демократической, принадлежит политической элите, организационной формой которой в данном случае является Коммунистическая партия. Но партия эта уже не является коммунистической в общепринятом смысле слова. Ее идеологической основой является не “интернациональное учение марксизма-ленинизма”, а идейно-политические установки Дэн Сяопина.

Китайская пропаганда постоянно подчеркивает преемственную связь между Дэн Сяопином и Мао Цзэ-дунем. Однако, на наш взгляд, их представления о будущем китайском обществе отличаются принципиальным образом. Мао Цзэ-дун был во власти ортодоксальных, сталинских догм. Что же касается Дэн Сяопина, то его представления формировались под влиянием негативного опыта “большого скачка” и “культурной революции”. Очевидно и то, что Дэн Сяопин пришел к своей модели общественного развития для Китая в результате осмысления опыта модернизации других стран и регионов Восточной Азии, в том числе Тайваня — независимо от того, говорил он об этом или нет. Печальный опыт развития маоцзэдуновских экспериментов убедил Дэн Сяопина в пагубности избранного Китаем пути, достижения “четырёх драконов” дали возможность осознать новые перспективы в случае изменения курса.

Прежде всего Дэн Сяопин понял, что в такой стране как Китай — ключ к решению всех внутренних проблем лежит в деревне, поэтому свои реформы он начал

со структурных преобразований в сельском хозяйстве. Далее, Дэн Сяопин решительно пошел на открытие Китая для внешнего мира, развитие широких экономических, торговых, научных связей с другими странами, прежде всего – США, Японией, Западной Европой. Наконец, Дэн Сяопин осознал **органические пороки** советской модели общественного развития, он отказался от тех мифов, которым поклонялся Мао Цзэ-дун – тот боролся против Советского Союза не только по национальным причинам, но и потому, что его руководители якобы изменили принципам социализма, вступили на путь ревизионизма. Что же касается Дэн Сяопина, то тот отказался от советской модели не по идейно-политическим, а по чисто прагматистским, экономическим мотивам – все страны, избравшие ее, неизбежно оказывались в кризисном состоянии.

Представления Мао Цзэ-дуна о социализме были на уровне примитивного истолкования сталинских формул, именно Дэн Сяопин выдвинул концепцию “китайского пути к социализму”, осуществление которой позволило преодолеть кризисные явления в экономике и вступить на путь устойчивого развития. Набор постулатов, составляющих эту концепцию, на первый взгляд, весьма прост:

- освобождение мышления от пут догматизма; практика – критерий истины;

- в строительстве социализма следует придерживаться собственного пути, исходить из национальных особенностей Китая;

- отсталость Китая в экономическом и культурном отношении требует весьма продолжительного, длительного периода развития;

- центральный вопрос реформы всех общественных отношений – это развитие экономики, производительных сил;

– центральное противоречие современного этапа развития — не классовая борьба, а низкий уровень развития производительных сил;

– особый упор на развитие науки и техники;

– реформа невозможна без осуществления политики открытости для внешнего мира;

– использование форм и методов управления экономикой, характерных для капиталистического общества, не есть следование по капиталистическому пути;

– через зажиточность части населения и районов к зажиточности всех;

– существование при социализме рыночной экономики — нормальное, закономерное явление, не есть что-то противоестественное;

– необходимость создания специальных экономических зон как средства привлечения иностранного капитала, техники и технологии.

В настоящее время подобные постулаты даже в самом Китае кажутся банальными истинами, однако еще десять лет назад их реализация проходила в обстановке ожесточенной идеологической борьбы. Освобождение мышления китайской интеллигенции, в том числе партийной, от оков маоистской идеологии проходило с большими трудностями и напоминало зигзагообразное движение. Десятилетие пропаганды догматических, иррационалистических формулировок не могли не оказать своего глубочайшего влияния на формирование стереотипов массового сознания.

Теперь, в конце XX века можно с уверенностью утверждать, что Китай уже преодолел опасность возвращения к “маоистскому социализму”, хотя Дэн Сяопин до конца своих дней был обеспокоен такой возможностью. Он постоянно напоминал, что главная опасность для современного Китая — “левая”, а отнюдь не “правая”. Очевидно, что в концепции социализма с

китайской спецификой нет ничего чисто социалистического, подобные идеи вполне могут составлять программу модернизации любой отсталой развивающейся страны.

Доказательством приверженности Китая социалистическому пути развития не может служить и руководящая роль Коммунистической партии. Во-первых, марксизм-ленинизм в его ортодоксальной истинной интерпретации уже не является ее идеологией, ее теоретическая основа – идеи социализма с китайской спецификой. Во-вторых, что не менее важно, во многих странах и регионах с однотипной социально-экономической структурой процесс модернизации общества осуществляла либо партия, либо во многом похожая на нее структура. Другими словами, экстремальные социальные условия требуют руководящей политической силы, неважно какое она будет иметь название – коммунистическая партия, национальная партия, совет национального спасения, революционный совет и т.п. Функционирование западной парламентской системы в подобных условиях невозможно. Об этом убедительно свидетельствует опыт самого Тайваня. Залогом модернизации, ее необходимым важнейшим условием является политическая стабильность, которую трудно и почти невозможно обеспечить в условиях демократической западной политической системы.

Дэн Сяопин – великий **китайский** политик, его абсолютно не интересовали марксистские догмы, и если он продолжал ссылаться на них, то это объясняется тем, что он являлся руководителем партии, называющей себя коммунистической, и страны, называющей себя социалистической. Мы подчеркиваем данное обстоятельство, поскольку КПК давно уже не является коммунистической партией, а Китай – социалистической страной в общепринятом смысле этих слов. Достаточно вспомнить соответствующие положения из работ классиков

марксизма — Маркса, Энгельса и Ленина. Классическими социалистическими странами можно скорее назвать Северную Корею и Кубу.

Дэн Сяопин неслучайно выдвинул концепцию “социализма с китайской спецификой”. Она позволила ему, со ссылками на особые условия Китая, оправдывать любые теоретические положения, политические установки и практические мероприятия, несовместимые с марксизмом. Достаточно указать, например, на следующие положения, установки и мероприятия — интеллигенция как часть рабочего класса¹⁸¹; право крестьян на пользование землей; признание частной собственности равноправной юридической формой собственности; создание смешанных (с иностранным капиталом) предприятий, а также специальных экономических зон. В западных странах и на Тайване руководство Коммунистического Китая подвергается резкой критике за “жесткий идеологический и политический диктат” по отношению к населению страны. Во-первых, идеологический диктат уже не является таким жестким, каким он был еще десять или пять лет назад. Фактически интеллигенция, а именно ее больше всего волнует этот вопрос, заключила как бы негласное соглашение с правящим режимом — она не ставит под сомнение его право на власть, а режим не препятствует ей заниматься научными исследованиями, культурной деятельностью в желательном для себя направлении. Конечно, определенные идеологические запреты еще существуют, но в большинстве своем они имеют отношение к нормам нравственности.

Что касается политического строя, существующего ныне на материке, то он, конечно, является авторитарным. Однако именно он адекватен нынешним социокультурным условиям Китая, в случае быстрой политической демократизации материкового Китая его ожидает хаос, дезинтеграция и даже гражданская война и развал.

Сошлемся в этой связи на события на площади Тяньаньмынь в мае-июне 1989 г. Как известно, она стала в то время центром демократического движения студентов. Во время подавления властями этого движения среди участников были сотни убитых и раненых. В ходе “очистки” площади от студентов, среди пострадавших оказались и военнослужащие, хотя потери армии были, конечно, неизмеримо меньше, чем количество жертв среди мирного населения. Характер ранений, увечий на телах погибших солдат, свидетельствует о том, что в событиях на площади Тяньаньмынь принимали участие не только студенты, но и люмпинизированные элементы. Об этом говорят и свидетельства очевидцев. Впрочем, это по-видимому, особенность любого революционного движения.

По нашему глубокому убеждению, и в материковом Китае, также как это имеет место сейчас на Тайване, появится демократическое общество со всеми его атрибутами. Однако для его формирования потребуется не одно десятилетие. В настоящее же время в материковом Китае нет для этого необходимых условий — всеобщей грамотности населения, развитой политической культуры, достаточного количества членов политической элиты и т.д.

В заключении, возвращаясь к вопросу о типологической характеристике материкового Китая и соответственно Тайваня, мы хотим подчеркнуть, что классификация стран на социалистические и капиталистические, особенно применительно к странам Азии, вообще неприемлема. Во всяком случае, о тайваньском обществе можно говорить как о постиндустриальном, а об обществе, существующем в материковом Китае, — как о переходном к индустриальному.

Вместо заключения

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА ТАЙВАНЬСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Процесс модернизации Тайваня привел к появлению на острове сбалансированной в основных параметрах социально-экономической структуры, которая в состоянии выдержать любые внутренние потрясения. Гоминьдановская администрация сумела создать общество свободной конкуренции и частной собственности с сильными социальными гарантиями для различных слоев населения и одновременно утвердить основные принципы политической демократии — многопартийность, свободные выборы, обеспечение прав и свобод граждан и т.п.

Даже если ГМД утратит на острове свою руководящую политическую роль и на смену ему придут другая партия или коалиция партий, существующий ныне социально-экономический строй не сможет претерпеть каких-либо принципиальных изменений. Создание правового государства и идущий процесс формирования гражданского общества служат гарантиями от возможности изменения существующего строя насильственным путем. Дело в том, что народ Тайваня уже привык жить в подобном обществе и не мыслит себе возвращения к авторитарному режиму любой ориентации — будь то

гоминьдановской или коммунистической. Ситуация на острове может измениться только в одном случае — если произойдет вооруженное вторжение с материка.

Опыт тайваньской модернизации дает богатую пищу для размышлений. Первая особенность этой модернизации, имеющая всеобщий характер, состояла в том, что на первых ее этапах развитие всеобщей системы связей через механизм товарно-денежных отношений, национальный рынок не сопровождалось установлением господства закона, созданием правового государства и гражданского общества, формированием институтов плюралистической демократии. Политическая демократизация началась только после того, как для этого были созданы соответствующие экономические условия.

Вторая особенность тайваньской модернизации общего характера состояла в том, что здесь идея развития соединяется с собственным социокультурным комплексом, именно он служит духовной основой модернизации. Можно говорить о том, что для многих, если не для большинства тайваньцев референтной группой являлись американцы, ибо последние были для них тем, чей образ жизни и поведение они хотели усвоить, заимствовать. Очевидно влияние американской, западной культуры на тайваньское общество. Это проявляется не только в экономических и политических реалиях, но и в питании, одежде, архитектуре, литературе. Тайваньцы восприняли многие западные стандарты поведения, но тем не менее они не утратили и своих национальных особенностей.

Автору этих строк неоднократно приходилось наблюдать на Тайване следующее. Молодые люди (до сорока лет), получившие высшее образование или ученые степени на Западе, в своих общественно-политических пристрастиях следуют западным демократическим ценностям. Однако в своей личной, семейной жизни они

строго соблюдают нормы поведения, характерные для китайского этоса — глубокое уважение к родителям, старшим по возрасту, родственникам. В этой сфере общественной жизни тайванцев нет места индивидуализму.

В свете исторического опыта модернизации Тайваня и всего дальневосточного региона становится очевидным необходимость переосмысления некоторых принципиальных положений теории модернизации. В частности, о взаимосвязи модернизационных процессов с традиционными ценностями, возникает вопрос — справедливо ли утверждение, что они, эти ценности, или какая-то часть из них абсолютно всегда препятствуют социальному и культурному развитию? Как показывает исторический опыт Тайваня модернизация допускает сохранение различных форм самобытности, из него вытекает признание самоценности культурного разнообразия мира.

Нельзя поэтому не согласиться с А.С.Панариным, когда он пишет: “Стратегия модернизации состоит не в том, чтобы заменить устаревшие модели какой-то единственно верной и эффективной ... Модернизация состоит в переходе от монологического типа личности, верующей в одновариантные решения, к личности “на рубеже культур”, мобилизующей множество типов культурного опыта”¹⁸².

Успешная модернизация тайваньского общества является весомым аргументом в сторону переориентации нашего общества с западной модели развития на азиатскую.

Опыт тайваньской модернизации позволяет сделать ряд принципиальных выводов относительно универсальных моментов, можно даже сказать законов, которые обеспечивают успех социально-экономических преобразований в любой стране, переходящей от авторитарного режима к демократическому обществу.

Во-первых, необходима стратегия развития, рассчитанная на перспективу, длительный период; недопустимы какие-либо импровизации, возможны лишь определенные изменения в планах с учетом меняющихся обстоятельств.

Во-вторых, те, кто осуществляет модернизацию должны руководствоваться общенациональными, государственными интересами, а не своими политическими амбициями или сиюминутными соображениями.

В-третьих, при решении экономических проблем следует непременно осуществлять следующие мероприятия:

- реформа сельского хозяйства;
- развитие экспортных отраслей промышленности;
- проведение протекционистской политики.

В-четвертых, необходимо государственное регулирование экономики.

В-пятых, плюрализм мнений по различным вопросам политической и экономической жизни страны отнюдь не исключает необходимость существования единой государственной идеологии или, во всяком случае, некоторых общеобязательных идеологических установок.

В-шестых, необходимо обеспечение в обществе своего рода “нравственного здоровья” путем соблюдения его членами ряда общеобязательных норм поведения.

В-седьмых, желательно существование политической партии, могущей взять на себя задачи модернизации общества.

В-восьмых, обязательно обращение к лучшим отечественным духовным традициям.

В свете вышесказанного становятся очевидными причины неудачи модернизационного процесса в советском, а затем и российском обществе. У руководителей Советского Союза в 1985-1991 гг. отсутствовало что-либо похожее на стратегию реформирования совет-

ского государства. Они не представляли ни объема задач, ни их первоочередности, ни перспектив развития. Если и было подобие планов, то они напоминали скорее нереальные прожекты или прекраснодушные утопии. Политическое мышление “творцов перестройки” оказалось не на уровне выдвигаемых ею задач.

Точно также обстоит дело и с высшим слоем нынешней российской политической элиты. Входящие в него лица, как правило, руководствуются не государственными интересами России, соображениями ее национальной безопасности, а своими личными амбициями — независимо от того, как они артикулируют свои намерения. Яркие тому примеры — форма роспуска Советского Союза и события в Чечне и вокруг нее.

В 1985-1998 гг. советское, а затем российское руководство оказываются не в состоянии предугадать ход событий, воздействовать на них, они, образно говоря, “плывут по течению”, их действия являются не заранее продуманными и спланированными, а спонтанной реакцией на возникающие политические, социальные и экономические проблемы.

Крах коммунистической идеологии привел к появлению в обществе множества идейных течений, зачастую спекулятивного плана, не имеющих никакого отношения к российской действительности. Российское руководство не смогло предложить населению своей страны никакой цельной идеологии модернизации. Более того, сразу после августа 1991 г. со стороны части его членов были предприняты агрессивные попытки против отечественного духовного наследия. Критицизм, нигилистическое отношение к большинству, если не ко всем традициям прошлого сопровождалось культивированием в средствах массовой информации духа аморализма и безверия.

Начиная с 1992 г., фактически не существует государственного регулирования развития промышленности и сельского хозяйства, производство сельхозпродуктов вообще переживает период стагнации, не используются меры протекционистского характера для защиты отечественных товаропроизводителей, не поощряются экспортные отрасли промышленности и т.п. Заигрывание российского руководства в целях сохранения своей власти с региональными элитами поощряет сепаратизм. В настоящее время Россия переживает глубочайший кризис во всех сферах общественной жизни, она находится на крае пропасти, в обозримом будущем ей угрожает распад.

Модернизация российского общества возможна только в случае отказа от американской модели развития и использования опыта стран и районов дальневосточного региона, в частности Тайваня. Прежде всего, в самое ближайшее время необходима выработка идеологических основ модернизации, вместо набивших оскомину призывов к отказу от коммунистической идеологии следует определить основные идеологические ориентиры развития российского общества, граждане России должны, наконец, узнать-таки будущее их страны, точнее говоря, на каких основах — политических, идеологических, экономических должно строиться российское государство. Кроме того, необходимо скорейшее формирование стратегии модернизации на ближайшие годы и перспективу.

Только в таком случае может появиться возможность выхода России из нынешнего кризиса.

Примечания

- ¹ Более подробно об истории формирования и эволюции теории модернизации см.: *Б.С.Старостин*. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М., 1995. С. 8-21.
- ² Там же. С. 16-19.
- ³ Там же. С. 120.
- ⁴ См.: Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С. 175.
- ⁵ См.: *Чжао Цзянмин*. Развитие образования на Тайване и модернизированное общество // Образование. Фундамент Тайваньского опыта. Тайбэй, 1995. С. 45-48 (на кит. яз.).
- ⁶ См.: *Peter Kyn-yu Woo*. The Modernization of Confucianism – A Discussion on the Cultural Change from Consanguineous Feeling to District Concern // Confucianism and Modernization. A Symposium. Taipei, 1987. P. 112.
- ⁷ См.: *Gabriel A. Almond and James S.Coleman*. eds. The Politics of the Developing Areas. Princeton, 1960.
- ⁸ См.: *Karl W.Deutsch* “Social Mobilization and Political Development”, *American Political Science Review*. LV (September 1961). P. 493-514; *Zbigniew Brzezinski and Samuel P.Huntington*. Political Power: USA/USSR. New York, 1963; *David E.Apter*. The Politics of Modernization (Chicago: The University of Chicago press, 1965).
- ⁹ См.: *Gabriel A. Almond and Sydney Verba*. The Civic Culture. Doston, 1965.
- ¹⁰ *Шин И.А.* “Новые индустриальные страны” Азии. Социально-политические сдвиги и рабочий класс (60-80-е годы). М., 1989.
- ¹¹ Краткие справочные материалы по Тайваню. М., 1992; Тайвань. Справочник для бизнесменов. М., 1993.
- ¹² Современный Тайвань. Иркутск, 1994.
- ¹³ Жители Тайваня – это те же китайцы, но в отличие от китайцев, прибывших на Тайвань в 1949-1950 гг. они говорили на диалекте мин, распространенном в пров. Фуцзянь. Китайцы – жители Тайваня являлись предками тех китайцев. которые совершили колонизацию острова в XVII-XIX в. Что касается коренных жителей острова, то их к тому времени осталось несколько сот тысяч и жили они преимущественно в горных районах.
- ¹⁴ В течение многих лет вся документация о событиях 28-го фев-

- раля 1947 года была засекречена и была обнародована только несколько лет назад.
- 15 После отступления ГМД на Тайвань в официальных документах используется термин – Китайская Республика на Тайване, тем самым как бы подчеркивается, что в настоящее время ее юрисдикция распространяется только на Тайвань.
- 16 Трактат Луньюй (V в. до н.э.).
- 17 Трактат Хань Фэйцзы (III в. до н.э.).
- 18 “Шу цзин” (до нашего времени дошел текст, относящийся ко II в. до н.э.).
- 19 “Да ю сюэ” (глава из древнекитайского трактата “Ли цзи”, относится к IV-I вв. до н.э.).
- 20 Это высказывание принадлежит древнекитайскому поэту и мыслителю Цзя И (201-169 гг. до н.э.).
- 21 *Дун Чжуншу*. Чунь-цы фаньлу (Обильная роса на летописи “Чунь-цю”). Текст относится ко II в. до н.э.
- 22 Древнекитайская философия. Т. I. М., 1972. С. 247.
- 23 См.: Избранные материалы по истории китайской философии. Т. III. Пекин, 1964. С. 1036-1037 (на кит. яз.).
- 24 Такую традицию в политологии называют “политической культурой зависимости” (subject political culture”).
- 25 См.: *Сунь Ятсен*. ПСС. Т. II. Тайбэй. С. 93 (на кит. яз.).
- 26 См.: *Сунь Ятсен*. Вторая лекция о народовластии // *Сунь Ятсен*. Избранные произведения (М., 1985) дан другой перевод этого отрывка. С. 471-472.
- 27 См.: *Сунь Ятсен*. Четвертая лекция о народовластии // *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. (М., 1985), дан другой перевод этого отрывка. С. 501-502.
- 28 См.: *Сунь Ятсен*. Вторая лекция о народовластии. См. несколько иной перевод в книге: *Сунь Ятсен*. Избранные произведения (М., 1985). С. 474.
- 29 См.: *Сунь Ятсен*. Третья лекция о народовластии // *Сунь Ятсен*. Избранные произведения (М., 1985) дан другой перевод этого отрывка. С. 481.
- 30 См.: *Лян Цичао*. История доциньской политической мысли. Пекин, 1957. С. 17. (на кит. яз.).
- 31 См.: *Лян Шумин*. Основы китайской культуры. Тайбэй, 1960. С. 52. (на кит. яз.).
- 32 См.: Книгу выступлений Сунь Ятсена (под ред. Ло Цзялуна). Тайбэй, 1960.
- 33 Цит. по: *Чэнь Фуцин*. Китайская партия Гоминьдан и эволюция

- китайской демократии. Препринт. Тайбэй, 1994. С. 9. (на кит. яз.).
- 34 См.: *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. М., 1985. С. 653.
- 35 См.: Журнал “Дули”. № 171. (на кит. яз.).
- 36 См.: Прекрасные высказывания Президента Чана. Тайбэй, 1967. Ч. II. С. 73. (на кит. яз.).
- 37 Там же. Ч. II. С. 55.
- 38 Там же. Ч. II. С. 56.
- 39 См.: Прекрасные высказывания Президента Чана. Ч. II. С. 73.
- 40 Там же. С. 76.
- 41 Там же. С. 79.
- 42 Там же. С. 83.
- 43 Там же. С. 82.
- 44 Там же. С. 80-81.
- 45 Там же. С. 85.
- 46 Там же.
- 47 Там же. С. 50.
- 48 Там же. С. 51.
- 49 Там же. С. 45-46.
- 50 См.: Прекрасные высказывания президента Чана. Ч. I. Тайбэй, 1967. С. 81.
- 51 Там же.
- 52 Там же. С. 85.
- 53 Там же. С. 90.
- 54 Там же. С. 92.
- 55 Там же. Ч. II. С. 32.
- 56 Ссылки на Ли Хунчжана, одного из видных руководителей этого движения, отсутствовали, поскольку он считался замешанным в коррупции.
- 57 Коммунисты говорили о продажности верхушки ГМД – так называемых “четырёх семействах”, которые были связаны родственными узами с самим Чан Кайши.
- 58 Существовавшие в тот период несколько (две-три) мелкие партии – союзники ГМД играли роль “карманных партий” и фактически “облагораживали” фасад режима.
- 59 Цит. по Ли Юнхань. Эволюция взаимоотношений партии и правительства после переезда ГМД на Тайвань. Тайбэй, 1994. С. 2 (на кит. яз.).
- 60 Цит. по: *Linda Chao and Ramon H. Myers*. A New kind of party: The Kuomintang of 1949-1952. “Taipei, 1994. P. 3.
- 61 Нужно отметить, что примерно в то же время в Пекине по-

- явился знаменитый цитатник Мао Цзэдуна – “Изречения председателя Мао”.
- 62 *Steve Tsang. Revitalising the Revolution, Chiang Kai-shek's approach to political reform in the 1950s. Taipei, 1944. P. 4.*
- 63 Прекрасные высказывания президента Чана. Ч. II. Тайбэй, 1967. С. 141. (на кит. яз.).
- 64 Там же. С. 158.
- 65 Там же. С. 149.
- 66 Там же. С. 148.
- 67 Интересно отметить, что публикация данной серии продолжается до сих пор.
- 68 Только в последние два-три года под влиянием изменившейся ситуации и перехода Тайваня к демократическому этапу развития в кругах общественности стал широко обсуждаться вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения подобного положения. В 1994-95 гг. Министерством образования были приняты решения, передающие право сохранения курса трех народных принципов на усмотрение самим высшим учебным заведениям. Что касается средней школы, то этот курс заменен на “обществоведение”, где изложение этих принципов занимает значительное место.
- 69 См. журнал Дан ши. № 18. 1953. 1 января. С. 20 (на кит. яз.).
- 70 См. Материалы VII съезда ГМД. Тайбэй, 1952. С. 225 (на кит. язк.).
- 71 Там же.
- 72 См.: *Чан Кайши. Сочинения. Тайбэй. Т. 25. С. 2-4* (на кит. яз.).
- 73 См.: Выступления президента Цзян Цзинго. Тайбэй. Т 2. 1982. С. 65 (на кит. яз.).
- 74 См.: *Чан Кайши. Сочинения. Тайбэй. Т. 24. С. 33* (на кит. яз.).
- 75 См.: *Linda Chao and Ramon H. Myers. A new Kind of party: The Kuomintang of 1949-1952. Taipei, 1994. P. 13.*
- 76 См.: *Ли Юнь-хань. Эволюция взаимоотношений партии и правительства после переезда ГМД на Тайвань. Тайбэй, 1994. С. 6* (на кит. яз.).
- 77 См.: *Ли Юньхань. Эволюция взаимоотношений партии и правительства после переезда ГМД на Тайвань. Тайбэй, 1994. С. 2-3* (на кит. яз.).
- 78 Об отношении ГМД к своим противникам свидетельствует следующий примечательный факт. В 1936 г. произошли известные сианьские события. Суть их состояла в том, что Чан Кайши, прибывший на переговоры с руководителем одной из милита-

- ристских клик Чжан Сюэляном, был арестован последним и освобожден лишь при посредничестве представителя КПК Чжоу Эньлая. Позднее Чан Кайши нарушил обещание и арестовал Чжан Сюэляна. Тот находился под арестом вначале на материке, а в 1949 г. перевезен на Тайвань. Чжан Сюэлян был освобожден лишь в конце 80-х годов.
- 79 *Hu Fu*. The transition from a Modern Authoritarian regime and the Development of Democracy in Taiwan. preprint. Taipei, 1994. P. 2.
- 80 Она была опубликована 5-го числа пятого месяца.
- 81 Реакция коммунистов на созыв Национального собрания была резко негативной. Действия ГМД были заклеены как раскольнические.
- 82 В тот период эти две небольшие по численности партии сотрудничали с ГМД и были представлены в правительстве. Их решение об участии в создании новой партии скорее объяснялось конъюнктурными соображениями, чем свидетельствовало о серьезности их намерений.
- 83 В настоящее время дипломатические отношения с Тайванем имеют тридцать небольших латиноамериканских, африканских, островных азиатских государств.
- 84 Об аборигенах вопрос не стоял, поскольку их удельный вес в составе населения Тайваня был незначителен.
- 85 Чан Кайши умер в 1975 г.
- 86 Дословно, родившиеся за пределами провинции – вайшэн.
- 87 *Hu Fu*. The Transition from a Modern Authoritarian regime and the Development of Democracy in Taiwan. preprint. Taiwan, 1994. P. 8.
- 88 Там же. P. 10.
- 89 На острове существует около 5500 журнальных издательств и свыше 5200 книжных издательств.
- 90 *Hu Fu*. The transition from a Modern Authoritarian regime and the Development of Democracy in Taiwan. Preprint. Taipei, 1994. P. 10.
- 91 Там же.
- 92 Речь в данном случае идет о выборах в пределах провинции Тайвань, результаты выборов в Тайбэе, Гаосюне, на островах не учитываются, но разница здесь по сравнению с выборами в пределах провинции не очень большая.
- 93 Фуцзяньский диалект или язык миннань – южных миней – один из диалектов китайского языка, распространен в провинции Фуцзянь. Именно оттуда в XVII в. прибыли на Тайвань первые китайцы. В настоящее время большинство жителей острова в домашней обстановке, быту, по-прежнему говорят на диалекте.

- ⁹⁴ Подробнее о восстании, его причинах, ходе и уроках см.: *Lai Tse-han, Ramon H. Myers and Wei Wou. A Tragic beginning. The Taiwan uprising of February 28, 1947. Stanford University press, 1991.*
- ⁹⁵ *Huntington, Samuel P. American Politics: The Promise of Disharmony. Cambridge, 1981. P. 56.*
- ⁹⁶ Подробнее о политических институтах современного Тайваня см. работу Л.М.Гудошникова и К.А.Кокарева. Политическая система Тайваня. М., 1997.
- ⁹⁷ Демократическая прогрессивная партия. Устав партии. Программа партии. Тайбэй, 1995. С. 11 (на кит. яз.).
- ⁹⁸ Там же. С. 12.
- ⁹⁹ В декабре 1996 г. от Демократической прогрессивной партии откололась небольшая группировка, создавшая партию независимости Тайваня. У нее нет сколько-нибудь серьезного влияния, о чем свидетельствуют результаты ноябрьских выборов 1997 г., где она потерпела полное поражение.
- ¹⁰⁰ Цит. по книге “Общая критика Новой партии”. Тайбэй, 1993. С. 66 (на кит. яз.).
- ¹⁰¹ Там же. С. 67.
- ¹⁰² До настоящего времени на Тайване действует система обязательной воинской повинности, согласно которой все лица мужского пола, достигшие двадцати лет, должны отслужить в армии два года. Студенты подлежат призыву после окончания высшего учебного заведения.
- ¹⁰³ Цит. по кн.: Общая политика Новой партии. Тайбэй, 1993. С. 67-70.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 70-71.
- ¹⁰⁵ См.: *Wei Wou. Capitalism. A Chinese version. Ohio state university press. 1992. P. 32.*
- ¹⁰⁶ В отличие от Сунь Ятсена экономические взгляды руководства КПК до начала 80-х годов имели один источник — марксизм в его советской интерпретации.
- ¹⁰⁷ В.И.Ленин подверг Сунь Ятсена критике за его “мелкобуржуазные. народнические взгляды”. См.: *Ленин В.И. ПСС. Т. XXI. С. 400-406. (на кит. яз.).*
- ¹⁰⁸ См.: *Сунь Ятсен. Избранные произведения. Пекин, 1956.*
- ¹⁰⁹ Цит. по *Юй Цзунсянь. Претворение в Китае экономических идей господина СуньЯтсена. Тайбэй, 1994. С. 3. (на кит. яз.).*
- ¹¹⁰ См.: *Wei Wou. Capitalism. A Chinese version. Ohio state University press. 1982. P. 38-39.*

- 111 См.: *Wei Woу*. Capitalism. A Chinese version. Ohio state University press. 1992. P. 56.
- 112 В самом центре Тайбэя, рядом с Мемориалом Чан Кайши, есть небольшой квартал, состоящий из одноэтажных домиков ветхой постройки. Их существование можно объяснить только тем, что владельцы этих домиков “заломили” за них непомерно высокую цену.
- 113 См.: *Су Синьи*. Сборник статей о государстве. Тайбэй, 1991. С. 79. (на кит. яз.).
- 114 *Мя Яньбинь*. Тайваньское экономическое чудо и культурные факторы // Образование. Фундамент тайваньского опыта. Тайбэй, 1995. С. 69 (на кит. яз.).
- 115 См.: *Ли Дэнхуэй*. Управлять Большим Тайванем. Тайбэй, 1995. С. 262. (на кит. яз.).
- 116 См.: *Ли Дэнхуэй*. Управлять Большим Тайванем. Тайбэй, 1995. С. 265.
- 117 См.: *Ли Дэнхуэй*. Управлять Большим Тайванем. Тайбэй, 1995. С. 309-315.
- 118 См.: Сорок лет тайваньского опыта. Тайбэй, 1991. С. 79. (на кит. яз.).
- 119 Тогда еще не была провозглашена Китайская Народная Республика и суверенитет Китайской Республики юридически распространялся на всю территорию Китая.
- 120 В настоящее время один американский доллар равен 28 тайваньским долларам.
- 121 Следует учитывать, что до 1949 г. сельские жители составляли 50% от общей численности населения Тайваня.
- 122 См.: Russell Flannery. Taiwan’s weathers Asia’s storm // The Asian Wall street Journal, 23 December of 1997.
- 123 См.: *Вэй Воу*. Историческое место опыта экономического развития Тайваня (1949-1989). Тайбэй, 1994. С. 1 (на кит. яз.); его же: Capitalism. A Chinese version, Ohio State University press. 1992. P. 26-40.
- 124 См., например: *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. М., ИФРАН. 1995. С. 79-80.
- 125 См.: *Wei Woу*. Capitalism. A Chinese version. Ohio State University press, 1992. P. 29.
- 126 Достижения гонконцев в экономическом развитии проф. Вэй-Воу объясняет тем, что в силу политического статуса колонии, его жители имели мало возможностей для политической и социальной активности, поэтому они могли направить свои уси-

- лия лишь в сферу бизнеса или технологии. Что касается Сингапура, то его достижения в экономике в значительной степени связаны с умелым использованием географического положения (аналогичный пример – Гонконг) и с необходимостью противостоять угрозам со стороны Малайзии и Индонезии (см.: *Вэй Вэй*. Историческое место опыта экономического развития Тайваня (1949-1989). Тайбэй, 1994. С. 5-6.
- 127 См.: *Ян Кайхуан*. Развитие китайской культуры на Тайване // Образование. Фундамент тайваньского опыта. Тайбэй, 1995. С. 55-56 (на кит. яз.).
- 128 *Ян Кайхуан*. Развитие китайской культуры на Тайване // Образование. Фундамент тайваньского опыта. Тайбэй, 1995. С. 55 (на кит. яз.).
- 129 См.: *Joseph P.L.Jiang*. The Roles of Cultures and Socio-Political structures in Promoting Entrepreneurship and Economic Development // Confucianism and Modernization. A Symposium. Taipei, 1987. P. 334.
- 130 Там же.
- 131 *Ду Вэймин*. Вызов Сингапура. Теория нового конфуцианства и дух предпринимательства. Пекин, 1989. С. 140. (на кит. яз.).
- 132 См., например: *Mary Wright*. The Last Stanel of Chinese conservatism. Stanford, 1957.
- 133 См.: *Robert Bellah*. Tokugawa Religion. The Values of Pre-industrial Japan. Boston, 1970.
- 134 См.: Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1973. С. 152.
- 135 См.: *Fung Yu-lan*. A Short history of Chinese philosophy. New York, 1960. P. 242.
- 136 См.: *Hung chao Tai*. Confucian Rationalism and Political Modernization // Confucianism and modernization. A Symposium. edited by Joseph P.L.Jiang. Taipei, 1987. P. 39.
- 137 *Ду Вэймин*. Вызов Сингапура. Теория нового конфуцианства и дух предпринимательства. Пекин, 1989. С. 135.
- 138 Там же.
- 139 Там же. С. 136.
- 140 Там же. С. 136-137.
- 141 Цит. по: “Confucaianism and Modernization. A Simposium”. Ed. by *Joseph P.L.Jiang*. Taipei, 1987. P. 42.
- 142 См.: *Wing-tsit Chang*. A Source book in Chinese philosophy. Princeton university press, 1963. P. 15.
- 143 См.: John . Fairbank, Edwin O.Reischauer and Albert M.Craig. East Asia. The Modern Transformation. Boston, 1965. P. 57.

- 144 См.: *Fung Yu-lan*. A short history of Chinese philosophy. N.Y., 1960. P. 8.
- 145 См.: New York Times, 30 June 1978. P. 34.
- 146 См.: *Huang-chao Tai*. Confucian Rationalism and Political Modernization // Confucianism and Modernization. A Symposium. Taipei, 1987. P. 49.
- 147 См.: Луньюй.
- 148 *Solomon R.* Mao's Revolution and the Chinese political culture. Berkeley. 1971.
- 149 См.: Там же. P. XIV-XV.
- 150 См.: *Yu-Sheng Lin*. Reluctance to Modernize. The Influence of Confucianism on China's Search for Political Modernity // Confucianism and Modernization. A Symposium. ed. by Joseph P.L.Jiang. Taipei, 1987. P. 25.
- 151 См.: *Joseph P.L.Jiang*. The Roles of Cultures and Socio-Political structures in Promoting Entrepreneurship and Economic Development // Confucianism and Modernization. A Symposium. Taipei, 1987. P. 333.
- 152 Там же. P. 332.
- 153 См.: *Ricard H.Solomon*. The Chinese political Culture and the Problems of Modernization. Cambridge. Mass. 1965. P. 78-81.
- 154 См.: *Jack Gray*. China. Communism and Confucianism // Archib Brown and Jack Gray (ed.) Political Culture and Political Change in Communist States. New York, 1977. P. 222-224.
- 155 Международная конференция по конфуцианству. Сборник докладов. Тайбэй, 1988. С. 30. (на кит. яз.).
- 156 См.: Там же. С. 1592-1593.
- 157 *Metzger T.* Escape from predicament. Neo-confucianism and China's Evolving Political culture. New York, 1977. P. 77.
- 158 См.: *Wei Woy*. Capitalism. A Chinese version, Ohio State University press, 1992. P. 27.
- 159 *Ду Вэймин*. Вызов Сингапура. Теория нового конфуцианства и дух предпринимательства. Пекин, 1989. С. 137 (на кит. яз.).
- 160 В этой связи нельзя признать справедливым утверждения А.С.Панарина, что только англоамериканская политическая культура является центристской. По его словам, "ее олицетворяет "партия середины", которую в других политических культурах принято считать "презренной" (См.: *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. М., ИФРАН. 1995. С. 58-59).
- 161 *Ду Вэймин*. Вызов Сингапура. Теория нового конфуцианства и дух предпринимательства. Пекин, 1969. С. 141.

- 162 Второй формой конфуцианства являлось сунское неоконфуцианство, отличавшееся от учения Конфуция наличием определенных элементов даосско-буддийской метафизики.
- 163 Цит. по: *Leung, Yuen-sang*. The Uncertain Phoenix: Confucianism and its Modern Fate // *Confucianism and Modernization*. A Symposium. Taipei, 1987. P. 262.
- 164 См.: *Chung-ying Cheng*. On Confucian Ethics of Modernization and Modernization of Confucian Ethics // *Confucianism and Modernization*. A Symposium. Taipei, 1987. P. 102.
- 165 Там же. С. 103.
- 166 Там же. С. 105.
- 167 Там же. С. 100.
- 168 *Хуан Цюньчжи* и *У Куанмин*. Тайвань – устремления конфуцианства: навстречу XXI веку // *Cultural change in Postwar Taiwan*. Taipei, 1994. P. 81-82.
- 169 Формально руководители КНР отчетливо начали модернизацию в 1979 г. – после завершения “культурной революции”, однако фактически она началась уже в 50-ые годы, хотя тогда этот процесс носил название “социалистические преобразования”.
- 170 Национальные меньшинства в КНР составляют не более 5% от общей численности населения страны.
- 171 Кроме материкового Китая и Тайваня большой Китай включает также Гонконг.
- 172 Автор данной работы говорил на эту тему в своем заключительном слове на Международной конференции, посвященной 2545-летию со дня рождения Конфуция, состоявшейся 5-8 октября 1994 г. в Пекине.
- 173 См.: *Ян Кайхуан*. Развитие китайской культуры на Тайване // *Образование*. Фундамент тайваньского опыта. Тайбэй, 1995. С. 56-58. (на кит. яз.).
- 174 См.: *Чжао Цзянмин*. Развитие образования на Тайване и модернизируемое общество // *Образование*. Фундамент тайваньского опыта. Тайбэй, 1995. С. 49. (на кит. яз.).
- 175 *Тан Яньбо*. Сравнение развития образования и экономического строительства на двух берегах пролива // *Образование*. Фундамент тайваньского опыта. Тайбэй, 1995. С. 181-182. (на кит. яз.).
- 176 Там же. С. 183.
- 177 Там же. С. 51.
- 178 Там же. С. 188.

- ¹⁷⁹ Достаточно вспомнить знаменитое высказывание Дэн Сяопина — не важно, какого цвета кошка — черного или белого, главное, чтобы она ловила мышей.
- ¹⁸⁰ См.: Су Синьби. Сборник статей о государстве. Тайбэй, 1991. С. 98. (на кит. яз.).
- ¹⁸¹ Когда осенью 1981 г., вскоре после выдвижения этого положения, автор этих строк рассказал о нем одному из крупных советских авторитетов по научному коммунизму, члену Академии наук, он назвал Дэн Сяопина ревизионистом.
- ¹⁸² Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995. С. 255-256.

Список используемой литературы

а) на русском языке

1. *Гудовишников Л.М., Кокарев Н.А.* Политическая система Тайваня. М., 1997.
2. Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987 г.). Пекин, 1988.
3. Древнекитайская философия. М., 1972. Т. I. Т. II, 1973.
4. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.
5. *Дэн Сяопин.* Основные проблемы современного Китая. 1988.
6. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994.
7. Краткие справочные материалы по Тайваню. М., 1992.
8. *Ленин В.И.* Борьба партий в Китае // *Ленин В.И.* ПСС. Т. XXIII. С. 138-140.
9. *Ленин В.И.* Демократия и народничество в Китае // Там же. Т. XXI. С. 400-406.
10. Модернизация и национальная культура. М., Изд. Апрель-85.
11. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.
12. *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. М., , 1995.
13. *Переломов Л.С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
14. Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии азиатско-тихоокеанского региона. М., 1997.
15. Свободный Китай. Журнал, 1994-1997.
16. Современный Тайвань. Иркутск, 1994.
17. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М., 1985.
18. *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. М., 1983.
19. Тайвань: справочник для бизнесменов. М., 1993.
20. *Шин И.А.* “Новые индустриальные страны” Азии: Социально-политические сдвиги и рабочий класс (60-80-ые годы). М., 1989.

б) на китайском языке

1. Выступления Президента Цзян Цзинго. Т. II. Тайбэй, 1982.
2. *Вэй Воу.* Историческое место опыта экономического развития Тайваня (1949-1989). Препринт. Тайбэй, 1994.
3. “Дан ши”, журнал, 1953. № 18. Тайбэй.

4. “Дасюэ” (Глава из древнекитайского трактата “Ли цзи”).
5. Демократическая прогрессивная партия. Устав партии, Программа партии. Тайбэй, 1995.
6. “Дули”, журнал. № 171.
7. *Ду Вэймин*. Вызов Сингапура. Теория нового конфуцианства и дух предпринимательства. Изд. Саньянь шуцзянь. Пекин, 1989.
8. *Дун Чжуншу*. Чунь-цю фаньлу.
9. *Дэн Сяопин*. Избранные произведения. Т. 2, 3. Пекин, 1994.
10. Избранные произведения по истории китайской философии. Т. III. Пекин, 1964.
11. *Ли Гочжи*. Сунь Ятсен и господин Чан Кайши. Попытка сравнения их характеров. Препринт. Тайбэй, 1994.
12. *Ли Дэнхуэй*. Управлять большим Тайванем. Тайбэй, 1995.
13. Господин Президент *Ли Дэнхуэй*. Сборник выступлений за 1996. Тайбэй, 1997.
14. *Ли Хоуфэн*. Сорок лет демократического движения на Тайване. Изд. Цзыли ваньбао. Тайбэй, 1993.
15. *Ли Цзюньфу*. Дэн Сяопин – создатель современного китайского марксизма. Изд. Шанхай жэньминь чубаньшэ. Шанхай, 1995.
16. *Ли Юнхань*. Эволюция взаимоотношений партии и правительства после переезда ГМД на Тайвань. Препринт. Тайбэй, 1994.
17. *Лу Лянхай, Ян Юаньхуа*. Освободить мысль, быть реалистами. Изд. Шанхай жэньминь чубаньшэ. Шанхай, 1997.
18. “Луньюй” (Древнекитайский трактат).
19. *Лян Цичао*. История доциньской политической мысли. Пекин, 1957.
20. *Лян Шумин*. Основы китайской культуры. Тайбэй, 1960.
21. *Ляо Дачжи*. Стилль политического руководства и сила политического строя. Препринт. Тайбэй, 1994.
22. Материалы VII съезда ГМД. Тайбэй, 1952.
23. Международная конференция по конфуцианству. Сборник докладов. Тайбэй, 1988.
24. О новом вкладе 14-го съезда КПК (Сборник статей). Изд. Бэйцин жэньминь чубаньшэ. Пекин, 1993.
25. Образование. Фундамент тайваньского опыта. Тайбэй, 1995.
26. Общая критика Новой партии. Тайбэй, 1993.
27. Прекрасные высказывания Президента Чана. Ч. I, II. Тайбэй, 1967.
28. Программа изучения теории товарища Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой. Изд. Сюэси чу-

- баньшэ. Пекин, 1995.
29. Сорок лет тайваньского опыта (под ред. Гао Сицзюня и Ли Чэня). Тайбэй, 1991.
 30. *Су Сунди*. Сборник статей о государстве. Тайбэй, 1991.
 31. *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. Изд. Жэньминь чубаньшэ. Пекин, 1956.
 32. *Сунь Ятсен*. Книга выступлений (под ред. Ло Цзялуна). Тайбэй, 1960.
 33. *Сунь Ятсен*. Полное собрание сочинений. Изд. Чжунхуа цуцзюй. Тайбэй, 1981.
 34. Теория Дэн Сяопина и 14-й съезд партии. Шанхай кэсюэ чубаньшэ. Шанхай, 1993.
 35. “Хань Фэйцзы” (Древнекитайский трактат).
 36. *Цзян Цзэминь*. Высоко подняв знамя теории Дэн Сяопина, строя социализм с китайской спецификой, всесторонне вступить в двадцать первый век. Доклад на XV съезде КПК. Изд. Жэньминь чубаньшэ. Пекин, 1997.
 37. *Чан Кайши*. Сочинения. Т. 24, 25. Тайбэй.
 38. *Чжан Тяньфэй, Чжэн Иши, Чжан Юнь*. Иметь идеалы, иметь мораль, иметь культуру, иметь дисциплину. Изд. Шанхай жэньминь чубаньшэ. Шанхай, 1997.
 39. *Чжоу Шанвэнь, Чжоу Цзиньвэй, Чэнь Сиси*. Что такое социализм, как строить социализм? Изд. Шанхай жэньминь чубаньшэ. Шанхай, 1997.
 40. *Чжэн Син*. Исторический подход к осуществлению местного самоуправления после переезда туда Центрального правительства (1949-1950 гг.). Препринт. Тайбэй, 1994.
 41. *Чэнь Фуцин*. Китайская партия Гоминьдан и эволюция китайской демократии. Препринт. Тайбэй, 1994.
 42. *Чэнь Цунгун*. О деятельности Центрального комитета Гоминьдана и его исполкома после VI съезда партии. Препринт. Тайбэй, 1994.
 43. “Шу цзин” (Древнекитайский трактат).
 44. *Юй Цзунсянь*. Рождающаяся тайваньская экономика. Изд. Саньминшучзюй. Тайбэй, 1993.
 45. *Юй Цзунсянь*. Оценка экономического развития Тайваня. Успехи, критическая самооценка, взгляд на будущее. Препринт, б.м. и б.г.
 46. *Юй Цзунсянь*. Претворение в Китае экономических идей господина Сунь Ятсена. Препринт. Тайбэй, 1994.

в) на английском языке

1. *Gabriel A. Almond and James S. Coleman*. eds. *The Politics of the Developing Areas*. Princeton, 1960.
2. *Gabriel A. Almond and Sydney Verba*. *The Civic Culture*. Boston, 1965.
3. *David E. Apter*. *The Politics of Modernization*. Chicago, 1965.
4. *Asia Wall Street Journal*. 1997. December.
5. *Robert Bellah*. *Tokugawa Religion. The Values of Pre-industrial Japan*. Boston, 1970.
6. *Archib Brown and Jack Gray* (ed.). *Political Culture and political change in Communist States*. New York, 1977.
7. *Zbigniew Brzezinski and Samuel P. Huntington*. *Political Power: USA/ USSR*. New York, 1963.
8. *The clash of civilization? The debate. A foreign affairs reader*. New York, 1993.
9. "Confucianism and Modernization. A Symposium". Edited by P.L./ Jiang/ Taipei, 1987.
10. *Cultural Change in Postwar Taiwan*. Edited by Stevan Harrell and Huang Chun-Chieh. Taipei, 1994.
11. *Linda Chao and Ramon H. Myers*. *A New kind of party: The Kuomintang of 1949-1952*. Preprint. Taipei, 1994.
12. *Karl W. Deutsch* "Social Mobilization and Political Development", in: *American Political Science Review*. LV (September 1961).
13. *John K. Fairbank, Edwin O. Reischauer and Albert M. Craig*. *East Asia. The Modern Transformation*. Boston, 1965.
14. *Free China Journal*. Taipei, 1996, 1997.
15. *Free China Review*. Taipei, 1996-1998.
16. *Fung Yu-lan*. *A Short history of Chinese philosophy*. New York, 1960.
17. *Hu Fu*. *The Transition from a Modern Authoritarian regime and the Development of Democracy in Taiwan*. Preprint. Taiwan, 1994.
18. *Huntington, Samuel P.* *American Politics. The Promise of Disharmony*. Cambridge, 1981.
19. *In the Shadow of China. Political developments in Taiwan Since 1949*. Edited by Steve Tsang. Hong Kong, 1993.
20. *Lai Tse-han, Ramon H. Myers and Wei Wou*. *A Tragic beginning. The Taiwan Uprising. February 28, 1947*. Stanford University press, 1991.
21. *Metzger T.* *Escape from predicament. Neo-confucianism and China's Evolving Political culture*. New York, 1977.
22. *The Republic of China Year-book 1997*. Taipei, 1997.
23. *Quiet Revolutions on Taiwan, Republic of China*. Edited by Jason C. Hu. Taipei, 1994.

24. *Richard H. Solomon*. The Chinese political Culture and the Problems of Modernization. Cambridge, 1964.
25. *Solomon R.* Mao's Revolution and the Chinese political Culture. Berkeley. 1971.
26. *Steve Tsang*. Revitalising the Revolution, Chiang Kai-shek's approach to Political reform in the 1950s, preprint. Taipei, 1994.
27. *Hung-Mao Tien*. The great transition. Political and Social Change in the Republic of China. Taipei, 1993.
28. *Tu Wei Ming*. Confucian thought. Selfhood as creative transformation. New York, 1985.
29. *Wei Woy*. Capitalism. A Chinese version, Ohio. 1992.
30. *Wing-tsit Chang*. A Source book in Chinese philosophy. Princeton, 1963.
31. *Mary Wright*. The Last Stanel of Chinese conservatism. Stanford University press, 1957.
32. *Tsong-Shian Yu*. Challenges faced in transforming from a centrally planned to a market Economy. Reprint from the "Industry of free China", Vol. LXXXI. № 5. May 1994.
33. *Tsong-Shian Yu*. Taiwan's Aschivements in Economic Development. – A Miracle? Reprint from the "Industry of free China". Vol. LXXX. № 5. November 1993.
34. *Tsong-Shan Yu*. Taiwan's rapid adjustment to Enhanced Position in the World Economy. Reprint from the "Industry of free China". Vol. LXXXII. № 4. October 1994.

Summary

THE MODERNIZATION OF TAIWANESE SOCIETY

This is a monographic study devoted to the experience of modernization Taiwan society in the 1950s-1990s. The monograph includes Introduction, five chapters and Conclusion.

In the Introduction the interpretation of the problem of modernization works by European, American, Taiwan and Russian scholars is analyzed. At the same time, the Introduction contains a review of rather scarce Russian literature devoted to Taiwan.

Analyzed in Chapter I is the ideological program of Kuomintang. This approach is not accidental, since it is this party that controlled the process of modernization in Taiwan for a long period of time. In this connection, political ideas of Sun Yat-seng, Chiang Kai-shek and Chiang Ching-kuo are presented in Chapter I. The main emphasis was made on the consideration of Sun Yat-seng's three popular principles which are the essence of his doctrine. Ties between it and traditions of Chinese political thought and ideas of West European and American social doctrines were emphasized and Sun Yat-seng's stance over the issue of the division of powers of the people and responsibilities of the authorities, local self-rule, political parties, etc., was described. A detailed description of "The Constitution of Five Power" created by him and his teaching on the periods of China's transition to political democracy is also given. Criticism of superficial approach to the assessment of Sun Yat-seng's doctrine displayed by Marxists and based on Lenin's statements, is also given.

The exposition of Chiang Kai-shek's political views includes a description of their succession from "Sun Yat-seng's three popular principles", the former's interpretation of democracy, his idea of freedom, including individual and state freedom, interrelation of freedom and law and his understanding of moral principles of the Chinese nation.

As concerns ideas of Chiang Ching-kuo, in the opinion of the author of the monograph his political convictions were formed not only under the influence of traditional Kuomintang ideology, but also, in a no lesser degree, they were influenced by time.

Analyzed in Chapter II is the problem of political modernization of Taiwan society. It gives a detailed information about Kuomintang reforms of the 1950s and about the forming of authoritarian regime in Taiwan which took place in the same period of time. Characterizing the political process in Taiwan after 1949, the author of the monograph adheres to the idea of Prof. Hu Fu, expounded by the latter in a number of publications. Then internal and international factors which predetermined the transition of Taiwan society from authoritarian regime to political democracy are analyzed, a concrete analysis of the forming of democratic institutions of political power is given and changes in the Constitution, the electoral process and activities of political parties are described. A special section of the chapter is devoted to programs of the leading political parties of Taiwan: Kuomintang, the Democratic Progressive Party and New Party.

Chapter III contains an analysis of economic modernization of Taiwan society including Sun Yat-seng's economic doctrine: the principle of the people's welfare; of the strategy of economic policy, implemented in the corresponding plans and programs of development, and of the role of the state in the advancement of Taiwan's economy. A special section of the chapter is devoted to the question of influence of Chinese cultural traditions, i.e., the role of family and kinship relations, national psychology of the Chinese ethnic community, etc., on the process of economic modernization.

Chapter IV is devoted specially to the problem of the influence of Confucianism on modernization of Chinese society. The author analyzes the role played by Confucianism in China during the country's entire history and the attitude of the Chinese intelligentsia towards Confucianism in the 19th and 20th centuries. Following a number of contemporary researchers, the author upholds the idea that Confucianism is a factor encouraging social and economic changes. Confucianism insist on the reduction of social tension to the absolute minimum, which allows to describe it as rational ethics. The achievement of concord between people makes it possible to unite their efforts for the attainment of social and political objectives on any scale. It is this orientation of Confucianism that

promoted modernization of Chinese society. This is why the author disagrees with Max Weber's idea of conservative nature of Confucianism as opposed to the innovation spirit of Protestant ethics.

Chapter V contains comparative analysis of the experience of modernization in Taiwan and Mainland China. The author calls attention to the following common elements in both modernization processes: one-party authoritarian regime; a common state political ideology for the entire society; emphasis on economic modernization; state control of economics; an important role of supreme leaders, Chiang Kai-shek and Teng Hsiao-ping, in the enforcement of modernization.

Speaking about differences of principle, the author considers the following moments: a mixed economy with the domination of private sector and the use of Chinese cultural traditions in Taiwan; gradual forming of civil society in the process of modernization in Taiwan and different social and political orientation of individuals.

Chapter V contains also an assessment of the model of "socialism with Chinese specificity".

Analyzed in the Conclusion is international significance of the experience of modernization of Taiwan society for such countries as Russia, former republics of the Soviet Union (for instance, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan), Vietnam and Mongolia.

In the writing of the monograph, works by Taiwan authors in the Chinese and English languages; publications of American, British and Hong Kong authors and scholars of Mainland China; proceedings of international conferences and symposia, as well as materials of colloquies with Taiwan scholars during the authors' sojourn in Taiwan.

This monograph is the first work in the Russian language devoted to modernization of Taiwanese society.

Thus far only three or four books about Taiwan, mainly of reference nature, have been published in Russia.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. Идеино-теоретическая программа	
Гоминьдана	13
1.1. Политическое учение Сунь Ятсена	13
1.2. Идеологические установки Чан Кайши	33
ГЛАВА 2. Политическая модернизация	
тайваньского общества	46
2.1. Реформа Гоминьдана и формирование авторитарного режима	46
2.2. Переход от авторитарного режима к демократическому обществу	69
2.3. Программы политических партий	98
ГЛАВА 3. Экономическая модернизация	
тайваньского общества	106
3.1. Экономическое учение Сунь Ятсена	106
3.2. Стратегия и тактика экономической модернизации	114
3.3. Китайские культурные традиции и экономическая модернизация Тайваня	141
ГЛАВА 4. Конфуцианство и модернизация	
тайваньского общества	155
ГЛАВА 5. Опыт модернизации в материковом	
Китае и на Тайване (сравнительный анализ)	194
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. Международное	
значение опыта тайваньской модернизации	211
Примечания	217
Список используемой литературы	228
Summary	233

Научное издание

БУРОВ Владилен Георгиевич

Модернизация тайваньского общества

Утверждено к печати Ученым советом

Института философии РАН

В авторской редакции

Художник *В.К.Кузнецов*

Технический редактор *Н.Б. Ларионова*

Корректоры: *Е.В.Захарова, Л.В.Суровцева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 22.04.98.

Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 07,5. Уч.-изд. л. 09,78. Тираж 500 экз. Заказ № 014

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.Н.Платковская*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119842, Москва, Волхонка, 14